

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Ленинградское отделение

В. С. СОКОЛОВА

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
МУНДЖАНСКОГО ЯЗЫКА
И ШУГНАНО-ЯЗГУЛЯМСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1973

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Настоящая работа продолжает исследование генетических отношений памирских языков, начатое книгой "Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы" (Л., 1967), в заключении которой указывается, что для определения следующего (после язгулямо-шугнанского) этапа памирской языковой общности надлежит прежде всего выявить, какой из остальных памирских языков (ишкашимский, ваханский, мунджанский) наиболее близок к шугнано-язгулямской группе.

Для этого требуются специальные изыскания, поскольку ни один из названных языков какой-либо явной близости к шугнано-язгулямской группе не обнаруживает. Среди них, пожалуй, легче выделить язык, наиболее отличающийся, - ваханский. Некоторые из его отличий уводят, как кажется, в довольно глубокую древность, например $\hat{x} < \text{ир. } \hat{\delta}'\text{ч}$ (др.-инд. $\delta\text{ч}$) $< \text{и.-е. } \hat{k}w$ при вр в остальных памирских языках: вах. $ya\hat{x}$ "лошадь", мундж. $u\hat{o}br$, ав. $a\hat{z}ra-$, др.-перс. $a\hat{z}a-$; вах. $\hat{x}i\hat{x}$ "вошь", шугн. $\hat{x}i\hat{r}a\hat{x}$, язг. $\hat{x}e\hat{r}aw$, ишк. $\hat{x}r\hat{i}$, мундж. $\hat{x}r\hat{i}-u\hat{e}$, ав. $\hat{x}r\hat{i}\hat{x}-$.

Другие существенные особенности в ваханской фонетике следующие.

§ 2. Ваханский сохраняет группы $*tr$ и $*rt$, в то время как в остальных языках они претерпели ту или иную трансформацию. Ср.

Валентина Степановна Соколова
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МУНДЖАНСКОГО ЯЗЫКА
И ШУГНАНО-ЯЗГУЛЯМСКОЙ ГРУППЫ

Утверждено к печати
Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства Н. Г. Гилинская
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор И. М. Кашеварова

Сдано в производство и подписано к печати 6/II 1973 г. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$.
Бумага № 1. Печ. л. 15 $\frac{1}{2}$ = 15,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,23. Изд. № 5003.
Тип. зак. № 1335. М-05122. Тираж 700. Цена 71 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199034, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

вах. *retr* "сын", шугн. *pus*, язг. *pus*, мундж. *pūr*, ав. *puvra-*;
вах. *meret* "умер", шугн. *mūd*, язг. *meg*, ишк. *myl*, мундж. *myr*, ав.
mereta-; вих. *kert* "сделал", шугн. *ōūd*, язг. *keg*, ишк. *kyl*, мундж.
kyr, ав. *kereta-*; вих. *ḡard* "навоз", шугн. *ḡtd*, ид. *reṣkedrī* "по-
мет мелкого скота".

В сочетании **ra* во всех других памирских языках так или иначе трансформируется *r*. В ваханском, напротив, *r* сохраняется. Ср. вих. *myr* "яблоко", шугн. *mīn*, язг. *man*, ишк. *menē*, мундж. *āmōhē*; вих. *ker* "глухой", шугн. *ōūn*, мундж. *kūhē*, ав. *karēna-*. Вообще нестойкость *r* перед согласными, так или иначе проявляющаяся во всех языках, для ваханского языка мало характерна. Ср., например, вих. *veṣz* "длинный" при шугн. *vūṣz*, язг. *vez*, ишк. *vēṣ-* *duk*, мундж. *vāhē*, ав. *berēza-*.

Интервокальное **ṣ* во всех языках претерпевает то или иное изменение, но в ваханском сохраняется: вих. *ṣīṣ* "ухо", шугн. *ṣūṣ*, язг. *ṣevon*, ишк. *ṣūl*, мундж. *ṣūu*, ав. *gaōṣa-*; вих. *remṣ-* "забывать", мундж. *fyṣmy-*. Сохраняется **ṣ* в ваханском также в сочетании **ṣm*, где в остальных языках оно выпадает: вих. *ṣeṣm* "глаз", шугн. *seṣm*, язг. *ṣam*, ишк. *oṣm*, мундж. *ōṣm*, ав. *ṣaṣman-*. В некоторых случаях ваханский передает *ṣ* в составе **ṣt*, **ṣk* через *v* в отличие от остальных языков: вих. *met* "кулак", шугн. *miṣtak* "горсть", мундж. *miṣkīu* "кулак", ав. *miṣti-*; вих. *weṣk* "сухой", язг. *waṣk*, мундж. *miṣk*, ав. *huṣka-*; вих. *reṣt* "толокно", шугн. *piṣt*, ид. *piṣṣ* (< **piṣta-*; ав. *piṣant-* "дробящий").

Сочетание **zn* дает в ваханском *st* при *zn* в остальных языках: вих. *steṣ* "сноха" при шугн. *zinaṣ*, язг. *zinaw*, ишк. *zīnyl*, мундж. *zīnyu*, скр. *znusa-*; вих. *wezdny* (с озвончением между гласными) "мать" при шугн. *zini-*, язг. *zēna-*, ишк. *zīna-*, мундж. *zīna-*. Переход *n* в *t* в ваханском вероятен и в случаях: *poṣt* "пятка", *uoṣt* "гнездо".

§ 3. В морфологии ваханского языка своеобразны личные местоимения: *sak* "мы", *sro* "наш"; *saṣt* "вы", *sav* "вас", "ваш". Необычны также косвенные формы от *wuz* "я": *maṣ* "меня", *ṣe* "мой" (IIPL II 490-491).

Основы прошедшего времени образованы не только от имен на *-*ta* или *-*ti*, но и от имен на *-*na*: *weṣeṣ* : *weṣeṣn* "отставать", *ṣic* : *ṣeṣn* "дойти", *reṣ* : *reṣn* "убегать" и пр. Этот же суффикс -*n* образует инфинитив, что тоже совершенно несвойственно остальным памирским языкам: вих. *raon* "печь", *tukn* "идти", *nyzn* "терять", *nfn* "ткать" и пр. (при параллельном образовании с -*ak*: *resak*, *nyzak*, *nytak* и пр.).

§ 4. Лексика ваханского языка отличается весьма существенно. В нем отсутствует целый ряд слов, представленных во всех остальных памирских языках. Ср., например:

Шугн.	Ишк.	Мундж.	Вах.	
<i>meṣ</i>	<i>may</i>	<i>miṣ</i>	<i>rwor</i>	день ^I
<i>ṣir</i>	<i>uṣr</i>	<i>uṣhu</i>	<i>parḡ</i>	зола
<i>yēd</i>	<i>yatik</i>	<i>yēṣ</i>	<i>skord</i>	мост
<i>zarīz</i>	<i>uṣirj</i>	<i>ṣeṣe</i>	<i>wolṣ</i>	куропатка
<i>wūrj</i>	<i>urk</i>	<i>myrj</i>	<i>ṣapt</i>	волк
<i>rūro</i>	<i>urvesok</i>	<i>rawse</i>	<i>naṣṣir</i>	лиса
<i>ṣūnṣ</i>	<i>ṣenuk</i>	<i>ṣūnyu</i>	<i>ṣaṣṣ</i>	волосы
<i>vaz</i>	<i>vṣz</i>	<i>vnyz</i>	<i>tuṣ</i>	коза
<i>rafo</i> (барт.)	<i>ref</i>	<i>rūfe</i>	<i>drerṣ</i>	веник
<i>wizūn-</i>	<i>reṣin-</i>	<i>vzōn-</i>	<i>diṣ-</i>	знать
<i>xār-</i>	<i>xar-</i>	<i>xer-</i>	<i>yaw-</i>	есть
<i>wārv-</i>	<i>worv-</i>	<i>myrv-</i>	<i>yakṣ-</i>	кипеть

^I Ишк. - полдень.

yān-	yurn-	yōāg-	dyk-	молоть
viraŋ-	vrel-	vrīr-	škēd-	ломать(ся)
cif-	t̥r̥h̥f-	t̥r̥h̥f-	ḡnyu-	красть
vār-	nyar-	āver-	yund-	приносить
ḡāḡ-	day-	dāl-	rand-	давать

С другой стороны, ваханский язык отличается наибольшим количеством специфически ваханских слов, часть из которых продолжает древние слова, не представленные иногда ни в одном из живых иранских языков; многие же слова не имеют достаточно надежной этимологии. Ср.: naŋd "ночь", ḡaḡ "собака", yōḡ "утка", ḡay "мужчина", ḡrukḡ "бык", s(ḡ)prēŋ "росток", "побег", ying "незрелый", yaw : yit "есть", wundr "земля", ḡundr "горячий", vāek "дорога", yirk "ячмень", r̥yrg "вечер", ḡrēst "рукав", dīŋer "ноготь", mīḡ "нос", ḡeŋd "новый", wudg "сегодня", brīn "колени", ḡay : ḡit "убивать", geŋs : geŋst "бежать" и др.

Таким образом, определяя ваханский язык как наиболее отличающийся от других памирских языков, мы тем самым на данном этапе исследования оставляем его в стороне от рассмотрения.

§ 5. Что касается языков ишкашимского и мунджанского, то их отношение как между собой, так и к шугнано-язгулямской группе не определяется сразу и не лежит на поверхности. Г. Моргенштерне склонен был видеть известную близость между мунджанским и ишкашимскими языками в общем их противополжении шугнанской группе. Определяя место мунджанского языка, он писал: "Внутри памирских языков йидга-мунджи выявляет мало специфических совпадений с шугнанской группой (хотя ср. йидга nīḡ-, шугн. nīḡ- < *nīhḡ- "сидеть"). Связь йидга-мунджи с ваханским ограничивается по существу наличием нескольких общих слов с l < ḡ, вероятно заимствованных ваханцами... Но между йидга-мунджи и сангличско-ишкашимским существует ряд сходных черт. Так, например, мы имеем ряд слов,

которые, насколько мы можем судить по сегодняшним нашим знаниям, специфичны для этих двух соседних диалектов" (IIFL II 24). Далее приводится список совпадающих слов и общие морфологические черты (личное окончание -eŋ 2 л. мн.ч. и показатель прямого дополнения vo, va).

Но в настоящее время, когда мы располагаем значительно большим количеством сведений по памирским языкам, особенно по шугнанской группе, мы видим, что указанные Моргенштерне сходные черты не всегда составляют специфику ишкашимского и мунджанского языков. Так, из приведенного им списка в 14 совпадающих слов 6 свойственны и шугнанской группе: йд. uḡḡeno, сангл. uḡtīn, барт. wuḡtīn "сеновал"; йд. ləzo, сангл. dēzīn, шугн. ḡēsak "дикий овес"; йд. nīya, сангл. nīḡuk "пахтанье", руш. nau : nīd, язг. nau : naḡ "сбивать масло"; йд. is : yāu, мундж. is : uḡu, ишк. wus : wud, шугн. uḡs : uḡa, язг. ayos : ayed "уносить"; йд. vḡī-, сангл. vḡēl-, шугн. viraŋ-, язг. viraŋ- "ломать(ся)"; йд. iḡo (мундж. uḡḡe), сангл. uḡḡay, iḡwai (ишк. iḡo), шугн. uḡḡ "сестра".

Что касается морфологических сходных черт, то окончание -eŋ 2 л. мн.ч. наличествует и в шугнанской группе (рушанское и бартагское -af), а показатель прямого дополнения va, отмеченный в сангличском, вовсе не представлен в ишкашимском и, по всей вероятности, заимствован сангличским из мунджанского. В ишкашимском показателем прямого дополнения служит суффиксальный формант -i, совпадающий с таким же формантом ваханского языка, откуда он, вероятно, и заимствован.

Таким образом вопрос о шугнано-язгулямо-ишкашимо-мунджанской языковой близости остается открытым и сопоставление этих языков нужно проводить заново.

При этом весьма важно иметь в виду территориальные связи. Мунджанский язык никак не связан ни с шугнано-язгулямской группой, ни с ваханским языком. Но он находится в близком соседстве

с сангличским диалектом ишкашимского языка: мунджанцев и сангличцев разделяет лишь перевал. Собственно ишкашимский язык соседит с шугнанским и ваханским языками; в пограничных зонах общение ишкашимцев, шугнанцев и ваханцев носит массовый характер.

Таким образом: 1) мунджанский язык может испытывать влияние со стороны сангличского диалекта ишкашимского языка; 2) ишкашимский язык в отношении оказываемого на него языкового воздействия как бы распадается на две части: сангличский диалект связан с мунджанским языком, а собственно ишкашимский испытывает активное воздействие со стороны шугнанского и ваханского языков; 3) шугнанская группа (особенно шугнанский язык) взаимодействует с ишкашимским и ваханским. Язгулямский язык имеет связи только с шугнанской группой.

Территориальная близость не могла не сказаться на том или ином языковом сближении, и поэтому, естественно, больший вес при сравнении будут иметь совпадения между теми языками и диалектами, которые территориально отделены друг от друга. Так, совпадения мунджанского с языками шугнано-язгулямской группы будут иметь большее значение, чем совпадения мунджанского или шугнанского с ишкашимским.

Проведенное сравнение дало следующие результаты.

В ЛЕКСИКЕ

§ 6. В словаре больше всего специфических совпадений, т.е. слов, не засвидетельствованных в других памирских языках, обнаруживается между шугнано-язгулямской группой и мунджанским языком.¹

¹ Как и далее, в таблицах слова для шугнано-язгулямской группы без пометы взяты из шугнанского языка.

Шугн.-язг.	Мундж.	
aħar	axriyə	шиповник
ɔɪraɪ (язг.)	ɔɪriɪ	абрикос
ɔuʃɔ, язг.kusʃ	kɔɐk	ячмень
ɾim	ɾaməne	тополь
ambaħɔ	yəwɪrse	арча ²
wəɖ, wiɖg (язг.)	wiɪɔ	ива ³
ɟuɪ	āɟuɪzə	гречкий орех
kɪħ	kuʃəɟə	борозда
zimo	zāxmə	участок земли
ʒɪraɪ (руш.)	ɟɪrəɪ	сорт глины ⁴
pɪɾħ	pəɾx, pəɾħ (Зар.)	иней
nāmb	nəb	роса
ɟuɪ (язг.)	ʒɔɪ (Ид.)	озеро
pūnd	pōnde	дорога
pūɖ	pɪɪf, pəɪf (Ид.)	брод
paɾɪn	paɾaɪɪko (Ид.)	оврынг
saɪəg (язг.)	səɟə	тень
yūɾħ	yaɾʃ, yeɾʃ (Ид.)	медведь
ɔɪɾm	kyɾm	червяк
fɪɾɔɟɪz	fɾɪɪɟə	блоха
yōo	yūɾ	огонь
ɔɪɖ	kəɪ	дом
nəħ	nəx	нары ⁵

² Этимологию см. в IIFL II 274.

³ Язг. - виноградная лоза.

⁴ Мундж. - прах, земля.

⁵ Мундж. - пол.

stūr	stūr (Зар.)	крупный рогатый скот
γijīd	γijio (Ид.)	хлев
wardān	wurūn	мельничный вал
mōṣ	maḥnu	пастуший посох
xaṇā, язг. xanāg	xunə	доска для теста
wūrj	wurj	нити шерстяные
avḍust	avlosto (М.), alvōsta (Зар.)	рукавицы ⁶
pərḍəst (язг.)	palāstə (М.)	браслет
pərγaxt (язг.)	pərγaxkny	перстень
avḍen (язг.)	awlān (М.)	уздечка
pōṣ	pūx (Зар.)	пуля ⁷
pērnak	pāngiye	пятка ⁸
biḫtūn	pyāken	бедро
biγūj	yivguš (Зар.), avγuš (М.)	пазуха
pibizg, язг. paražg	parus (М.)	мочевой пузырь ⁹
čūn	kūng	глухой
zīmā	zōmbo (М.)	край, грань ¹⁰
γəṭawṣ (язг.), žirēx (барт.)	γurex (Ид.)	узел ¹¹
sūg	sūgo, sIγakā (М.)	сказка, рассказ

⁶ Мундж. - рукав.

⁷ Но ср. с ишк. pāčīn, сангл. pəčūn (IIFL II 406).

⁸ Но ср. вах. pošt; ишк. pošna заимствовано.

⁹ Мундж. - легкие.

¹⁰ Мундж. - десна.

¹¹ Вах. jirex заимствовано.

ənder (язг.)	dīr	другой ¹²
kāmb (хуф.)	kəb	мало
xist	xust	мокрый
tēr	tīrə	темный
χīn	axšīn (Ид.)	бурый
ḍūχ	kaš	пестрый ¹³
mīḍēn	mālēn	средний ¹⁴
mīḍēnz	mīēmčī	средний по возрасту
ḍum	lym	хвост ¹⁵
mōṣ	mīx	день ¹⁶
māḍin	mīxēn	днем
rāmēg (язг.)	wurzug (Зар.)	правый
pīxəw : pīxud	fxəw : fxəvd	стричь овец
žəz : žīzd	γaz : γazd (Ид.)	бежать
nīγūj : nīγuxt	nyγūy : nyγūsk	слышать ¹⁷
pəγand : pəγost (язг.)	ōγyd : ōγyst	надевать
səw : sēwd	səw : sēvd	тереть, растирать
χioi : χicōa	pəny : pəny	мерзнуть

¹² Вах. уеп много образования.

¹³ Ишк. ḍul заимствовано из шугнанской группы, на что указывает ḍ (ср. срк. ḍal).

¹⁴ В ишк. и вах. от этого корня только общепамирское ишк. mēd, вах. mād "поясница".

¹⁵ Ишк. dāmb от другой исходной формы или заимствовано (ср. IIFL II 223).

¹⁶ Ишк. māy "полдень".

¹⁷ Если вах. kəəy : kəəyn, ишк. arəx : arəxt от того же корня, то много образования (ср. IIFL II 527 и 381).

abōz : abūxt (руш.)	āvōz : āvēzd	отсылать ¹⁸
wiḡafs : wiḡtvd	ḡyṡw : ḡyṡvd	возвращаться
wiḡēb : wiḡtvd	ḡyṡw : ḡyṡvd	возвращать
vi : mad (язг.)	fygm : vi	быть, являться

Наблюдающиеся в некоторых случаях в приведенном списке расхождения значений едва ли говорят о различии. Они также свидетельствуют об исходной словарной общности, указывая на идентичность словообразования. Ср., например, состав слова шугн. avdust "рукавица" и мундж. м. avlosto "рукав" (<*abi-dasta-). Подобного рода семантические расхождения тождественных по образованию слов наблюдаются и между близкими друг другу языками; ср. в шугнанской группе: шугн. abōz- "глотать" при руш. abōz- "посылать" (<*ara-az-). Та или иная общность в словообразовании выявляется для сравниваемых языков на многих примерах. Так, для язг. ep-dag и мундж. dīr общим является подъем гласной суффикса (<an-tāra) при ав. antara-; ср. также шугн. ṡiṡtā и ид. ṡiṡtā <*gu-kata "хлев" при ишк. ḡkud <*ḡsu-kata, или такие полностью совпадающие случаи, как шугн. mēdin, мундж. mīḡēn "днем", шугн. mī-dēn, мундж. mīēmōi "средний по возрасту".

Следует отметить также, что в мунджано-шугнанских совпадениях выделяются некоторые тематические группы, например названия растений, хозяйственные и бытовые слова, которые в ряде случаев составляют полную шугнано-мунджанскую специфику, не встречающуюся в других современных иранских языках. Ср., например (в шугнанском варианте): rīm "тополь", nēx "нары", mōḡ "пастуший посох", wāg-dān "мельничный вал", ṡiṡtā "хлев", kapa "доска для раскатывания теста", rīḡēw : rīkud "стричь овец".

¹⁸ Мундж. - приводить.

Все это говорит о том, что мунджанско-шугнанские совпадения в лексике не носят случайный характер, а предполагают общность в прошлом, тем более что какие-либо поздние заимствования здесь маловероятны, поскольку эти языки разобщены территориально.

§ 7. Между шугнано-язгулямской группой и ишкшимским языком имеем следующие словарные совпадения.

Шугн.-язг.	Ишк.	
cimūd	ḡmūd	корзина
ḡuyah, язг. ḡēdan	ḡdan	котел
wiḡkirīṡ	ḡkuruk	кочерга
ṡēz, руш. wizeḡ	ḡzo	уголь
garḡā	gola	хлеб, лепешка
ḡerk	ḡrk	древесина
zūṡ	zyl	рукав
pōo	pik	очередь пасти скот
vōrṡ	vruk	лошадь
kud	kbd	собака
būn	vin	борода
kām	kamuk	шея ¹
nēz	nio	нос
rinēs : rinuḡt	fyrnis : fyrnit	забывать
virī : avūg (барт.)	avir : avūld	находить
tī : tūyd	tao : tūyd	уходить
nōṡ : nēṡd	uniḡ : uniḡd	бродить, кружить ²
ambīḡ : ambūst	ambid : ambist	обрушиваться

¹ Ишк. - спина.

² Ишк. - возвращаться.

lūv : lūvd	bylav : bylavd	говорить ³
žirand : žirušt (руш.)	γyrynd : γyryst	кусать, жалить ⁴
bēs : bēd, bay : bid (язг.)	aply : aped	теряться
gež : gojd (язг.), gēz : gāwd (руш.)	gež : rūjd	подкрашивать глаза
gāv : rīvd	rūv : rūvd	сосать молоко
pal	peleštuk ⁵	восход (солнца)

Как можно видеть, шугнано-ишкашимских схождений значительно меньше. При этом больше половины из них засвидетельствованы только в собственно ишкашимском, т.е. в диалекте, находящемся в непосредственном соседстве с шугнанской группой. Только 12 слов (в списке они подчеркнуты) являются общими как для ишкашимского, так и для сангличского диалектов. Случаев специфических сангличско-шугнанских схождений не засвидетельствовано вовсе.

Некоторые из первой серии слов (т.е. не засвидетельствованных в сангличском) представляют собой зональные заимствования: бууан "котел", garḡa "лепешка", причем последнего слова нет в язгулямском языке. Эти слова свидетельствуют о длительном языковом контакте, но не об исходной словарной общности. Среди остальных слов (т.е. общих для ишкашимского и сангличского) трудно выделить какие-либо тематические группировки: совпадения носят разрозненный характер. Впрочем, это в одинаковой степени относится и ко всему списку.

³ Ишк. - петь, читать, учиться.

⁴ Ишк. - жалить, браниться.

⁵ IIFL II 407; слово засвидетельствовано только у Шельда (H.S k 8 l d. Materialien zu den Iranische Pamirsprachen. Lund, 1936), но ср. lyf : lyft "всходить (о солнце)", lyftuk "восход (солнца)" - в ИЯ 214.

Таким образом, словарные схождения мунджанского языка с шугнанской группой значительно шире и глубже, чем ишкашимского, хотя последний находится в непосредственном контакте с шугнанским языком.

§ 8. Между ишкашимским и мунджанским языками имеем следующие схождения.

Ишк.	Мундж.	
ambi	ābuu	каменистое место
mēγ (сангл.)	mīrγe	луг, пастбище
γyšt	γyškē	шуба
wol	wēre	штаны
vol	vōr	балка
šfūn	š ^o fūn (Зар.)	гребень
mūlūk	mēr	мужчина
yud	yīy	жена деверя ¹
wotuk (сангл.)	wōlu	свадьба
ulex	alḡāxē	ребро ²
fusek (сангл.)	fyaḡē	нос
rex	pīx (йд.)	шпора
mēγtuk	braḡīkē	пташка, мелкая птица
warfi	wōrfe	снег
demb- (сангл.)	lyb : lybd	теребить шерсть ³
nay- (сангл.)	nēv : nīvd	идти (об осадках) ⁴

¹ Мундж. - деверь.

² Мундж. - бок.

³ Но ср. язг. dēman : dērud "мять кожу".

⁴ Но ср. вах. nuy : novd "мочить".

navok (сангл.)	novə, nōvə (Ид.)	дождь
šid : šid(ʌd)	xənu : xənu	плакать
is : oʔad	as : oʔəu	приходить
šūz (сангл.)	šūš (М.), šīz (Ид.)	орел
xrəvəg (сангл.)	xurūso (Ид.)	шакал (?)

Здесь мы видим картину, в общем аналогичную ишкашимо-шугнанским схождениям. При сравнительно незначительном количестве общих слов большая их часть засвидетельствована в соседних диалектах, т.е. в мунджанском и сангличском. В некоторых случаях при этом ишкашимский, расходясь с сангличским, совпадает с шугнанской группой. Так, имеем сангл. fuzək при мундж. fəzək, но ишк. nio при шугн. nēz "нос". Какое из этих слов исконно ишкашимское, сказать без дополнительных данных едва ли можно. То же самое относится к сангл. dəmb- при мундж. ləmb-, но ишк. uškəmb- при шугн. wiškəmb- "теребить шерсть".

Таким образом, из трех сравниваемых языковых групп, - шугнано-язгулямской, мунджанской и ишкашимской, - наибольшее сходство в лексике обнаруживает шугнано-мунджанская пара.

В ФОНЕТИКЕ

Схождения

§ 9. Ишкашимский язык не имеет каких-либо специфических сходных черт в фонетике ни с шугнано-язгулямской группой, ни с мунджанским языком.

Но между шугнано-язгулямской группой и мунджанским языком наблюдаются некоторые точки соприкосновения.

1. Смягчение к перед передними гласными. Ср. мундж. «Kəre», шугн. bēd "нож"; мундж. Kəu, шугн. bīd "дом"; мундж. Ku-ām, шугн. bīdām "какой"; Ид. kuof : kuoft, шугн. xībāf : xībīft

"трескаться", мундж. nījōš : nījēšt "показывать", шугн. šis : šūxt "смотреть" и др.

В образованиях на *-aka мунджанское мягкое [k/ɣ] палатализовалось в у. В результате возникло закономерное соответствие палатализованному варианту этого суффикса в шугнанской группе: мундж. -у // шугн. -j. Ср. мундж. ɣūnu, шугн. ɣūnj "волосы"; мундж. stōɣnu, барт. xitōɣj "звезда"; мундж. m. nūwīu, срк. nīj "новый"; мундж. uāɣnu, шугн. uōɣj "мука". В перфектной основе: мундж. nūbɣnu, шугн. nūsō "сел"; мундж. vzēɣnu, шугн. wīzēnj "узнал"; мундж. šūnu, шугн. suɣj "ушел" и пр.

В ишкашимском языке к всегда твердое и каких-либо следов смягчения в прошлом не обнаруживает. Ср. соответствующий суффикс: ишк. uluk "мука", strūk "звезда", nawūk "новый", šbāyk "ушел" и пр.

2. В мунджанском представлено смягчение перед передними гласными также для ряда других согласных. Помимо к и к, в мунджанском имеем б и б, з и з, с и с. Ср.: šīue "ударил" и žīue "сшил", žy - глагольный префикс и bī - глагольное отрицание, šī "что" и žte "сказал" и пр. Для шугнано-язгулямской группы подобные ряды мягких и твердых согласных были характерны в прошлом (ГОЯШ §§ I6I-I64), а для к(g) и k(ɣ) - и в настоящее время (ОФИЯ II I36 и I94).

3. Сочетание *as дало в мунджанском аналогичный шугнано-язгулямской группе результат - согласный x // шугн.-язг. ʃ. Ср. мундж. nīx-, шугн. nīʃ- < *nīds- "сидеть". Сюда же, по-видимому, относятся и основы: мундж. bīx- "падать" при Ид. bād- "ронять"; Зар. rōīx- "рваться" при rōīɣ- "рвать". (Ср. шугнано-язгулямский тип непереходных основ на -ʃ, - ГОЯШ § 37). В ишкашимском в этих случаях имеем просто исход основы на -d, что означает или падение -s, или иное образование основы. Ср. ишк. nīd- "сидеть", am-bīd- "обрушиваться" при шугн. am-bīʃ-.

§ IO. В консонантизме каких-либо существенных, уходящих в глубь истории, фонетических расхождений с шугнано-язгулямской группой в мунджанском языке нет. Все (или почти все) расхождения сводятся к различному звучанию фонологически однозначных единиц или к иным результатам сравнительно поздних звуковых изменений.

1. *a > мундж. 1: rāle "нога". Соответствует шугн.-язг. δ.

2. Интервокальное *t > y (vṛōy "брат") через этап [d/g]. Соответствует шугн.-язг. d (шугн. virōd "брат"). Но ср. руш., язг. g/g < [d] < *t в руш. mīg (фонетически < mīg >), язг. meḡ "умер". В мунджанском в этих случаях, т.е. в сочетании *rt, *t отпало: мундж. myr "умер". Мягкое t сохранилось в сочетании <št, šk>: vṛmšk "сломался".

3. Интервокальное *š дало тот же результат, т.е. y: ṛūy "ухо". В шугнано-язгулямской группе имеем различные результаты по языкам, что говорит о позднем изменении *š: шугн. ṛ, руш., барт., язг. w, срк. ṛ, 1 (шугн. ṛṛ, руш. ṛōw, срк. ṛaw1 "ухо"; срк. keuṛ-, шугн. kaṛ-, руш., барт. kaw-, мундж. ku- "резать скот".

4. В мунджанском сохраняется старое *xš: xšāwe "ночь", которое в шугн.-язг. группе дало š: шугн. ašīb "позавчера".

5. *δ > š // шугн.-язг. δ : мундж. mīš, шугн. meδ "день".

6. *rn > мундж. řg, йд. n, n: мундж. āmēřgē, йд. amūno "яблоко"; мундж. kūřg, йд. kun "глухой". В шугн.-язг. группе *rn дало wn, а при стяжении w с предшествующей гласной - n: шугн. mīn, руш. mawn, язг. mawn, барт. mōwn, срк. mop "яблоко"; шугн., руш., барт. ḡn, срк. ḡn "глухой".

7. Единственный пункт, который, может быть, может говорить о довольно раннем фонетическом расхождении сравниваемых языков,

это случаи соответствия мундж. š шугн.-язг. s. Ср. мундж. myšōš- "показывать" при шугн. šis- "смотреть"; йд. diš- "думать" при шугн. divēs "показывать" того же корня; мундж. mywōš- "причесывать" (см. IIFL II 54); но ср. мундж. mywš- при шугн. niviš- "писать". Эти случаи остаются неясными и требуют в дальнейшем дополнительных данных и специального исследования.

Что касается вокализма, то без исторического анализа здесь трудно что-либо сказать как о сходстве, так и о различии.

§ II. Особенности ишкашимского консонантизма более своеобразны и в ряде случаев указывают на раннее фонетическое обособление. При этом ишкашимский язык своими специфическими чертами одновременно противопоставляется как шугн.-язг. группе, так и мунджанскому языку.

1. Интервокальные *t и *d дали одинаковый результат, слившись в одной фонеме: ишк. d, сангл. δ. Ср. ишк. meḡ, сангл. meδ "талия" и ишк. kēdš, сангл. kēdum "какой". Как шугнано-язгулямская группа, так и мунджанский язык хорошо различают обе эти фонемы: в шугнано-язгулямской группе *t > d, *d > δ, в мунджанском языке *t > y, *d > 1.

2. В соответствии с этим в ишкашимском не различаются группы *rt и *rd, давшие один и тот же результат l(1). Ср. ишк. kyl "сделал" и илех "ребро". В остальных сравниваемых языках *rt и *rd различаются: *rt > шугн. -d, руш., барт., язг. -g, срк. -wg, -ug, мундж. r (шугн. ḡd, руш., барт. ḡg, язг. keg, срк. ḡewg, мундж. kṛ "сделал", срк. ḡeug "делать"); *rd > шугн. gr. rḡ/rd, язг. wδ, мундж. 1, lḡ (шугн. zōrδ, язг. zawδ, йд. zil "сердце"; мундж. alḡāhe "бок" ср. с шугн. последогом -ard).

3. Группа *št упростилась в ишкашимском в -t, чего тоже не наблюдается ни в одном из других памирских языков. Ср. ишк. ot "восемь" при шугн. wašt, мундж. oške; ишк. ingit "палец" при шугн. angixt, мундж. eḡškē.

4. Весьма своеобразно в ишкашимском языке развитие *w* перед начальными *а, *ā вместо у остальных языков. Ср. ишк. *wūlūk* "мука" при шугн. *uōŋŋ*, мундж. *uāŋu*; ишк. *wūstūk* "кость" при мундж. *uāstnu*; ишк. *wūžān* "просо" при мундж. *uŋgžn*. Начальное *wu-/wū-/wū-* развивается в ишкашимском и перед согласным началом слова: ишк. *wūdūda* "дочь", *užnūl* "невестка", *užinŋok* "женщина" и др.

5. Ишкашимский язык отличает так называемые церебральные *t*, *d*, *ʃ*, *ʒ* от *t*, *d*, *ʃ*, *ʒ*, *ʒ*. Из них *ʃ* и *ʒ* соответствуют в основном *ʃ* и *ʒ* шугнанской группы, а остальные являются результатом сравнительно поздней фонологизации вариантных звучаний (ср., например, *menā* "яблоко").

6. **ʃ* дало ишк. *s*, сангл. *t*. Ср. ишк. *saw* : *sā*, сангл. *təw*¹ : *tə* "гореть" при шугн. *ʃāw* : *ʃud*. Расхождение по диалектам указывает на позднее изменение **ʃ*.

7. Сочетание **av* дало ишк. *v* при шугн.-язг. *a(i)v*, *a(e)v*, мундж. *lɪv*. Ср. ишк. *var* "дверь" при шугн. *divi*, мундж. *lɪvər*.

В вокализме обращает на себя внимание трактовка **au* и частично **ū*, **u*, которые передаются в ишкашимском передними гласными *e* и *i* на месте *ū*, *u* шугнанской группы, *ū*, *u*, *u* мунджанского языка: ишк. *stīn* "стол" при шугн. *stun*, мундж. *stūn* (*styn*); ишк. *ŋenik* при шугн. *ŋūnŋ*, мундж. *ŋūnyu* "волосы".

В ГРАММАТИКЕ

Схождения

§ 12. Ишкашимский язык и в грамматике почти вовсе не имеет специфических схождений ни с шугнано-язгулянской группой, ни с мунджанским языком. Наблюдаются лишь следующие схождения.

¹ Вероятно, *təw*.

С шугнано-язгулянской группой: 1) совпадение местоимения 2 л. мн.ч.: ишк. *təwəx*, шугн. *tama*, руш. *tamāš* при противостоящем мундж. *mōf*; 2) совпадает форма множественного числа от слова "брат": ишк. *vruḍar(-ən)*, шугн. *viṛaḍār* "братья". Ср. также ишк. *iḥoḍar-ən* "сестры", *wūdūḍar-ən* "дочери", руш. *pidēṛz* "отцы", *oḥṛz* "сыновья" и др. Мунджанский не сохранил старых форм в подобных случаях.

С мунджанским языком совпадает местоимение ишк. *xəsaṛ*, мундж. *xəseṛ* "себя", "себе", в шугнано-язгулянской группе не представленное. О сангличском *va*, как показателе прямого дополнения, см. § 5.

§ 13. Между мунджанским языком и шугнано-язгулянской группой грамматических схождений обнаруживается значительно больше.

I. Наличие *i*-умлаутной и *a*-умлаутной огласовки со значением внутренней флексии.

i-умлаут. Так же, как в шугнанской группе, в мунджанском языке в глагольных основах настоящего времени с корневым *ə/ā* < **a* или *u* < **u* имеем перегласовку на *i* в 3 л. ед.ч. в ряде глаголов. Ср.

I л.	3 л.	
<i>dālym</i>	<i>dīlt</i>	давать
<i>wūžārym</i>	<i>wūžīt</i>	смотреть
<i>āveṛym</i>	<i>āvit</i>	приносить
<i>škeṛym</i>	<i>škīt</i>	посылать
<i>xəšym</i>	<i>xīšK</i>	тащить
<i>məzym</i>	<i>mīzd</i>	убивать
<i>ŋyrvym</i>	<i>ŋyrvīd</i>	брат
<i>pṛsɪm</i>	<i>pīst</i>	спрашивать
<i>kymym</i>	<i>kīnt</i>	делать

В некоторых глаголах, как и в шугнанской группе, 1-умлаутная огласовка встречается также в основе прошедшего времени: *plōr* : *prīst* "продавать", *xəḥ* : *xīšk* "тащить", *vrem* : *vrīmd* "стоять", *xəf* : *xīft* "кашлять", *rys* : *rīst* "спрашивать", *rev* : *rīvd* "лгать", *nev* : *nīvd* "идти (об осадках)".

В мунджанских каузативных глаголах с сильной огласовкой *ō* (<*ā) 1-умлаутная перегласовка на *ē* стала постоянной приметой 3 л. ед.ч. наст.вр. Ср., например, *nyjōšym* "показываю", *nyjēšt* "показывает".

а-умлаут. а-умлаутная огласовка представлена в мунджанском языке как примета женского рода в основах перфекта. Ср.: *nwāstəḡe* "заснула" при *nwōstny* "заснула", *ḡkārḡe* "послана" при *ḡkōrny* "послала", "послан", *kāftəḡe* "лопнула" при *kōftny* "лопнула" и пр.

2. В мунджанском языке, как и в шугнанской группе, хорошо представлен класс каузативных глаголов с сильной огласовкой. Ср., например, мундж. *lōr* : *lēt* при шугн. *ḡēr* : *ḡērt* "иметь"; мундж. *sōw* : *sēvd* при шугн. *sēw* : *sēwd* "натирать"; мундж. *wjzōw* : *wjzēvd* при шугн. *wjzēw* : *wjzēwd* "гасить".

3. Как в мунджанском языке, так и в шугнано-язгулямской группе сохраняется различие переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени с косвенной конструкцией фразы при переходных глаголах.

4. В некоторых случаях ишкашимские глагольные основы настоящего времени продолжают иную исходную форму при их совпадении в мунджанском языке и шугнано-язгулямской группе. Так, имеем: шугн. *ḡāḡ-*, мундж. *dāl-* "давать" (<*dad-) при ишк. *day-* (<*daya-); шугн. *nīḡ-*, мундж. *nīx-* "сидеть" (<*nids-) при ишк. *nīd-* (<*nīd-).

5. Мунджанский язык, как и шугнанская группа, образует инфинитив от отглагольных имен на *-ta, *-ti (и притом, может быть,

с тем же суффиксом -ōw), чего не знает ишкашимский язык. Ср. шугн. *ḡivd(ōw)* и мундж. *ḡivdō(w)* "пряхать". -w в мунджанском инфинитиве появляется (восстанавливается?) перед послелогом: *ne ḡivdōw-ān* "для прядения".

6. Мунджанский и язгулямский языки сохраняют вспомогательный глагол от корня *√*mau/mi* со значением "быть", "являться", "оказываться". В обоих языках этот глагол - недостаточный. В мунджанском он образован с преф. *fyr-* и представлен в настоящем времени, где имеет полное спряжение (*fyrmyu* "будешь", *fyrmt* "будет" и т.д.). В прошедшем времени ему соответствует глаг. "быть" (*√*bav-/bu-*): *viyām* "(я) был", *viyāu* "(ты) был" и т.д. В язгулямском языке, напротив, он представлен в прошедшем времени (прошедшая основа *mad* с закономерным а <*i), а в настоящем времени - только в 3 л. ед.ч. (*mit* "будет", "станет"). В остальных лицах настоящего времени ему соответствует глаг. "быть" (*vin* "буду", *vau* "будешь" и т.д.).

7. В мунджанском языке и шугнанской группе хорошо сохранился грамматический род, в то время как в ишкашимском языке он утрачен, по-видимому, очень давно.

8. Мунджанский язык сходится с шугнанской группой особым употреблением предлогов. Предлог здесь иногда ставится не перед целым определительным комплексом, а между определением и определяемым, т.е. непосредственно перед словом, к которому он относится. Ср. руш. *хи рах оēm* "своими глазами", срк. *tilu pa jom* "в золотой сосуд", мундж. *sər də tū* "на верхушке тутового дерева"; *xəu də mālēn* "между собой".

§ 14. Ишкашимский язык характеризуется следующими отличиями.

1. Все перечисленные в § 13 (пп. I-8) специфические сходения, объединяющие мунджанский язык с языками шугнано-язгулямской группы, противопоставляют эти языки ишкашимскому.

2. Помимо этого, ишкашимский язык выделяется также и другими своими особенностями.

а) В нем в 3 л. ед.ч. наст.вр. отсутствует характерное для всех памирских языков окончание -t/-d с редукцией тематической гласной (мундж. pīst, шугн. pāwst, вах. pərst "спрашивает" < *pṛs(ə)ti). Тематическая гласная в ишкашимском языке не редуцировалась, а, напротив, развилась в окончание -u (с падением -t), распространившись затем на все типы основ, ср. ишк. frasu "спрашивает", dīru "имеет", kīru "делает" и пр. Аналогии с мунджанским окончанием -ī (шугн. "умирает") здесь нет, поскольку последнее продолжает класс основ не на -a, а на -ya.

б) В ишкашимском языке вовсе не представлено древнее *anta-га-, -ни в виде предлога, ни в виде послелoga, в то время как в остальных памирских языках оно весьма распространено: шугнанский послелог -andīr; язгулямский предлог en, dər(i), послелог endər; мунджанский предлог de; ваханский предлог de(r).

в) Характерный для всех памирских языков показатель множественного числа на -f/-v из древнего отложительно-дательного падежа (орос. -If, срк. -ef, мундж. -āf, вах. -əv) в ишкашимском языке не представлен.

Существенно отметить, что почти во всех перечисленных случаях ишкашимский язык противопоставляется одновременно шугнано-язгулямской группе и мунджанскому языку, и в одном и том же аспек-

те (исключение составляет пункт 2 а).

§ 15. Главные черты, отличающие мунджанский язык как от шугнано-язгулямской группы, так и от ишкашимского языка, следующие.

1. Мунджанский язык делит глаголы на две группы по окончании 3 л. ед.ч. наст.вр.: одни глаголы имеют окончание -ī (жōdī "смеется"), другие - окончание -t (vzēnt "знает"). Ни шугнано-язгулямская группа, ни ишкашимский язык (равно как и ваханский) такого деления не знают: в шугнано-язгулямской группе (и ваханском языке) представлено только окончание -t/-d, в ишкашимском языке - только -u. Таким образом, этот отличительный признак противопоставляет мунджанский язык шугнано-язгулямской группе и ишкашимскому языку по-разному, не объединяя их между собой.

2. Так же в отличие от всех остальных памирских языков мунджанский язык не знает отделения личных показателей от глагола в прошедшем времени. Ср. мундж. ze nyōstām "я сел" при шугн. wuz-um nyōst, язг. az-əm nyōst, ишк. az-əm nyōst, вах. wuz-əm nyōn.

3. Мунджанский язык противостоит шугнано-язгулямской группе общим с ваханским языком суффиксом каузативных глаголов: мундж. -ōv : -ēv, вах. -yv : -ōv при шугн. -ēn, язг. -an. В ишкашимском языке, как кажется, суффикс переходности вообще не развит, -суф. -on, по-видимому, встречается только в составе заимствованных слов: bṛīb-on- "завертывать", bṛdawon- "гнать" и пр.

4. Мунджанский язык не знает отглагольного имени (инфинитива) с суффиксом шугн. -iz, язг. -aj, ишк. -āk, вах. -ak. Но и этим признаком мунджанский язык, опять-таки по-разному, противопоставляется шугнанской группе и ишкашимскому языку. В шугнанской группе имена на -iz - добавочный, отмирающий инфинитив при развитом инфинитиве на -t/-d, совпадающем с мунджанским инфинитивом. В ишкашимском же языке образование на -āk/-uk - единственная форма инфинитива. Кроме того, шугн.-язг. -iz, -aj и ишкашим-

ское -ik продолжают различные исходные формы данного суффикса (для шугнано-язгулямской группы восстанавливается безударное [-əð/ʃ], для ишкашимского языка - ударное [-ək/g]).¹

5. Мунджанский язык отличается местоимением 2 л. ед.ч. mōf "вы" при общем шугнано-язгулямском и ишкашимском местоимении для этого лица: барт. tamāš, язг. tētox, ишк. tšəx.

6. Особый показатель множественного числа имен прямого падежа -t в мунджанском языке едва ли составляет существенный его признак, поскольку по этому признаку различаются между собой все памирские языки, в том числе и языки внутри шугнанской группы.

Почти во всех перечисленных случаях (исключая пункт 5) шугнано-язгулямская группа и ишкашимский язык, противопоставляясь мунджанскому, не объединяются между собой: противоположение их мунджанскому в каждом пункте либо различно (пп. I, 3, 4, 6), либо не составляет их специфики (пп. 2, 6). Ср. иной характер шугнано-язгулямско-мунджанских отношений при противоположении этих языков ишкашимскому: их расхождение с ишкашимским в большинстве случаев означает их схождение между собой (§§ 13-14).

§ 16. Спецификой шугнано-язгулямской группы, противопоставляющей ее как мунджанскому, так и ишкашимскому языкам, являются следующие особенности.

1. Наличие грамматически актуальной частицы -aθ, не представленной в других памирских языках.

2. В шугнанской группе обращает на себя внимание несовпадение основ местоименных наречий и основ указательных местоимений для ближней и дальней степени. Ср. руш. wau - указательное ме-

¹ Утрата в мунджанском и других суффиксов с *ð (или *t) объясняется смягчением этих фонем в у в интервокальном положении.

стоимение дальней степени, но tar-aw - местоименное наречие ближней степени. И обратно: wau - указательное местоимение ближней степени, но tar-am - местоименное наречие дальней степени.

3. Только в шугнанской группе представлено местоимение хабəθ "сам" из *x^vарабуа при ишк. xadaк, мундж. xīuān(I).

Рассмотрев современные шугнано-язгулямско-мунджано-ишкашимские отношения, нельзя не прийти к выводу, что и в лексике, и в фонетике, и в грамматике большую близость между собой обнаруживают шугнано-язгулямская группа и мунджанский язык, - как по большому количеству специфических схождений, так и по меньшему числу расхождений. В соответствии с этим настоящая работа посвящается выяснению степени родства между шугнано-язгулямской группой и мунджанским языком.

§ 17. Для осуществления этой задачи необходимы были новые данные по мунджанскому языку. Старые материалы И.И.Зарубина (МЯ) и Г.Моргенштерне (IIFL II), которые в основном были достаточны для проведения изложенного выше сопоставления, не могли служить основой для дальнейшего исследования, поскольку фонемный состав мунджанского языка (главным образом вокализма) оставался неясным. Нужно было также и максимальное пополнение текстов, так как многие грамматические формы оставались неясными не только в деталях, но и в своих основных чертах.

Эти необходимые материалы, обеспечившие осуществление данного исследования и легшие в его основу, были собраны А.Л.Гринбергом во время его пребывания в Афганистане в 1966-1967 гг. По моей просьбе А.Л.Гринберг передавал мне тексты сразу по мере их записи, так что я имела возможность сопоставлять различные их варианты: более ранние - в фонетической записи и более поздние - в фонологической. В дальнейшем обработка материалов, начиная с

перевода текстов, велась Грюнбергом и мною независимо друг от друга и для разных целей. Результатом исследований Грюнберга явилась монография, посвященная современному состоянию мунджанского языка.¹ Помимо установления фонемного состава и первого полного грамматического описания, Грюнберг впервые внес ясность также и в диалектные отношения мунджанского языка. Собственно мунджанский диалект, противостоящий диалекту Йидга, делится на три говора: нижний, центральный и верхний. При этом было установлено, что работа И.И. Зарубина представляет верхний говор.

В основу настоящего исследования положен центральный говор, для удобства изложения объединенный с нижним, поскольку эти говоры отличаются друг от друга незначительно. Верхний же, более отличающийся, говор, равно как и диалект Йидга привлекаются лишь в нужных случаях для сравнения.

Используемые в работе тексты по центральному говору были записаны Грюнбергом в первую его поездку в 1966 г. вне Мунджана от рабочего экспедиции мунджанца Хоки из селения Газ и представляли собой фонетическую запись. В 1967 г. они были фонологически выверены Грюнбергом уже в самом Мунджане в сопоставлении с нижним говором. Мною были сняты копии как с первого, так и со второго вариантов, по которым в дальнейшем и велось исследование. Остальные материалы Грюнберга в работе не использовались. Данные верхнего говора приводятся почти исключительно по Зарубину (лишь в разделе фонетики при характеристике гласных приведено несколько примеров, взятых у Грюнберга). Перевод использованных по центральному говору примеров, как уже упоминалось, сделан мною.

¹ А.Л. Г р ю н б е р г. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты. Словарь. Грамматический очерк. Л., 1972. Книга вышла в свет после подготовки к печати данной работы.

Встречающиеся при изложении ссылки на тексты всегда имеют в виду только те два варианта записей от Хоки, которые имелись в моем распоряжении и о которых говорилось выше.

§ 18. При фонологической в целом записи второго варианта текстов фонемный состав некоторых слов остался для меня все же неясным. В этих случаях сохраняется фонетическое написание, а фонологические неясности оговариваются при изложении. Естественно, что читателем могут быть встречены и расхождения в фонологической трактовке слов сравнительно с работой Грюнберга, где достигнута более последовательная фонологическая их интерпретация. Впрочем, в текстах Грюнберг вполне допускает обозначение и различных вариантных звучаний слов.

Основные отклонения от фонологической транскрипции в данной работе следующие. Наряду со знаками $\bar{i}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{u}$, $\bar{e}$, $\bar{y}$ ($\bar{y}$), обозначающими гласные фонемы, в работе используются также знаки i , e , a , o , u с опущением пометы долготы, которые означают, что фонологическая принадлежность данного звука в данном слове неясна. При этом i может быть вариантом $\bar{i}$, y или дифтонга ny ; e — вариантом $\bar{e}$ или $\bar{e}$; a — вариантом $\bar{a}$ или $\bar{e}$; u — вариантом $\bar{u}$ или $\bar{y}$ ($\bar{y}$); o — вариантом $\bar{o}$ или $\bar{e}$. Для согласных затруднение представляет определение фонологической принадлежности звуков k , g , $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{\delta}$ к ряду мягких или твердых согласных (фонологические пары: $k - k$; $g - g$; $\check{s} - \check{s}$; $\check{z} - \check{z}$; $\check{\delta} - \check{\delta}$). Поэтому в работе используются главным образом знаки k , g , $\check{s}$, $\check{z}$, $\check{\delta}$ как фонологически нейтральные. Твердость или мягкость согласной обозначается только в несомненных случаях (при регулярных пометах твердости или мягкости в текстах), например: $\check{y}ny$ "ушел", $k\check{e}u$ "дом" и пр. В характерных для мунджанского языка парных консонантных группах обозначается мягкость обеих согласных, например: $\check{a}m\check{e}\check{n}\check{g}e$ "яблоко", $ny\check{t}\check{y}\check{s}\check{k}$ "услышал", $\check{s}\check{t}\check{i}$ "что".

Знаки применяемой транскрипции взяты из транскрипции Грюнберга в первоначальном ее варианте. При издании работы Грюнберг несколько изменил транскрипцию по техническим причинам, отказавшись от пометы долгот (сохранено только для пар $\bar{a}$ - а, $\bar{u}$ - у) и заменив знак $\bar{u}$ на $\bar{e}$, а знак $\bar{e}$ на $\bar{a}$. Для удобства читателей привожу сравнительную таблицу обозначения гласных в обеих работах.¹

В данной работе В работе Грюнберга

$\bar{i}$	i
$\bar{e}$	e
$\bar{a}$	$\bar{a}$
$\bar{e}$	a
$\bar{o}$	o
$\bar{u}$	$\bar{u}$
и ($\bar{u}$)	$\left\{ \begin{array}{l} u \\ e \end{array} \right.$

Необходимость сохранения помет долготы в данной работе была объяснена выше. Что же касается предпочтения знака $\bar{e}$ перед а, то он лучше, чем а, отражает как смешанный характер образования данной фонемы (<др.-ир. *а>), так и качественную ее нестойкость. Однако нужно признать и известное неудобство в применении этого

¹ у Зарубина (МЯ) представлена фонетическая запись, поэтому каждая фонема обозначается несколькими знаками. Но основные соответствия все же можно указать: для $\bar{i}$ - знаки $\bar{i}$, i; для $\bar{e}$ - знаки $\bar{e}$, e; для $\bar{a}$ - знаки $\bar{a}$, а; для $\bar{e}$ - знаки а, $\bar{a}$, e, e; для $\bar{o}$ - знаки $\bar{o}$, o, $\bar{a}$; для $\bar{u}$ - знаки $\bar{u}$, u; для и - знаки e, u, i, u, $\bar{u}$. В записях Моргенштерне (IIFL II) для мунджанского: $\bar{i}$ - знаки $\bar{i}$, e; $\bar{e}$ - знаки $\bar{e}$, e; $\bar{a}$ - знаки $\bar{a}$, а; $\bar{e}$ - знаки а, $\bar{a}$, e, e; $\bar{u}$ - знаки $\bar{u}$, u; и - знаки а, i, e, $\bar{u}$, u, $\bar{u}$, i.

знака для некроткой, нередуцирующей гласной, поскольку знак $\bar{e}$ обычно ассоциируется у читателя с краткостью и редуцированностью (ср. $\bar{e}$ в язгулямском, ср. частое обозначение мундж. и через $\bar{e}$ у Зар. и М. и пр. и пр.). Поэтому читателю в дальнейшем важно будет отличать современное мунджанское $\bar{e}$ (<*а>) от восстанавливаемых мунджано-шугнано-язгулямского редуцированного $\bar{e}$ и древнего * $\bar{e}$, которому в современных языках отвечают: мундж. и, язг. $\bar{e}$, шугн. гр. i, а.

В согласных Грюнберг отказался (также по техническим причинам) от знаков $\bar{b}$, $\bar{c}$, $\bar{z}$, заменив их соответственно знаками $\bar{b}$, $\bar{c}$, $\bar{z}$.

§ 19. Нужно сказать, что изложенные выше фонологические неясности в большинстве своем не являются результатом неточной транскрипции, а отражают реальное положение вещей в мунджанском языке. В мунджанском вокализме мы встречаемся с еще незавершившимся процессом размежевания фонем внутри сформировавшейся системы. Так, например, фонологически не определился звук <а> в заимствуемых словах, закрепившийся за $\bar{a}$ или $\bar{e}$ в сравнительно небольшом количестве случаев (например, $\bar{z}\bar{a}\bar{r}$ "город", $\bar{b}\bar{a}\bar{e}\bar{m}$ "человек"). По большей же части он или выявляется как фонологически нейтральный а, или допускает дублетную фонологизацию ($\bar{b}\bar{y}\bar{d}\bar{e}\bar{r}$ / $\bar{b}\bar{e}\bar{d}\bar{a}\bar{r}$ $\bar{b}\bar{y}\bar{u}$ "он отправился"). Живым процессом является также частичное переключение дифтонга $\bar{u}\bar{y}$ в $\bar{i}$ через вариант <i> с возможными дублетными формами $\bar{u}\bar{y}$ / $\bar{i}\bar{y}$ (ср. $\bar{r}\bar{y}\bar{u}$ / $\bar{r}\bar{i}\bar{y}$ "сгнил" при фонетически близкой реализации в обоих случаях: < $\bar{r}\bar{i}\bar{y}$ >). Очевидно, с живым фонологическим процессом встречаемся мы и в консонантизме при размежевании мягких и твердых согласных.

То же самое в значительной мере относится и к грамматической стороне языка, где в ряде случаев мы находим не стабильную в состоянии равновесия систему, а тот или иной этап ее перестройки.

Содержанием работы является сравнительно-историческое рассмотрение шугнано-язгулямских и мунджанских языковых фактов в тех опорных пунктах, где имеют место или существенные расхождения, на синхронном уровне не объясняемые (как например вокализм, глагол), или, напротив, существенные схождения (как например предлоги).

Мунджанские факты, приводимые по записям Зарубина, имеют помету Зар., по записям Моргенштерне - помету М., по записям Грюнберга - пометы не имеют (лишь в исключительных случаях при прямом сравнении с данными Зарубина и Моргенштерне дается пометы Гр.). Привлекаемые факты диалекта Иидга (IIGL II) даются под пометой Ид.

В квадратных скобках приводится восстанавливаемая праформа в сравниваемых языках. В кавычках « » дается фонетическая транскрипция.

Ударение, поскольку оно не всегда было для меня ясно, как правило, не обозначается. Обозначается лишь исходное ударное -é в именах во избежание его смещения с формантом женского рода - безударным -ə (lyré "далеко", но stýrə "большая" и пр.). Исключение составляет раздел фонетики, где ударение по возможности обозначается регулярно.

ГЛАСНЫЕ

§ 20. Мунджанский вокализм состоит из следующих гласных:¹

Долгие I, ē, ā, ō, ū

Средний ə

Краткий ы (ÿ)

Дифтонги ɤу, ɤw

Г л а с н ы й ə имеет широкий произносительный диапазон «ə - ɛ - ə - з, ā - а» с основным вариантом «ə - з», представляющим собой гласный смешанного ряда 2-го или несколько выше подъема: «keʔ, kzʔ» "мало", «peɪ» "след" и пр. Вариант «а -

¹ Деление гласных на долгие, средние и краткие следует принимать как схематичное. Точное их соотношение может быть выявлено лишь по проведении соответствующих экспериментальных измерений длительности. Однако о среднем положении ə достаточно убедительно говорят случаи его контаминации с долгими ē и ō (ср. stārt "подметает" при stēm "подметаю" - или параллельные записи в текстах əyɪm, āyɪm, ōyɪm "пойду"). Ср. также упоминавшееся в § 19 нейтральное а, фонологически безразличное к ə или ā. С другой стороны, ср. приводимые ниже случаи смешения ə с кратким ы: wəʔ / wɪʔ "теперь" и пр.

й > характерен для безударного исхода слова, встречается также в ударных открытых слогах в середине слова при благоприятных фонетических условиях (влияние расширяющих согласных или воздействие последующего а): < uōwta > "вода", < žīnkā > "женщина"; < xagāf > "есть" (при < xet > "ешь"). Вариант < е > появляется в соседстве с у или с другими мягкими или смягчающимися согласными: < Keu - Keu - Keu > "дом", < uéxue - uéxue - uéxue > "зола", < bef - bef - bef > "потолок".

Для верхнего говора характерен огубленный вариант < ā - э >, обычный в безударном исходе слова и в соседстве с губными: < uōw-γā > "вода", < av'ogym > "принесу", < xγgām > "гумно", < nāw > "девять" и пр. Возможно, что это основной вариант фонемы в верхнем говоре. Во всяком случае вариант < э > здесь не стоек: он или огубляется (Зар. luvet, luvāt "дверь"), или расширяется в направлении к < а > (Зар. < káfi > "трескается", Зар. < mázet > "убиваю" при < káfi, mázet > центрального говора).

Г л а с н ы и - смешанного ряда, более высокого подъема (с 3-й ступени и выше). Имеет еще более широкий произносительный диапазон по сравнению с э: < ы, и, ъ, е, ъ, и, и, и >. Может облизаться с э и смешиваться с ним, главным образом в безударном положении или в словах с ослабленным ударением: wuz / woz "теперь"; wige / were "там"; предлоги: de / an; že / žy и пр. В верхнем говоре склонен к большей огубленности: ср. Зар. < lūγdā > "дочь" при < lūγda > центрального говора.

Гласный й, заключенный в таблице в скобки, по всей вероятности, является вариантом и, а иногда, может быть, и вариантом е. Однако для ряда слов в фонетических записях Гринберга имеем постоянное обозначение через й, ъ: < stūr > "большой", < stūne > "стол", < skūt > "палка", < lūr > "беги" и некоторые другие. Поэтому в дальнейшем изложении написание через й в подобных случа-

ях будет сохраняться.²

Для верхнего говора и для диалекта Йидга каких-либо оснований для фонематического выделения й нет.

Д и ф т о н г и иу и иw выявляются в вариантах или чередованиях < иу/иу - i - i(y) > и < иw - и/й - ū(w) > соответственно, о чем подробнее см. §§ 28-30.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ МУНДЖАНСКИХ ГЛАСНЫХ

Для мунджанского языка выявляются в основном те же фонетические факторы изменения древнеиранских гласных, что и для шугнано-язгулямской группы, а именно: ударение, характер слога, положение i- и а-умлаута, влияние окружающих согласных. Характер изменений гласных, в частности артикуляторно не ограниченное отражение *а- и *ā- с расщеплением каждой из них на несколько фонем, - тоже совпадает с шугнано-язгулямской группой.

Отражение *а и *а

§ 21. Др.-ир. *а отражается гласными: е, ē, ā, i, ū, и(й);

1. Гласным е - по преимуществу в слогах, закрытых одним согласным: re1 "след", luvet "дверь", Keu "дом" и пр.

2. Гласным ē - в слогах, закрытых двумя согласными: lōst "рука", rōlj "пять", rōnde "дорога", vōst "привязал" и пр.

3. Гласным ā - по преимуществу в открытых ударных слогах и в положении а-умлаута: nāwēs "внук", xāwē "ночь", nāwē "намаз",

² Гринберг выделяет и и й/й в самостоятельные фонемы, обозначая их соответственно знаками е и и; ср. таблицу соответствий знаков в § 18.

mālēn "средний", nyāstəṭə "села", ḍāstəṭə "упала" (при nyōstny "сел", ḍōstny "упал") и пр.

4. Гласным ī - в положении i-умлаута: yīḷ "змея" (ав. aḷi-), mīle "дрожжи" (< *maḍ(u)ya), mīrṭə "пастбище" (*margya), zīt "желтый" (ав. za¹rita), nywīl "постель" (*ni-paḍya) и пр.^I

5. Гласным ū или ū - после *x^v (иногда w?): xūṣə "теща", при заменительной долготе xūt "ест"; но ср. Зар. xūša "теща". По поводу воздействия w ср. wīle, wyle "жена" (ав. waḍū-).

6. Гласным y - в безударном положении: rūzyr "голова", kēv-ḍyr "немного", yūzyr "просо"; префиксы: fyrṣōp- "трасти", ryr-wīḷ "просеивать" и пр. В предлогах и частицах, которые могут быть и ударными, и безударными, имеем колебания y/ə: də/ḍy, wəṭ/wyṭ и пр.

В поздних безударных слогах (в поздних образованиях) сохраняется ə. Так, ср. во вторичных основах прошедшего времени: zə-pōy "поднялся", xəḍīy "засмеялся" или в словах с меняющимся ударением: əlē, əlē "здесь", əlēx, əlēx "так(ой)" и др.

Начальное безударное *a отпало: zə "я", žə (*haḍa) "от", nə (*ana) "к", wy-/wī- (*awa и *awī) - глагольный префикс. Наблюдаются случаи полного выпадения безударного *a через ступень y и в середине слова: əfīr "четыре", kuām (*katāma) "который", nylym "лягу" (при nywēlēvd "уложил") и др.

§ 22. Приведенный список учитывает лишь основные линии соответствий. Для некоторых положений характерно двойственное отражение *a, что частично уже было оговорено выше (передача безударного *a через y, через ə и нулем звука). Двойное отражение *a имеем также в положении перед двумя согласными (п. 2): не

^I В mēr "мужчина" < *martya- расширение гласной может объясняться влиянием r.

только через ǝ, но и через ā в ряде слов: wāṭṭə "перепелка", rā-lāstə "браслет", zāxme "поле" и др. В ударных открытых слогах (п. 3) находим отражение *a, не только через ā, но и через ə, что характерно главным образом для глагольных основ настоящего времени: nēmym "нагибаюсь", āvētym "несу", mēzym "убиваю" и пр.

Для каждого из этих случаев имеются свои причины, как фонетические (например, расширяющее воздействие r и увулярных), так и грамматические. Например, наличие zāxme "поле" при rōḍə "дорога" показывает, что воздействие a-умлаута оказалось здесь слабее, чем воздействие окружающих согласных. Но в случаях, когда a-умлаутный вариант («ā»») оказывался почему-либо актуальным, он закреплялся, дав фонему ā независимо от окружающих согласных. Ср., например, парное противоположение: sāvdə (ж.р.) и sōvānu (м.р.) - корзины различного размера и различного назначения. Ср. также регулярное ā в основе перфекта женского рода, противостоящее ǝ в основе перфекта мужского рода: nyāstəṭə "села" и nyōstny "сел" и пр. В основах настоящего времени ə, как гласный не долгий, тоже несет на себе определенную грамматическую нагрузку, противостоя долготу ǝ (ср. § 56).

§ 23. Др.-ир. *ā отражается следующими гласными: ī (ū), ǝ, ā, ə.

1. Гласными ī и ū - в закрытых слогах: через ū в верхнем мунджанском говоре, через ī в остальных мунджанских говорах и в Иидга; ср. ēfīr, верхн. Зар. ēfūr "четыре"; zīḷg, верхн. Зар. zīg "колени" и пр.

2. Гласным ǝ - в открытых слогах: ṭōwe "корова", stōrny "звезда", nyjōym "показываю" и пр. Гласный ǝ представлен также в закрытых слогах с исходом слога на y: vtōy "брат", zamōy "зять" и др.

3. Гласным ē - в положении i-умлаута: kēṭə "нож", vtērī (*brāḍṭya-) "племянник", wāle "арык" (ср. шугн. wēḍ), nyjōst

"показывает" (при *nyjōšy* "показываю") и пр.

Возможно также, что передача через *ē* закономерна для безударных закрытых слогов: *pāwēw* "внук", *pāšēw* "бедро", *pāwēw* "намаз".

4. Гласным *ā* - в безударных открытых слогах в начале и середине слова: *zāwō* "зять", *āwēr-* - настоящая основа глагола "приносить" и пр.

5. Гласным *e* - в исходе слова: *qōwē* "корова", *yēwē* "коза", *yēwē* (< **āygrāt*) "далеко".

Из отклонений наиболее существенны следующие.

а) Передача **ā* через *ā* в некоторых случаях в ударных слогах; ср. *pāle* "нога", *kuām* "который", *pāšēw* "пятка" (шугн. *pēg-nak*); здесь, вероятно, имело значение влияние мягких согласных.

б) Случаи *ī* (*ū*) в открытых слогах: *yīgō*, Зар. *yūga* "груз"; *šīgīgō* "светильник"; *frīnīgē* "окно"; *āwēw*, Зар. *awēw* "небо". Здесь во всех случаях - позднее образование открытых слогов, возникших при добавлении к слову тех или иных поздних суффиксов. Ср. *frīnīgē* "окно" при руш. бессуффиксном *gōn*; особенно показательны здесь внутримунджанские диалектные расхождения: ср. мундж. центр. *šīgīgō* при мундж. верхн. Зар. *šīgīgō* "светильник".

Отражение **i*, **ī* и **u*, **ū*

§ 24. Как и в шугнано-язгулямской группе, мы не находим в мунджанском языке оснований для различия древних долгих и кратких **i* - **ī* и **u* - **ū*. Однако судьба восстанавливаемых исходных **i* и **u* в сравниваемых языках различна: в мунджанском языке они совпали в одной фонеме и во всех фонетических положениях, в то время как в шугнано-язгулямской группе ударные **i* и **u* отражались различными гласными (**u* > шугн. гр. *u*, язг. *o*, **i* > шугн. гр. *i*, язг. *a*). Ср. в мунджанском для **u*: *līgēw* "дочь", *yēwē* "пле-

чо", *yū* "дым", *qūst* "надел", *yēwē* "коза", *yēwē* "далекий" и пр.; для **i*: *arēwē* "вошь", *līgēw* "увидел", *nywēw* "просеивал", *yēwē* "сломался"; Зар. *tēgā* (= *tygē*), Ид. *tīg* "острый" (ав. *tīgā*); Ид. *yēwē* (= *yēwē* "толокно" < **pīšta-*) и пр. Безударное и из **i*, **u* в ряде случаев могло выпадать вовсе: *šīnē* < **janikā* "женщина", *tēg-* < **far-gīgā* "испражняться"; ср. также параллельное произношение *qūwēw*/*qūdōw* (кауз.) "одевать" при *qūwēw* "надевать", "одеваться" и пр.

§ 25. Нужно оговориться, однако, что для центрального говора в первичных записях Гринберга имеем более или менее постоянное обозначение **u* через *y* и *ū* в некоторых словах (§ 20), что характерно, в частности, для основ прошедшего времени. Ср. *nywēw* "слышать", *kūšēw* "свежевать тушу", *qūst-* "надевать", где *y* из **u*, и *līgēw* "видеть", *nywēw* "писать", *qūwēw* "возвращаться", где и из **i*. И хотя наряду с этим мы имеем *yūwēw* "двигаться", где и < **u*, а также изредка *qūst* вместо *qūst*, *nywēw* вместо *nywēw*, *qūwēw* вместо *qūwēw*, все же мы можем предположить остатки прежнего различия **i* и **u* в центральном говоре. Для верхнего мунджанского говора каких-либо указаний на неполное слияние **i* и **u* нет (ср. Зар. *līgēw*, *lōšēw* "видеть", *pēlīgēw* "слышать" и пр.).

Четко различаются результаты **i* и **u* во всех диалектах при заменительной долготе, когда **i* дает *ī*, а **u* дает *ū*. Ср. *pūr* < **pūgrā* "сын" и *mīgō* < **mīggrā* (+ поздний суф. -ak > *ō*) "солнце".¹ Это говорит о том, что слияние **i* и **u* произошло довольно поздно: они различались вплоть до появления фонем *ī* и *ū* (из дифтонгов **ai*, **au* и долгого **ā*), с которыми и отождествились растяженные их варианты. Возможно, что именно появление фонем *ī* и *ū*

¹ Долгое *ī* в слове *xēlīgō* "молоко", очевидно, является результатом контаминации с персидским *šīr*.

явилось причиной качественного изменения *i и *u в мунджанском. Начинаясь смещение i с [i] и u с [u] вызвало продвижение [i] к смешанному ряду (→ «и»), с одной стороны, и разогубление [u] (→ «ы») - с другой, что, в свою очередь, привело к смешению между собой этих двух фонем (>и).

Поскольку мунджанское [i] слилось с [u], то, естественно, не сохранилось и i-умлаутной передачи *u, которое разделило судьбу *i и в этом положении: i-умлаутное *u > [i] > и. Например, *angušti > [əgišt] > əgɨkʰə "палец", так же как *dišta > [dišt] > ɨnɨk "увидел".

Что касается положения а-умлаута, то оно могло сыграть свою роль в разогублении фонемы [u]. Некоторое влияние последующей гласной сказывается на качестве и в настоящее время, ср. «wɨ-stō» "поставь" и «wəstām» "мы поставим", «vəza» "коза" и «vɨzō» "козел" и пр.

Отражение дифтонгов *ai, *au

§ 26. Древние дифтонги *ai, *au дают соответственно стяжения в i и u. Дифтонг *ai: əri "белый", miχ "день", miɣ "облако" и пр. Дифтонг *au: χiɬə "тубетейка", χiɬən "окно", ɣiɣ "ухо", ɣiɣnu "волосы", liɣ- "доить" и пр.

В нескольких словах *au передается через i: Зар. šina "зад" (*sraɨni-), šina "игла" (*sauɨni-), kiɬə "горб у животных" (*kaɨɣa-). Здесь, вероятно, i из u в соседстве с мягкими согласными в положении i-умлаута: [«*šɨn+ə», «šɨn+ə», «kiɬ+ə»]. Ср. звуковые варианты в Иидга: kʰiɬo, kʰiɬo; šino, šino; šino, šino.

В начале слова *ai передается через у: уəχ "холодный", уəyō "мост". В слове уi "один" вероятно позднее стяжение из [уəw(ə)] с возможным предварительным ослаблением [уəw] в [уw] при час -

той безударности этого слова. О закономерной трансформации иw в u см. § 28. Для дифтонга *au положения в начале слова не засвидетельствовано.

Дифтонг *au перед вторичным w (<*p), а дифтонг *ai перед вторичным y (<*t, *ʃ), образуя сочетания auw/auɣ и aiɣ/aiɣ, давали соответственно или стяжение в u, i, или падение одного из удвоенных сонантов с результатом əw и əy. Так, ср. rəwse, Зар. rɨsa, Ид. rɨso "лиса" <[«rəuɣse»] или <[«rəuɣse»] <*rau-para; *maiši > [məɣu+ə] > məyə "овца", что с огублением ə дало mɨyə (Гр. < mɨyə, məyə »).

В безударном положении дифтонги *au и ai давали и с возможным последующим полным его падением. Ср. kəwūō, kəvūō, Ид. kəwūyo при Зар. kəwūya "голубь". Ср. более ранний безударный слог: Ид. ɣiɣio < *ɣau-kata- "хлеб".

Отражение сочетаний *əy, *əw и *ay, *aw

§ 27. Сочетания *əy и *əw дают соответственно əy и əw. Для *əy имеем примеры в основах настоящего времени: arōy- "бросать", šōy- "сеять" (см. IIFL II 200), ɨmōy- "показываться" (*√mā); то же в сочетании *ā с вторичным y (<*t): vɣōy "брат", wɨzɨōy "вымыл" (<*-snāta) и пр. Для *āw: ɣōwə "корова", wɨšōw- "звать", wɨzōw "гасить" и пр.

Сочетания *ay и *aw дают соответственно əy и əw. Для *ay: ɣiɣəy "пыль", "прах", ɣiɣəy "три", kəy "кто" (косвенный падеж), rəyō "кислое молоко"; с поздним y: ɔɣəy "пришел", kəy "дом" и пр. Для *aw: nəw "девять", уəw "ямень", stəw- "бранить(ся)" и пр. Перед w (<b(*p)) *a не создает сочетания əw и передается как *a перед любым согласным. Ср.: xšāwə "ночь", uōwɣə "вода" и пр.

Попадая в положение перед согласным, сочетание əy на раннем этапе, по-видимому, сокращалось в ə, ср. tɨɣɨɣ rəɣə "сметана" (ср.

реу-ō < *рауаh- "кислое молоко"). В более поздних образованиях еу сохраняется: хеу-k-ōn "свой", не хеу-n "себе", б̄реу-ге "пришла" и пр.

Отражение слабых дифтонгов или сочетаний *эу, *эю

§ 28. Восстанавливаемая для шугнано-язгулямской группы третья, - слабая, - ступень дифтонгов или сочетаний *эу и *эю (ГОЯШ § 156 п.3, также § 139) хорошо представлена в мунджанском языке краткими дифтонгами ну и н̄у с их вариантами и чередованиями: < ну/ну - 1(y) - 1̄ > для ну и < н̄у/н̄у - н̄/н̄ - 1̄(w) > для н̄у. Поскольку вариант < 1̄ > для ну и варианты < н̄/н̄ > и < 1̄ > для н̄у совпадают с наличествующими в мунджанском языке фонемами 1̄, н̄ и 1̄, то в настоящее время происходит соответствующее фонологическое расщепление дифтонгов ну и н̄у с чередованиями ну : 1̄ и н̄у : н̄. Примеры для ну: f̄ayō, Ид. f̄ia "лопатка" (шугн. fay, fiyak, ишк. fay, fi); ʃ̄nyō, Ид. ʃ̄iyo "самка" (вах. str̄ey, ав. str̄ī-, шугн. с перестановкой sitir); n̄nyō, Ид. n̄iyo "пахтанье" (руш. n̄ay : n̄ia "пахтать"); Ид. ʃ̄io, М. j̄iiko "тетива" (ав. j̄yā-, язг. ʃ̄ay); для н̄у: ʃ̄ny, ʃ̄ñ, Ид. ʃ̄ñ, ʃ̄ñ "рог" (язг. ʃ̄ow, руш. ʃ̄aw, ав. str̄-, str̄v-); т̄н, т̄ñ, Ид. tu, t̄e (=t̄ñ) "тн" (язг. tow, шугн., руш. tu, срк. tew, барт. t̄ñ, ав. tvem, t̄ñ, t̄ñ); л̄н, л̄ñ, Зар. l̄ñ, l̄e (=л̄н), Ид. lo^h, lo^h "два" (язг. ʃ̄ow, шугн. ʃ̄u, руш., барт. ʃ̄aw, срк. ʃ̄e(w), ишк. ʃ̄e(w), ав. ʃ̄va, ʃ̄ue).

Дифтонг н̄у с его чередованиями н̄у : н̄(ñ) : 1̄ мало актуален для современного мунджанского языка: это остаточное явление, представленное в небольшом количестве слов. Дифтонга н̄у нового образования не встречено.

Дифтонг ну, напротив, весьма распространен в мунджанском языке. Помимо слабой огласовки сонанта *у, он продолжает также старые сочетания с *у кратких *и, *е (*и+у, *е+у), характерные

для основ на -уа. Ср. р̄ну- "гнить" < *руа-; з̄ну- "рожать" < *з̄уа- < *з̄уа- (ср. ГОЯШ § 75).

§ 29. Очень широкое развитие получил дифтонг ну в более позднее время, уже на собственно мунджанской почве в результате смягчения *к, *т, *ʃ в у. Любой краткий гласный (в том числе и безударное *а) в сочетании с этим вторичным у дал дифтонг или сочетание ну. Ср. з̄nȳye "сноха" < *z̄nyā-, sp̄nȳye "вошь" < *sp̄iʃ-+e; ʃ̄ny "ушел" < *ʃ̄uta; st̄ōny "звезда" < *st̄āraka-; ʃ̄ny-ny "ушел" (перф.) < *ʃ̄utaka-; л̄ну "дым" < *l̄uta- и пр.¹

Весьма показательно возникновение ну в слове "ветер" < *vā-ta-: Гр. w̄ny, М. w̄ny, w̄t, Зар. w̄ny, Ид. w̄ñ. Закономерная передача *ā дает 1̄ или 1̄ (§ 23). Но в сочетании с у оба варианта (1̄у и 1̄у) фонологически отождествились с ну при диапазоне последнего < 1̄у - 1̄(y) - ну - 1̄у - 1̄у >. Очевидно, этим обстоятельством, т.е. возможностью смещения *āу с ну через ступень < 1̄у - 1̄у >, и объясняется передача *ā через 1̄ в сочетании -1̄у (vr̄ōy "брат" и пр.). В случае с н̄у < w̄ny, w̄ny > u-образное (закрытое) звучание *ā поддерживалось воздействием w. Другие случаи передачи *āу через 1̄у(ну) и 1̄у(ну) засвидетельствованы в некоторых основах прошедшего времени, где наряду с влиянием предшествующего согласного (его мягкость или его огурленность) действовала еще и аналогия с распространенным исходом прошедшей основы на -ну/1̄у (ʃ̄ny- "уходить", х̄ed̄1̄у "смеяться" и пр., - см. §§ 54, 55): 1̄1̄у, 1̄ну, Зар. 1̄1̄у, Ид. 1̄1̄(y), 1̄1̄(y) "давать" < *d̄āta-; z̄1̄(y)/z̄ny, Зар. z̄1̄у "рожать" < *z̄āta (ср. шугн. z̄ōd); p̄1̄y/p̄ny/p̄ny, Зар. ʃ̄ny "мерзнуть" (ср. шугн. ʃ̄iōd).

¹ Ср. восстанавливаемое [ʃ̄у] (= мундж. ну) для шугнанской группы в аналогичных случаях, возникшее из кратких *и, *1̄, *е + вторичное у < 1̄/1̄ : шугн. ris, руш. rays (ГОЯШ § 162).

§ 30. Как уже упоминалось, в настоящее время в мунджанском языке происходит фонологическое размежевание вариантных звучаний < ну - ĭ(y) - ū >. Так, в центральном говоре ну в wny "ветер" фонологически противопоставлен ū в nyū- "слушать", где ū из дифтонга *au; но в верхнем говоре имеем Зар. wū, где ū фонологически отождествилось с сочетанием ū в nyū. В основе прошедшего времени глаг. "мерзнуть" в центральном говоре звучания rīu, rōu, rēu остаются, по-видимому, вариантными, фонологически не расчленившимися. Вообще же чередования ну : ū редки, поскольку вариант < ну, ū > редок для дифтонга ну (по преимуществу из *āу при специальных условиях).

Чередования же ну : ĭ(y), - основных вариантов дифтонга ну (ср. tnyt, tīt "входит", žnyt, žīt "шьет" и пр.), - чрезвычайно распространены и в ряде случаев приобретают грамматическую актуальность. Так, в центральном говоре при совпадающих основах настоящего и прошедшего времени, таких как рыу : рыу "гнить", хъну : хъну "плакать" и пр., за основой прошедшего времени закрепляется вариант ĭ(y): рыу : рī "гнить", хъну : хъī "плакать" и пр. Грамматическое значение приобретает и исход перфектной основы на -ну и -ĭ(y): ср. nyōstnyām "я сел" и nyōstīyām "мы сели" (см. § 135).

В более ранних образованиях мы встречаемся с уже прочно закрепившимся переходом ну в ĭ. Ср.: frīŋe "блоха" < [frny + ŋe], где [frny] < *fruš(1); žīŋgeŋe "яловая", где žī- из žny- "самка"; vŋī-ŋe "бровь" < [vŋny + ŋe], где vŋny < *bruš(1); vŋīr- - настоящая основа гл. "ломать" < vŋny + r (§ 70). Новые образования обычно имеют дублетные формы: žnyxere/žīxere "ослица", žnyt/zīt "рожает" (с поздним добавлением t, - см. § 58) и пр.

Безударное ну может сокращаться в и или в у и даже выпадать вовсе. Ср. рыуŋe "сгнившее", žtyŋe "сказанное" - причастия мужского рода < рыуnyŋe и žtynyŋe; v(1)yŋe "был"; Ид. ženyŋe, ženyŋe

при мундж. žnyŋe/žnyŋe "сноха"; vnyŋe- - каузативная основа глаг. "ломать" < v(1)nyŋe + ŋv и пр.

Отражение слабых сочетаний *en и *em

§ 31. Для мунджанского языка хорошо восстанавливаются слабые сочетания *en и *em, которые отражены (в положении перед согласным или в исходе слова) гласными ы, э, ā с падением n(m), в то время как сочетания *an/m *an/m дают обычную передачу *a и *ā как перед любым другим согласным, с сохранением n(m), например: rōnde "дорога", vōndym "связываю", xōndī "смеется", yāndny "следпой", vānt "знает", zīŋg "колени".

В именах под ударением отражение сочетаний *en и *em в основном аналогично отражению *a: через фонему э в закрытых слогах (по преимуществу), через фонему ā - в открытых слогах и в начале слова. Ср.: kēb "мало", kēvdyr "немного", nēb "роса", āgmīn "мед" (этимологию см.: IIFL II 188), ābyu "скалы", agūŋg "тесто" (gyu : gust "месить"). В ēgnāke "палец" и zē "я" имеем поздний перенос ударения.

В глагольных основах настоящего времени со слабой огласовкой, где тоже, по всей вероятности, ударение на основе является поздним, представлено регулярное ы: lnyb- "чесать шерсть", omyb- "щипать", xnyŋd- "скрести", sknyd- "отрезать", bnyŋd- "надевать", vnyb- "сжимать".

В безударном положении *en, *em дало ы, которое в дальнейшем в начале слова отпало: хыбэк "закрома" (< *xembāk), dīr "другой" (< *entāga-),¹ dē предлог (*antar-); преф. *am-, *an-: dnyf- "загораться", drey "бояться", dnyf- "драться", guy- "месить".

¹ Дублетные формы yidīr, yudīr, - вероятно, из yū dīr.

Источником мунджанских, [ǝn] и [ǝm], аналогично слабым сочетаниям *əy и *əw, явилось как продолжение слабой огласовки сонантов n и m (на мунджанской почве, например, безударное *an: [ǝndǝn] "другой"), так и продолжение сочетаний n, m с той или иной краткой гласной (*in, *un > *ən), ср.: ǝnd < [ǝ-γǝnd] < *ǝγund-"надевать" (язг. nǝ-γand) и др.

В более позднее время, когда актуальность трех ступеней длительности была ослаблена и когда современная фонема ə (< *a) стала близка по длительности к y (ср. rǝym, kǝym "достигну" и пр.), аналогичный результат с отпадением n, m стало давать современное сочетание ǝn, ǝm (< *an, *am). Ср. xǝym "смеюсь", ǝkǝy "поднял" (при xǝnd "смеется", ǝkǝym "поднимал").

В центральном говоре подобные случаи падения n, m еще связаны с грамматической значимостью недолгой ступени огласовки (ср. xǝym "смеюсь", но переходный глаг. vǝndym "связывал" в сильной огласовке, см. § 56). В верхнем говоре падение n, m перед согласным превратилось в общую фонетическую закономерность, независимо от длительности предшествующей гласной, ср. Зар. trǝj- "связывать" при trǝj в центральном говоре; Зар. zǝg "колени" при zǝg в центральном говоре и пр. Все же и в верхнем говоре в ряде случаев n, m из сочетаний *an, *ǝn иногда сохраняются, ср. Зар. rǝnj "пять", vzǝdǝm/vzǝndǝm "(я) знал" и пр. В йидга находим картину, аналогичную верхнему говору: йд. zǝk "колени", trǝj- "связывать" и пр. Таким образом, в верхнем мунджанском говоре и в йидга различие в отражении старых *ən и *an, *ǝn стерто, но центральный говор сохраняет это различие очень отчетливо.

§ 32. Слабая ступень сонанта *r(*er) отражается, как правило, через ыг: ыг- "умирать", кыг- "делать", ыгт "волк", тыгыг "красть", ыгт- "брать", ыгс- "спрашивать", кыгм "червяк" и пр.

Отклонения имеют место главным образом при трансформациях г. Ср.: vǝhǝg "длинный" (*berz(a)+ka или *berz(a)-na, ср. ав. berza-), где могли иметь место как заменительная долгота после упрощения консонантной группы, так и воздействие на качество гласной мягких ǝg.

В rǝhǝg "пух" (ав. rǝrǝna- "перо") вероятно воздействие i-умлаута (*rǝrǝna-). Как результат i-умлаута может также объясняться i в глаголах 3 л. ед.ч. наст.вр.: γrǝvd "берет", rǝst "спрашивает", kǝnt "делает". Однако здесь i могло возникнуть и по аналогии с глаголами с *a-огласовкой: ǝvǝt "приносит" и пр. (§ 70).

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ШУГНАНО-ЯЗГУЛЯМСКОЙ ГРУППОЙ

§ 33. В результате рассмотренных исторических соответствий для раннемунджанского языка восстанавливаются следующие простые гласные.

Долгое [ǝ] < *ā
Среднее [ǝ] < *a
Краткие [i, u] < *ī, *ū

Все гласные имели широчайший произносительный диапазон с актуальностью качественного противоположения только для пары [i]

и [u]. Поэтому для гласных, продолжающих *ā и *a, предлагается знак ē и е, как наиболее нейтральный по отношению к качеству.

Такая же система простых гласных восстанавливается в качестве исходной и для обще-шугнано-язгулямского состояния (ср. ГОЯШ § 106). Однако уже на уровне шугнано-язгулямской общности она подверглась существенным изменениям; а именно: наиболее открытые «а»-образные варианты фонем [ā], [a] и [u] выделились в самостоятельные фонемы ā и а. В результате этого диапазон [ā] и [a] по подъему сузился и они стали более закрытыми гласными, по преимуществу среднего подъема, отчего для их обозначения и были избраны знаки [ē] и [e]. Выделение новой пары фонем ā и а (см. ГОЯШ § 96) способствовало в дальнейшем быстрой фонологизации качественных признаков в вокализме языков шугнано-язгулямской группы.

В мунджанском языке исходная система простых гласных сохранялась очень долго. Фонологизация качественных признаков ē и е (ряд, подъем, огубленность), означавшая одновременно и фонологизацию основных их качественных вариантов, т.е. расщепление ē и е на несколько фонем, — явление для мунджанского языка очень позднее. Об этом говорят следующие факты.

а) Различное отражение [ē] в близких говорах в одном и том же фонетическом положении, ср. центр. b̄f̄ɪr, верхн. b̄f̄ɪr "четыре" и даже перебои внутри одного говора (ср. ūɪr "огонь", x̄ūɪ "ручей" в центральном говоре при обычном ī). Отсюда восстанавливается недавний широкий диапазон [ē] в этом положении [< ī - ū - ū >].

б) Фонологическое размежевание вариантов [a] иногда не совпадает в близких говорах, ср. центр. ūāstɪu, верхн. Zар. uostəu "кость"; центр. ūāstɪu, верхн. Zар. uōtəu "мука"; центр. ūāndɪu, верхн. Zар. uodəu "слепой"; центр. uəuō, верхн. Zар. uāu "мост", центр. əwɔ, верхн. Zар. b̄wɔ "водоем". Аналогичные колебания в

фонологической интерпретации вариантов [a] и [ā] наблюдаются и внутри одного говора; ср. центр. ātəu, по преимуществу b̄təu, "пришел"; əgɪh̄k, b̄gɪh̄k "тесто"; əuɪm, b̄uɪm "приду".

в) Качественный диапазон фонемы е, — основного отражения [a], — и в настоящее время еще очень широк и нечеток и полностью не определился. Ср. диапазон е для центрального говора: < е, ē, ае, э, з̄, е, е̄, ā >; для верхнего говора: < е, э, е̄, а, ā, о >. В настоящее время происходит процесс произносительной унификации е (в центральном говоре в направлении к < а, э, ае >) с переходом закрытых кратких, особенно огубленных, вариантов в фонему и (ср. əd/ān — предлог направления, wətə/wytə "здесь", wələ > wylə "жена" и пр.), а открытых некротических огубленных вариантов — в фонему ō (ср. əuɪm, b̄uɪm "пойду", при постоянном b̄eɪm = b̄y əuɪm "не пойду" и постоянном t-b̄uāɪm = tō oɪm: tɪ, t-b̄uāɪm "давай пойдем"; ср. также əgɪh̄k, b̄gɪh̄k "палец", mɪm "мне", vɔw "его").

Таким образом, процесс перестройки старой системы гласных в мунджанском языке по существу еще не совсем закончен. В Идга же, как кажется, он завершен полностью. Здесь мунджанскому, качественно весьма мутабильному, е соответствует постоянное стойкое о (ō). Ср. Ид. z̄b̄r, мундж. z̄er "старый"; Ид. kōb, мундж. kəb "мало"; Ид. x̄b̄d̄em, мундж. x̄b̄d̄ɪm "смеюсь"; Ид. m̄ōz̄em, мундж. m̄əz̄ɪm "убиваю"; Ид. x̄b̄t̄o, мундж. x̄et̄ə "осел"; Ид. ž̄ɪp̄ko, мундж. ž̄ɪp̄kə "женщина"; Ид. x̄ūt̄oɪ, мундж. x̄ɪt̄əu "три"; предлоги: Ид. t̄ro, ро, vo, do, žo при мундж. t̄rə, rə, və, d̄ə/ā, ž̄ə/ž̄y и пр.

Более длительная консервация старого вокализма в мунджанском языке связана, очевидно, с тем обстоятельством, что новая пара фонем узкого качественного диапазона, которая послужила бы стимулом к фонологизации качественных признаков гласных (ср. в этой роли ранние шугн.-язг. ā — а), возникла в нем сравнительно поздно. Очевидно, это была пара ī — ū из дифтонгов *aɪ, *au.

§ 34. Весьма существенно отметить, что мунджанский язык при его поздней перестройке исходного вокализма донес до наших дней в ряде случаев те его фонетические предпосылки, которые были в свое время реализованы шугнано-язгулямской группой. Так, наиболее позднее, — чисто мунджанское образование, отсутствующее в Иидга, — фонема $\bar{a}$ — возникло в основном на той же фонетической почве, что и давнее язгулямо-шугнанское $\bar{a}$, а именно: из ударных вариантов *а в положении а-умлаута и в открытых слогах: ср. мундж. $\bar{a}l\bar{y}m$, шугн. $\bar{a}l\bar{d}um$ "дау", мундж. $ny\bar{a}stet\bar{e}$ "села" (перф.), руш. $n\bar{a}st$ "села" (прош. вр.) и пр.

Что касается шугнано-язгулянского краткого а, не представленного в мунджанском, то фонетические предпосылки для него тоже достаточно хорошо видны в мунджанском языке. Восстанавливаемый для шугн.-язг. а фонетический источник — это $\langle \bar{e} - a \rangle$ -образные варианты кратких гласных (а-умлаутные варианты *и, открытые варианты *i, ударное *е в составе *еп, *ем и иногда *ег: [$\langle v\bar{e}za \rightarrow v\bar{a}z(a) \rangle$] "коза", [$\langle spr\bar{e} \rightarrow spr\bar{a} \rangle$] "вошь", [$\langle vtrend- \rightarrow vt\bar{a}nd- \rangle$] "разбивать" и пр.; ср. ГОЯШ §§ 98, 156). Но именно подобное краткое $\langle \bar{e} \rangle$ -образное звучание фиксируется в фонетических мунджанских записях Гринберга в аналогичных случаях: $\langle v\bar{e}za \rangle$ "коза", $\langle l\bar{e}da \rangle$ "дочь", $\langle sk\bar{e}d\bar{y}m \rangle$ "режу", $\langle spr\bar{e}u\bar{e} \rangle$ "вошь" и пр. Стало быть, здесь мы имеем случай различной фонологической интерпретации фонетически сходных предпосылок: в шугнано-язгулямской группе $\langle \bar{e} - \bar{a} \rangle$ -образные звучания кратких гласных выделились в самостоятельную фонему (вобрав затем в себя и безударные *а и *ā), в мунджанском языке эти варианты тоже фонологически объединились, но совпали не с безударными *а и *ā, а с прочими вариантами кратких гласных, слившихся в фонеме и.

§ 35. Наряду со старыми простыми гласными [$\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{y}$, $\bar{i}$] мунджанский язык сохранял в течение долгого времени также и сла-

бые дифтонги (или слабые сонантные сочетания) *еу, *ew, *ег, *еп, *ем. Восстанавливаемые для шугнано-язгулямской группы с той или иной степенью вероятности и преимущественно по косвенным данным, эти сочетания в мунджанском языке или бытуют в живом виде (*еу, *ew > ну, нw), или имеют особое отражение (*еп, *ем > е(а), и).

При этом фонетическая их реализация, равно как и фонологическая трактовка их фонетических вариантов, почти полностью совпадает в сравниваемых языках. Если для шугнано-язгулямской группы произносительный диапазон *еу и *ew восстанавливается в пределах [$\langle \bar{e}y - i - \bar{i} \rangle$] и [$\langle \bar{e}w - u - \bar{u} \rangle$] (ср. ГОЯШ §§ 139 и 156 п.3), то именно этот произносительный диапазон фиксируется и для мунджанских ну и нw. Фонологизация этих вариантов в мунджанском языке — живой процесс, а в шугнано-язгулямской группе он давно закончен. Но результаты в обоих случаях аналогичны и могут быть выражены в следующей схеме соответствий по языкам:

Для *еу: мундж. ну, $\bar{i}$ // шугн. гр. ау, $\bar{i}$, $\bar{i}$ // язг. ау, $\bar{i}$.
 Для *ew: мундж. нw, и, $\bar{u}$ // шугн. гр. aw, u, $\bar{u}$ // язг. ow, u.

§ 36. Основанием для восстановления *еп, *ем в шугнано-язгулямской группе^I послужили случаи несмягченных согласных в положении перед -an(m), -ān(m), возводимых к *an(m), а также слу-

^I *еп и *ем восстанавливаются для раннего периода шугнано-язгулямской общности. К моменту расхождения языков ударное *е в *еп(m), вероятно, уже фонологизовалось в а и ā (см. ГОЯШ §§ 91, 156). Однако для шугнано-язгулямской группы следует тщательнее изучить все относящиеся сюда факты.

чаи плохо объясняемого краткого а перед п, м в глагольных основах настоящего времени (ср. шугн. *kānd* "часть", "половина"; шугн. *χiḥand* - "отрезать" и пр.). В мунджанском языке живое функционирование **en*, **em* фиксируется для недавнего прошлого,² причем их дальнейшая фонологическая интерпретация опять-таки аналогична шугнано-язгулямской группе. Ср. главные соответствия:

1) в именах: мундж. *ə* // шугн.-язг. *ān*, *ām* (мундж. *kəb*, хуф. *kāmb* "мало"; мундж. *pəb*, шугн. *pāmb* "влага", "роса");

2) в глагольных основах: мундж. *y* // шугн.-язг. *an*, *am* (мундж. *skyd-*, шугн. *χiḥand* - "отрезать"; мундж. *ōymd-*, язг. *pəʔand* - "надевать");

3) в безударном положении: мундж. *y*, *ə* // шугн. гр. *in(m)*, *an(m)*, язг. *en* (мундж. *χybək* "закрома", *dīr* "другой", *amf-* "загораться"; шугн. *anǰāv-*, руш. *inǰāv-* "обрать"; язг. *ender* "другой", *endāz-* "вставать"; срк. *χambak* "яма для хранения зерна").

Здесь существенно отметить совпадение сравниваемых языков в использовании ступеней длительности при передаче **en*, **em*: в грамматически нейтральных случаях **en(m)* давало среднюю ступень (мундж. *pəb*, шугн. *pāmb* "влага"), в глагольных основах со слабой огласовкой - слабую ступень (мундж. *skyd-*, шугн. *χiḥand* - "отрезать"), в безударном положении - редуцированный гласный (мундж. *dīr*, язг. *ender* "другой").

Существенное расхождение сравниваемых языков в отражении **en(m)* заключается в сохранении шугнано-язгулямской группой согласного элемента п, м. Это может быть объяснено ранней фоноло-

² **en(m)* дало *ə* и *y* после того, как закончился сравнительно поздний процесс спирантизации [b] > w в положении между гласными (ср. *lyb* < [lǝmb-] "терсбить шерсть" и *ōym* < [ōy-γib-] "возвращаться". О поздней спирантизации b > w см. § 43.

гизацией **ə*-элемента в сочетаниях **en*, **em* в шугнано-язгулямской группе, связанной с ранним выделением в ней фонем а - ā (первоначально [a - 'a]). Будучи близок к ним по качеству, элемент **ə* (< *ə*, *e*, *a* >) отождествился с ними фонологически, отчего прежнее фонологически единое сочетание (слабый дифтонг **en(m)*) перестало быть таковым, разложившись на ā/a + n(m). При этом -n и -m тоже превратились в самостоятельные фонемы и, естественно, разделили судьбу прочих п, м.³

В мунджанском же языке **en*, **em*, оставаясь дифтонгом (т.е. фонологически неделимой единицей), изменялись при их трансформации в обоих своих составных элементах одновременно.

§ 37. В йидга имеем в основном тот же состав фонем и те же соответствия древним гласным, но со следующими существенными отклонениями.

1) Мундж. *ə* соответствует йд. *o*; ср. мундж. *veŋym*, йд. *voŋum* "несу" и пр.

2) Мундж. *ō* соответствует йд. *ā*, *a*; ср. мундж. *stōŋyu*, йд. *stārā* "звезда".

3) В йидга не выделилось особой фонемы на месте мундж. *ā*, которому в йидга соответствуют различные гласные; ср. мундж. *χšāwe*, йд. *χšovo* "ночь"; мундж. *pālē*, йд. *palō* "нога"; мундж. *kuām*, йд. *kuem*, *kuām* "который".

4) В йидга неясна фонологическая принадлежность гласного, обозначаемого знаками *ā*, *ε*; ср. йд. *pālāstiko*, мундж. *palāste* "браслет"; йд. *pālio*, мундж. *pābē* "пятка" и др.

³ Судьбу сочетаний **un*, **in*, а также **en* в положении 1-умлаута в шугнано-язгулямской группе следует в дальнейшем рассмотреть специально.

5) Дифтонг мундж. *ny* в *Иидга*, по-видимому, уже монофтонгизовался во всех случаях, ср. *Ид. žy* "рог", при мундж. *žny*.

§ 38. В целом для мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы восстанавливается следующая общая для них исходная система вокализма.

Простые гласные

Долгий [ē]

Средний [e]

Краткие [i, u]

Дифтонги

Полные [ai, au]

Слабые [əy, əw, ət, ɛn, ɛm]

По всей вероятности, полные дифтонги [ai] и [au] не употреблялись в безударном положении, ослабляясь в редуцированный звук [«ə, ь, и»] через этапы [əy, əw] или [i, u] или же непосредственно (ср. совпадающее отражение **gau-kata* "хлеб" в сравниваемых языках: *Ид. ɣiɣio*, *шугн. ɣiɣta*, *язг. ɣəɣda*). Ту же самую редуцированную артикуляцию [«ə, ь, и»] имели, по-видимому, и безударные *i, *u, которые не знают различного продолжения ни в одном из сравниваемых языков. Так же, вероятно, могли реализоваться и безударные слабые дифтонги *əy и *əw (ср. безударные вариации современного мундж. *ny: ətɣə < ətɣə "сказанное", viɣə, vye < vye "был" и пр.*). Однако о степени фонологизации для восстанавливаемого периода этого редуцированного звучания, представлявшего в безударном положении сразу несколько фонем, судить трудно. Каких-либо указаний на независимое употребление редуцированной гласной в ударном положении (т.е. не в составе сонантов *əy, *əw, *ət, *ɛn, *ɛm) для восстанавливаемого периода нет.

СОГЛАСНЫЕ

Сопоставление согласных в сравниваемых языках уже дано в основном во "Введении". Здесь лишь следует остановиться на детализации некоторых пунктов.

§ 39. Переход интервокального *t в у в мунджанском языке считается чертой, отличающей его от всех прочих памирских языков. Однако этот признак, если его рассмотреть в диахроническом плане, выявляется, напротив, как признак не разделяющий, а объединяющий сравниваемые языки.

Для шугнано-язгулямской группы в ГОЯШ (§§ 161-164) восстанавливаются ряды мягких и твердых согласных в зависимости от фонетических условий (в основном в зависимости от соседства с передними или задними гласными). Подобные ряды согласных наблюдаются в мунджанском языке в настоящее время. Ср. мундж. *žtyāt* "ударил" и *žnyāt* "сшили", *štyne* "игла" и *žny* "рог", *štry* "абрикос" и *štynd* "вернулся", *kyāt* "какой" и *knyk* "камень", *kälge* "ключ" и *ənyškə* "палец". В настоящее время происходит фонологизация этих вариантных рядов. Так, помимо пар типа *žtyāt* "они ударили" и *žnyāt* "они сшили", *štī* "что" и *šte* "сказал", где противоположение обеспечивается не столько отдельными согласными, сколько слогом в целом (*štī* - *žny*, *štī* - *šte*), мы находим также и такие случаи, как *š-te* "от тебя" и *šte* "сказал", *kəy* "дом" и *kəy* - косвенный падеж местоимения "кто". Судить по имеющимся в моем распоряжении текстам о степени фонологизации каждой из вариан-

ных пар представлялось затруднительным, но обозначение в текстах промежуточных звучаний (например, не только $\acute{\epsilon}$ – $\acute{\delta}$, но и $\acute{\epsilon}$ и пр.), а также колебания в выборе знака при записи (например, $\acute{s}\bar{a}r$, $\acute{\delta}\bar{a}r$ "город", $\acute{\delta}\bar{t}\bar{e}$, $\acute{\delta}\bar{t}\bar{i}$ "загон для скота", $\acute{\delta}\bar{y}u\bar{e}$ "сшил" при $\acute{\delta}\bar{i}rt$ "шьет" и пр.) свидетельствуют о том, что процесс фонологического размежевания мягких и твердых рядов согласных еще не завершен.¹

Вместе с тем мы, естественно, встречаемся в мунджанском языке и с уже осуществившимися, иногда весьма давними, результатами той или иной фонологической интерпретации мягких и твердых согласных, происходившей на аналогичной фонетической почве, но в более ранние периоды и при ином составе согласных или при ином их качестве.² К их числу относится трансформация интервокальных *t и *š в y.

¹ Поэтому, как уже указывалось во "Введении", в дальнейшем используются в основном нейтральные знаки $\acute{\epsilon}$, $\acute{\delta}$; знаки k и g тоже могут иметь значение нейтральных, а не только твердых.

² Шугнано-язгулямские данные указывают на два основных вида фонологической интерпретации вариантных звучаний: 1) расщепление варьирующей фонемы на две или больше фонем; например: в шугнанской группе твердый вариант фонемы [ɣ] дал ɣ, мягкий – $\acute{\epsilon}$ (ɣ $\acute{\epsilon}$ "ухо", $\acute{\delta}\bar{i}r$ "камень"), в язгулямском языке твердый вариант дал ɣ, мягкий – ɣ (pəɣand – "надевать", ɣew "бык"); 2) фонетическая унификация варьирующей фонемы по одному из вариантов; например: унификация вариаций [« $\acute{\delta}$ – $\acute{\epsilon}$ – $\acute{\epsilon}$ – o»] по однофокусному типу с дальнейшим отвердением в шугнанской группе (> o) и по двухфокусному типу в язгулямском языке (> $\acute{\delta}$). Для мунджанского языка примером для второго типа может служить унификация [« γ – $\acute{\gamma}$ »] и [«x – $\acute{x}$ »] по твердому варианту, причиной чего могло быть размежевание с мягким $\acute{x}$ (современное « $\acute{x}$ » < *θ). Ср. случаи смещения $\acute{x}$ с x как следы этого размежевания: uexue, Зар. uēxua, uēxua "зола". Примеры для первого типа см. ниже.

§ 40. Очевидно, что интервокальные *t и *š дали у через мягкие свои варианты в соседстве с передними гласными. Чрезвычайно мягкое (среднеязычное) звучание обоих согласных сохраняется в современном мунджанском языке и в настоящее время при их сочетании в группе $\acute{\delta}k$, ид. $\acute{\delta}\bar{e}$, например мундж. $\acute{\epsilon}g\acute{\delta}\bar{k}\bar{e}$, ид. $\acute{o}g\acute{\delta}\bar{k}\bar{o}$ "палец". В интервокальной позиции *t унифицировалось по мягкому варианту (> y) во всех случаях. Ср., например, $\acute{\delta}\bar{y}u < *šuta$ с *t в положении после заднего гласного, где, впрочем, воздействию *u могло противостоять воздействие последующего *a (ср. $\acute{\epsilon}g\acute{\delta}\bar{k}\bar{e} < *angušti$ с явно более сильным воздействием последующей гласной).¹ В остальных положениях, т.е. в начале слова и после немягких согласных, *t унифицировалось по твердому варианту (> t, d), – ср. $\acute{\delta}\bar{i}r$ "другой" < *antāra-, $\acute{o}v\bar{d}\bar{e}$ "семь", tu "ты", $\acute{t}\bar{i}r\bar{e}$ "темный" и пр.

Сходную судьбу имело *š, однако в начальной позиции, совпав с $\acute{\delta} < *sr$, оно сохранило вариантность звучания, – ср. $\acute{\delta}\bar{e}m\bar{d}$ "плет", $\acute{\delta}\bar{y}u$ "пошел".²

Для шугнано-язгулямской группы следы мягкого *t (и *d) обнаруживают несколько засвидетельствованных случаев палатализации

¹ Ср. унификацию по мягкому типу вариантов [« γ – $\acute{\gamma}$ »] (< *k/š) в сочетании [« γa – $\acute{\gamma} \acute{a}$ »], давшему у в шугнанском языке, при их расчленении на две фонемы (> y и w) в остальных языках группы; ср. шугн. $\acute{t}\bar{u}y\bar{d} < [ta\acute{\gamma}da-]$ "пошел" и $\acute{r}\bar{i}n\bar{u}y\bar{d} < [rat(i)mu\acute{\gamma}da-]$ "надел" при руш. $\acute{t}\bar{u}y\bar{d}$, но $\acute{r}\bar{a}n\bar{a}w\bar{d}$.

² Возможно, что в интервокальной позиции унификация по мягкому варианту осуществилась не полностью; ср. необъясненное $\acute{\delta}$ в Зар. $\acute{u}\bar{i}v\bar{g}\bar{u}\bar{\delta}$, М. $\acute{a}v\bar{g}\bar{u}\bar{\delta}$ "пазуха" < *upa-gauša- и в $\acute{k}\bar{a}\bar{\delta}$ "пестрый", где *š восстанавливается по соответствию шугн. $\acute{\delta} //$ руш.-язг. w < *š (шугн. $\acute{\delta}\bar{u}\bar{\delta}$, руш. $\acute{\delta}\bar{u}w$, язг. $\acute{k}\bar{a}w$).

этих согласных в у в язгулямском языке при особо благоприятных фонетических условиях. Ср. язг. *xayerg* "мельница" < [xʷadǝfǝg] < *xʷatāraka (ср. шугн. *xidǝrǝj*); для *d ср. язг. *sayǝ* "сливки" < [sɪd(a)ǝi-], которое может быть сопоставлено с мундж. *silǝgiye*, где -ǝ - поздний суффикс (ср. IIFL II 246); о переходе *d > y см. также ГОЯШ § 135.

Но главным свидетельством наличия в прошлом мягкого < t' > (при озвончении < d' >) в шугнано-язгулямской группе является переход *t в g в сочетании *rt > [rd]. Именно восстановление здесь мягкого [d] дает наиболее удовлетворительное объяснение его переходу в g через простое смещение < d' > с близким ему по звучанию мягким вариантом фонемы g, - < g' >. Мягкие варианты фонемы g, равно как и фонемы k, сохраняются во всех сравниваемых языках и в настоящее время, исключая лишь собственно шугнанский язык, ср., например, руш. < māk > "шея", < sūg > "сказка", < ǝǝg > "делать" и пр. (см. ОФИЯ II 136-137, 194). В слове < ǝǝg > < g' > непосредственно продолжает в почти неизменном фонетическом облике мягкий озвонченный вариант *t - < d'/g' > < [kǝrdɪ/kǝrdɪ] > с естественным отнесением его к фонеме g, поскольку современное d не знает мягких вариантов. Сохранение его в сфере фонемы a потребовало бы его отвердения, что и произошло в шугнанском языке: шугн. *ǝǝd* "делать", *ǝǝd* "нож" при руш. < ǝǝg > и пр. Смещение фонем d и g через мягкие их варианты наблюдается в мунджанском языке как живой фонетический процесс. Ср., например, мундж. *yend* "такой" и *yǝǝǝt* "такие".

К трансформации *t в g в сочетании *rt г имело отношение лишь постольку, поскольку, будучи согласным смягченным, оно способствовало дальнейшему смягчению *t [kǝrdɪ]. Само же оно дало самостоятельные результаты в зависимости от фонетической позиции: у(ɪ) в положении i-умлаута и w(ɥ) в остальных случаях, что хорошо представлено в сарыкольском языке, ср. срк. *ǝeyg* "де-

лать" < *karti и ǝeyg "сделал" < *karta-. В последнем слове г получало достаточной мягкости и при спирализации дало w (через этап < ɣ >). Однако t в *karta-, находясь в положении перед *i было первоначально, по всей вероятности, несколько смягченным что могло способствовать унификации *t в составе *-rt по мягкому варианту в большинстве языков шугнано-язгулямской группы, помимо аналогии с формой инфинитива. Ср. передачу *karti и *karta- в языках шугнанской группы: шугн. *ǝǝd*, *ǝǝd*; руш. *ǝǝg*, *ǝǝg*; барт. *ǝǝd*, *ǝǝg*; срк. *ǝeyg*, *ǝeyg*. В язгулямском языке представлено *keg* "сделал" при отсутствии инфинитивной формы.

§ 41. Пример подобной расходящейся по диалектам фонетической унификации, - по мягкому варианту в одном случае, по твердому - в другом, - дает в мунджанском языке отражение *rn: мундж. *ǝǝg*, *ǝǝd*. n, r через этапы [kǝrdɪ/kǝrdɪ] > *ǝǝg* и [kǝrdɪ/kǝrdɪ] > n, r; ср. мундж. *kūǝg* "глухой", *ǝǝǝǝg* "яблоко" при *ǝǝd*, *kūǝd* и *ǝǝǝǝd*, *ǝǝǝǝd*. Сам факт различной передачи сочетания *rn по диалектам говорит о позднем времени его трансформации. В шугнано-язгулямской группе, напротив, имеем общую для всех языков передачу *rn через *wn* (с возможным дальнейшим стяжением w), что свидетельствует о раннем его изменении; ср. шугн. *mūǝn*, руш. *māǝn*, барт. *mōǝn*, срк. *mon*, язг. *mawǝn* "яблоко". Отражение мягкого варианта *rn [kǝrdɪ/rn] через *un* находим в язг. *minbaǝt* < *marǝya-rǝǝta- "толокно из яблок" (см. ГОЯШ §§ 87 и 143). О более раннем изменении *rn в шугнано-язгулямской группе говорит и различная судьба сочетаний *-rn и *-rǝǝn, которые в мунджанском языке дают одинаковый результат (ср. мундж. *rǝǝǝǝǝye*, *ǝǝd*. *rǝǝǝǝǝ*, *ǝǝǝǝǝ* "пятка" < *rǝǝǝǝǝ-), в то время как в шугнанской группе I r

I Для язгулямского языка не найдено примеров продолжения *-rǝǝn.

в сочетании *rēn сохранилось (*rēn > rēn), - ср. шугн. rēnāk "пятка", wīrn "баран" < *waršni-.² Это расхождение свидетельствует о том, что фонологическая трансформация *rēn в rēn и n, p в мунджанском языке произошла в условиях, когда какое бы то ни было различие между исконным *rēn и [rēn] из *rēn было уже стерто. В шугнанской группе, напротив, трансформация *rēn произошла рано, при условиях, когда *rēn еще продолжало так или иначе отличаться от *rēn, - по всей вероятности, еще в период шугнано-язгулямской общности.³

§ 42. Для мунджанского l < *a вполне вероятен промежуточный этап δ. Изменению δ в l могло способствовать воздействие афганского языка, возможно не без собственных фонетических предпосылок. Ср. переход δ в l как живой (?) или недавний фонетический процесс в ваханском языке, где в положении перед глухим согласным δ дает результат ʃ или ɭ (глухое): вах. rēδ "беги", но rēδt или rēɭt "бежит". Здесь изменение оглушенного δ в ɭ обеспечивало размежевание его с фонемой ʃ и, таким образом, < ɭ > первоначально имело значение глухого варианта фонемы a/δ. Не поддержанные соответствующим языковым окружением, подобные переходы

² Полное фонетическое соответствие шугн. wīrn, руш. wīrn дает мундж. wīnǵ. Ид. wīn, но со значением "сурок".

³ Возможно, что полная утрата *š перед m и n - явление не очень раннее. Ср. шугн. oēm "глаза" при руш. cām, где в варианте oēm можно усматривать воздействие мягкого < š > (может быть, через этап caīm). Рушанское cām предполагает или простую заместительную долготу, или возникновение cā¹m уже после стяжения дифтонга *ai в ē, которое в рушанском языке произошло раньше, чем в других языках группы (ГОЯШ § 109).

δ в l в ваханском остались единичными.

Возможность аналогичного возникновения l из *a (δ) в прошлом не исключена и для мунджанского языка.^I Во всяком случае окончательная унификация *a по типу l в мунджанском языке относится к позднему времени. Ср. живые колебания между a и l в составе интервокального dr: мыдгāṭe и мылгāṭe "жемчужина". Ср. также случаи не унификации, а размежевания a/δ/l в фонемы a и l в условиях диссимилиации: dāl- вместо lāl- "давать" < *dad-.

§ 43. Мунджанское w < [b] < *p на месте ʃ шугнано-язгулямской группы (ср. мундж. nāwes, шугн. nībōw "внук") - тоже позднее явление. Это видно как по передаче ʃ через w в заимствованных словах (например, тылw из talab- "просить"), так и по расхождению мунджанского диалекта с йидга, в котором во многих случаях вместо w фиксируется v, как например: йд. хəчо при мундж. хšāwe "ночь", йд. uovutəo при мундж. uəvutə "арча" и пр.^I Буду-

^I Неполнозвонкость для *a (как, вероятно, и для других звонких) восстанавливается даже в положении перед сонантами. Ср. одиновое отражение *dr и *tr через глухое c в шугнано-язгулямской группе; ср. также перебои *av и *tv в шугн. divūsk, руш. divāsk, барт. t(u)fāvsk, срк. tyfysk, ишк. vuxə, вах. fuks "змея".

^I Однако начало изменения ʃ в w следует отнести к общемунджанскому периоду, поскольку в положении перед согласным ʃ имеет обычно общее для обоих диалектов отражение через w: мундж. уōwṭe, йд. уauṭe "вода", мундж. rēwəe, rūse, йд. rūso "лиса" < [rauwəe < raubse < raubmēe] и пр. Здесь можно усматривать аналогию с сонантизацией δ в l в слабом для сохранения звонкости положении: без сонантизации в w [b] совпало бы с p, как это произошло в шугнано-язгулямской группе; ср. шугн. rūro < [raub(e)s] "лиса". Закономерный переход *p в v перед согласными, как например bōvde

чи поздним, w из $[b] < *p$ не разделяет судьбы исконного $*w$. Так, гласный $*a$ перед $w < [b] < *p$ не составляет какого-либо постоянного сочетания с ним, не совпадая ни с продолжением дифтонга $*au (> \bar{u})$, ни с сочетанием $*aw (> ew)$, и отражается как $*a$ перед любым согласным: $xšāwə$ "ночь", $uōwʔə$ "вода" и пр. В настоящее время перехода b в w не происходит, ср. $kəw$ "мало", $kəwōw$ "уменьшать" $< [kəmb]$ и пр.

Регулярный переход $*w$ в v во вторичных основах прошедшего времени каузативных глаголов вызван, по-видимому, выравниванием основ по одному типу по аналогии с глаголами с исходом корня на $*b/p$; ср. $wišōw : wišēvd$ "звать" ($*\sqrt{staw-}$), $nišōw : nišēvd$ "кусать" ($*\sqrt{kar-}$). Других примеров на $*w$, которое оказалось бы в позднее время в положении перед согласным, не встречено.² Иногда наблюдается переход в v позднего $w < [b]$ в этом положении, ср. варьирующее по говорам: мундж. $kəwuō$, $kəwuō$, М. $kəwuə$, Ид. $kəwio$ "голубь".³ Но в словах $uōwʔə$ "вода" или $əwə$ "озеро", напротив, имеем тенденцию к дифтонгизации сочетаний bw и ew ($< uōwʔə >$, $< əwə >$). Таким образом, о дальнейшей судьбе современного w

"семь", $šmvdə$ "плечо" и пр., относится к очень раннему периоду, далеко выходящему за пределы истории мунджанского языка, и составляет общую черту как с шугнано-язгулямской группой, так и с другими восточноиранскими языками.

² В 3 л. ед.ч. наст.вр. имеем ту же аналогию с корнями на $*b/p$: $wišēvd$ "зовет", $nišēvd$ "кусает".

³ Ср. также в слове неясной этимологии $nišēwʔə$ "черная" при $nišēw$ "черный".

($< *w$ и $< *p$) в положении перед согласным по имеющимся материалам судить пока трудно.

Но во всяком случае позднее происхождение как мунджанского $w < [b] < *p$, так и мунджанского $v < *w$ сомнений не вызывает.

В заключение следует отметить, что вся мунджанская фонетика в целом заслуживает в дальнейшем самого детального исследования, поскольку в ней в ряде случаев представлены как живые или как недавно протекавшие те фонетические процессы, завершение которых мы привыкли относить к самой глубокой древности (например, в вокализме — живое или недавнее функционирование сонантов u , w , n , m в слабой степени). В консонантизме значительный интерес представляет функционирование мягких и твердых вариантных рядов согласных в процессе их фонологического размежевания.

ГЛАГОЛ

Мунджанский глагол строится на той же основе, что и глагол шугнано-язгулямской группы: настоящее-будущее время - прошедшее время - перфект. Каждый из этих разделов имеет как сходства, так и различия с шугнано-язгулямской группой, которые рассматриваются ниже.

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ И ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

§ 44. Настояще-будущее и прошедшее время имеют ту же структуру, то же значение и употребление, что и в шугнано-язгулямской группе. В прошедшем времени различаются переходные и непереходные глаголы с соответственно косвенной и прямой конструкцией фразы. Совпадают и морфологические элементы при образовании как настоящего, так и прошедшего времени. Ср. парадигму глаг. "слушать":

Мундж. Шугн.-язг. (руманский вариант)

Настояще-будущее время

1. nyṭuym	nyṭuam	niṭuym	niṭuam
2. nyṭuuy	nyṭuaf	niṭuyi	niṭuyaf, niṭuyat
3. niṭuyd	nyṭuāt	niṭuyt	niṭuyan

Прошедшее время

1. nyṭuskym	nyṭuskām	niṭuxt-um	niṭuxt-am
2. nyṭuskrt	nyṭuskāf	niṭuxt-at	niṭuxt-af
3. nyṭusk	nyṭuskāt	niṭuxt	niṭuxt-an

Совпадение здесь полное,^I но в глаголах с корневым *a оно может быть еще более наглядным при i-умлаутной перегласовке в 3 л. ед.ч. наст.вр., характерной как для мунджанского языка, так и для шугнанской группы. Ср. мундж. dālym "даю", dālt "дает" и руш. dādym "даю", dāda "дает".

Однако в мунджанском языке не все глаголы спрягаются подобным образом. В настояще-будущем времени в мунджанском языке различаются два окончания в 3 л. ед.ч.: для одних глаголов -t, для других -ī. Ср. мундж. dālt "дает", но mṭrī "умирает" при шугн. dīt и mīrt.

Это расхождение является основным между сравниваемыми языками, и необходимо определить, насколько оно существенно в историческом плане.

СПРЯЖЕНИЕ НА -i И НА -ī В МУНДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 45. Окончания -t и -ī нельзя считать лишь реликтовым продолжением различавшихся древних основ на *-(a)ya+ti > -ī и на *-a+ti > -t (с редукцией и падением *a).¹ Они имеют определенный грамматический смысл в мунджанском языке и в настоящее время, а

^I Мундж. -āt и руш. -an в 3 л. мн.ч. < *-anti.

^I Ср. IIFL II 147.

именно: окончание -t характеризует переходные глаголы, окончание -I - непереходные. Помимо окончаний -t и -I, переходные и непереходные глаголы могут различаться также и другими противоположащими их признаками; т.е. в мунджанском языке мы встречаемся с развитым морфологическим разграничением переходных и непереходных глаголов в формах настоящего-будущего времени, чего нет ни в одном из других памирских языков.²

СПРЯЖЕНИЕ I И II

§ 46. Переходные глаголы с объединяющим их окончанием -t неоднородны в своем составе и могут быть разделены на несколько групп. Среди этих групп выделяется класс каузативных глаголов (с унаследованной сильной огласовкой) со своим особым, вполне сложившимся, спряжением (спряжение I).

Спряжению I противостоит спряжение II, характеризующее непереходные глаголы. Отличительные признаки обеих групп глаголов (или отличительные признаки спряжений I и II) следующие.

С п р я ж е н и е I

1. Сильная огласовка основы настоящего времени.
2. Окончание -t в 3 л. ед. ч. наст. вр.
3. Основа прошедшего времени вторична с переносом на нее сильной огласовки.

С п р я ж е н и е II

- Слабая или средняя огласовка основы настоящего времени.
- Окончание -I в 3 л. ед. ч. наст. вр.
- Основа прошедшего времени продолжает старое причастие или образуется суф. -Iy, -by.

² Поздние суффиксальные образования (каузативы) здесь в расчет не принимаются.

4. Огласовка основ представлена в чередовании $\bar{o} : \bar{e}$, из которых гласный $\bar{o}$ характеризует все лица настоящего времени за исключением 3 л. ед. ч., а гласный $\bar{e}$ является признаком 3 л. ед. ч. наст. вр. и основы прошедшего времени.

Гласная основ не имеет переогласовки.

5. 3 л. ед. ч. прош. вр. образуется с окончанием -e, которое отличает его от 3 л. ед. ч. наст. вр.

3 л. ед. ч. прош. вр. не имеет окончания, т.е. равно основе прошедшего времени.

6. Повелительное наклонение (2 л. ед. ч.) не имеет окончания, т.е. равно основе настоящего времени.

Повелительное наклонение образуется с окончанием -b.

7. Окончания I и 2 лл. ед. ч. прош. вр. -am и -ay.

Окончания I и 2 лл. ед. ч. прош. вр. -am и -ay.

§ 47. Парадигмы спряжений I и II глг. "показывать", "возвращаться".

Спряжение II не так четко морфологизовано, как спряжение I, и допускает некоторые отклонения, например в пп. 4-5. Эти отклонения будут рассмотрены ниже, в качестве же образца приводится один из типичных для спряжения II глаголов.

Спряжение I

Наст. вр.		Прош. вр.	
1. nyjōšm	nyjōšām	nyjēštym	nyjēštām
2. nyjōšny	nyjōšāf	nyjēštnt	nyjēštāf
3. nyjēšt	nyjōšāt	nyjēšte	nyjēštāt
Повел. накл. nyjōš.			

Спряжение II

1. ɕyɣyɣm	ɕyɣyɣm̄	ɕyɣyɣdām	ɕyɣyɣdām
2. ɕyɣyɣy	ɕyɣyɣwāf	ɕyɣyɣdāy	ɕyɣyɣdāf
3. ɕyɣyɣī	ɕyɣyɣwāt	ɕyɣyɣd	ɕyɣyɣdāt

Повел. накл. ɕyɣyɣō.

§ 48. Глаголы спряжения I продолжают старые основы с сильной огласовкой + суф. -ауа или -а (ав. tārauatī или ā-tāra¹te "нагревает", "греет"), которые уже в древних языках были связаны со значением переходности.

Что касается спряжения II, то такие глаголы, как mātī "умирает" (ав. основа mīrua-), ryūī "гниет" (ав. основа ruua-), znyūī "рожает" (ав. основа zaŋa-), показывают, что оно восходит к основам на -уа с закономерным переходом *-yati > [yayī] > ī. Древние основы на -уа требовали слабой (реже средней) огласовки корня и по преимуществу имели непереходное значение.

§ 49. Мунджанский язык продолжил и значительно развил намечавшееся в древних языках использование этих двух типов основ для различения переходности-непереходности, сформировав на их базе два спряжения, - переходное и непереходное. Основными противопоставляемыми признаками возникших спряжений остались при этом те же самые прежние унаследованные признаки, лишь несколько видоизмененные. А именно: а) соответствующая ступень огласовки корня с присущими каждой ступени фонетическими особенностями и б) исход основы, трансформировавшийся в различие окончаний (*-aŋati, *-ati, с унификацией по типу *-ati и с редукцией -а- [-(-ə)ti], дало окончание -t; *-yati, с переходом t в интервокальном положении в y, дало стяжение в -ī). Остальные признаки - вторичного порядка и вытекают из первых двух определяющих признаков. Так, от-

сутствие перегласовки в 3 л. ед.ч. наст.вр. в спряжении II (например, vŋemī "стоит") связано с позицией а в открытом слоге (фактически со снятием положения i-умлаута при наличии -ī). Развитие окончания -ə в 3 л. ед.ч. прош. вр. вызвано фонетическим совпадением основы прошедшего времени с формой 3 л. ед.ч. наст.вр., что характерно для спряжения I. Отсутствие или наличие окончания -ō в повелительном наклонении, по-видимому, было связано первоначально с характером огласовки (см. сноску I к § 71). Являясь вторичными и добавочными, эти признаки допускают некоторые перебои и отклонения, главным образом в спряжении II.

Особняком стоит различие окончаний I и 2 лл. прош.вр. I и II спряжений. Этот различительный признак не имеет связи с рассмотренным становлением спряжений I и II и является результатом другого процесса, протекавшего в мунджанском языке (§§ 76-92).

Спряжение I

§ 50. Спряжение I имеет только одну огласовку - *ā. Эта однородность и постоянство огласовки определили устойчивость и постоянство его форм: спряжение I почти не знает отклонений и исключений. Лишь глаголы с исходом корня на -n сохранили старую основу прошедшего времени, не заменив ее сильной. Ср.: lnyōn : lnyəu (вместо lnyōn : lnyēnt) "веять", ryšōn : ryšəu "сыпать", "лить", ŋyšōn : ŋyšəu "трясти", wūšōn : wūšəu "сбивать масло". Неправильную прошедшую основу имеет также глаг. p(ы)gōw : rygnyu "находить". Соответственно этому данные глаголы не имеют окончания -ə в 3 л. ед.ч. прош.вр.; ср., например: lnyōnym "вею", lnyēnt "веет", lnyəu "веял".

Помимо унаследованных глаголов с сильной огласовкой, в спряжение I вошли все поздние суффиксальные переходные глаголы, в которых чередование ɔ : ē обеспечивается уже не корневой глас-

§ 51. Частично уподобляются спряжению I переходные глаголы со средней *а-оглаской, где *а, находившееся в положении перед двумя согласными, закономерно дало *ō* (§ 21). Получив сильную огласовку, эти глаголы вполне совпали в настоящем времени с глаголами спряжения I, но в прошедшем времени сохранили старую основу. Ср.: *vōnān* "запрягаю", *vēnd* "запрягает", но *vōst* "запрягал". Сюда относятся глаголы: *trōnġ* : *tyrēd* "связывать", *bōxā* : *bōd* "делить" и, с отклонением в прошедшей основе, *ākōmb* : *ākābū* "поднимать" (§ 59).

I Т.е. унаследованных, или глаголов полного включения в спряжение I, в том числе раннего заимствования.

70

и пр. Таким образом, глаголы с основой на -ну характеризуются окончанием -э в 3 л. ед.ч. прош.вр.

В префиксальных глаголах этого типа слабая огласовка основы настоящего времени отпала, а роль корневой гласной перешла на гласную префикса: ғытм- "являться", "становиться".² Сюда же относится глг. ғытх : ғытхіу "испражняться", где редуцировалось внутрикорневое *і (*√гik), чему, судя по основе прошедшего времени, предшествовала его перестановка в исход основы [ғытхі-].

Тот же результат, т.е. основу настоящего времени на согласный, дают глаголы с исходом корня на *ā/э: ыўск "вставать" *√stā/э; (ср. ав. основу hišta-). Но подобные глаголы имели сильную ступень огласовки в причастии (ав. stāta-), что закономерно дало в мунджанском основу прошедшего времени на -ōу: ыўск : ыўскōу "вставать" (ср. также ыўст : ыўстōу "ставить", ыўзн : ыўзнōу "мыть", - § 57).

Слабая огласовка внутри корня (а для г в любом положении) дала правильный тип глаголов: ыўтм : ыўтмvd "возвращаться", ыўт : ыўт "драться", ыўт : ыўт "умирать" (с поздней трансформацией тt в г в прошедшей основе).

В результате слабая сонантная огласовка дала следующие типы основ: а) рму : ріу; б) ғытх : ғытхіу; в) ыўск : ыўскōу; г) ыўт : ыўт. С современной точки зрения здесь мы имеем два типа основ настоящего времени: основы на -ну и основы на согласный - и три типа основ прошедшего времени: основы на -іу, основы на -ōу и основы на -t.

§ 55. *а-огласовка дает единый тип основ настоящего времени, т.е. основы на согласный с э/ā-огласовкой: кәф- "лопаться", пәв- "дождить", гәв- "лать", вгәт- "стоять", Зар. wurafs- "ле-

тать" и пр. Но в основах прошедшего времени в положении перед двумя согласными *а- имеет два закономерных фонетических продолжения: ǫ и і; ср. кәф : кǫft "лопаться" и при і-умлаутной перегласовке - гәв : гǫvd "лать". Оба эти результата чужды спряжению II как по несвойственной ему сильной гласной (ǫ) в первом случае, так и по несвойственной ему перегласовке (э : і) во втором случае.

Действительно, подобные основы прошедшего времени составляют для спряжения II исключение. В большинстве случаев произошло их выравнивание по рассмотренным выше типам прошедших основ слабой огласовки на -ōу или -іу. Ср.: Зар. wurafs:wurafsoy "летать", wәrv : wәrvōу "кипеть", sәn : sәnōу "подниматься", кәхт : кәхтōу "тошнить", гәвз : гәвзōу "дрожать", пәт : пәтōу "нагибаться", заимств. ындәw : ындәwōу "бежать", хәд : хәдіу "смеяться", fхat : fхatіу "соглашаться", гәс : гәсіу "достигать", заимств. ырәт : ырәтіу "прыгать". Как можно видеть, исходы основ на -іу, -ōу превратились здесь в суффиксы, образующие основы прошедшего времени для глаголов с *а-огласовкой. Подобные новообразования основ прошедшего времени характеризуют только непереходные глаголы спряжения II, составляя специальный их признак.

§ 56. Функциональное противопоставление современных э(ā) и ǫ, продолжающих *а, особенно четко выражено в основах настоящего времени в положении перед двумя согласными. Находясь в тождественном фонетическом положении, *а давало здесь разные результаты для переходных и непереходных глаголов: переходные глаголы получали ǫ-огласовку, т.е. примету переходных глаголов спряжения I, а непереходные глаголы - огласовку э(ā), противостоя воздействию фонетических условий. Ср. непереходные глаголы: Зар. wurafsem "лечу", хәдыт (< хәндыт) "смеюсь", гәвзыт "дрожу", кәхыт "меня тошнит"; переходные глаголы: vōндыт "запрыгаю", trōнйыт "связы-

² *√maу/mi (§ 13, п.6).

ваю", $\bar{b}\bar{o}\bar{x}\bar{y}\bar{m}$ "делю", $\bar{z}k\bar{o}\bar{m}\bar{y}\bar{m}$ "поднимаю". Проникновение $\bar{o}$ в основу настоящего времени непереходных глаголов возможно, по-видимому, лишь в самое позднее время и только в 3 л. ед.ч., которое исключает возможность совпадения с каузативными глаголами как из-за отсутствия i-умлаутной перегласовки ($\bar{o}$ вместо $\bar{e}$ каузативных глаголов), так и из-за окончания $-i$ (при $-t$ каузативных глаголов). Засвидетельствовано всего два таких случая: $x\bar{o}nd\bar{i}$ "смеется" при $x\bar{e}d\bar{y}m$ "смеюсь"; Зап. $g\bar{a}rd\bar{i}$ "превращается" при $g\bar{e}rd\bar{e}m$ "превращаюсь"^I (ср. соответствующую модель каузативной огласовки: $v\bar{e}nd$ "запрягает" и $v\bar{o}nd\bar{y}m$ "запрягаю").

Следует упомянуть также о случаях выравнивания "а-огласовки" в основах настоящего времени по типу слабой: $dnf-$ "загораться" ($\sqrt{tap}$), $rxnf-$ "уствовать" ($\sqrt{x^v ap}$); судя по основе прошедшего времени - также $wnrv :$ $wnrv\bar{o}$ "кипеть"; ср. также дублетные формы: $res-/rns-$ "достигать", $revz-/rvnz-$ "дрожать", $nem-/nym-$ "нагибаться".

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СПРЯЖЕНИЙ I и II

§ 57. Как можно видеть, внутри спряжения II протекал активный процесс, направленный на выравнивание составляющих его разнородных глаголов по определенной модели, в основе которой лежали формы со слабой огласовкой. Однако спряжение II нельзя считать вполне сформировавшимся. И не по причине сохранившейся в нем формальной разнотипности. Дело в том, что спряжение II не преодолело до конца прежнюю залоговую нерасчлененность основ на $-ya$, допуская, хотя и в ограниченном количестве, как глаголы,

^I В центральном говоре для этого глагола засвидетельствовано только 3 л. ед.ч.: $g\bar{o}rd\bar{i}$ "превращается".

нейтральные к переходности-непереходности, так и глаголы постоянного переходного значения. К первым относятся глаголы, которые могут иметь при себе прямое дополнение, но могут употребляться также и безотносительно к объекту действия: $znu\bar{i}$ "рожает", $nywy\bar{z}i$ "пишет", $w\bar{e}r\bar{i}$ "натягивает основу (при тканье)", $kik\bar{i}$ "бьет", "юлотит" и др.

Среди глаголов постоянного переходного значения выделяется глагол $tyryf :$ $tyryft$, 3 л. ед.ч. наст.вр. $tyryf\bar{i}$ "красть", который непосредственно продолжает древнюю основу на $-ya$ (ав.основа $tr\bar{e}fya-$), сохраняя окончание $-i$, очевидно, просто по традиции. Остальные переходные глаголы делятся на две группы по своим фонетическим свойствам, благодаря которым они и получили окончание $-i$.

1. Глаголы, продолжающие старую основу с инф. $-n-$ (с поздним его падением): $\bar{o}nd\bar{i}$ "надевает", $xnd\bar{i}$ "скребет", $zkn\bar{i}$ "срежает", $omy\bar{i}$ "щиплет", $lyb\bar{i}$ "тербит (шерсть)", $vzyb\bar{i}$ "сжимает". Инф. $-n-$ придавал глаголу переходное значение (§§ II0-II4), и наличие формального признака переходности позволяло использовать здесь окончание $-i$, а не $-t$, что вызывалось фонетическими причинами, - стечением смычных согласных в исходе основы [$a\bar{y}ndt$], которое вело к отпадению окончания $-t$ (ср. язг. $ne\bar{f}and$ "надевает" с падением $-t$).

2. Глаголы с исходом корня на $*\bar{a}/\bar{e}$, где $-t$ в окончании $*-ti$, попадая в интервокальное положение, через этап [$-eui$], давало стяжение в i : $w\bar{u}st\bar{i}$ "ставит", ($\sqrt{sta-}$), $w\bar{u}zn\bar{i}$ "моет" ($\sqrt{zna-}$). Выравниванию этих глаголов по t -окончанию препятствовало, как и в предыдущем случае, стечение согласных в исходе основы ($w\bar{u}znt$, $w\bar{u}stt$). Впрочем, в йидге последний глагол идет все же по t -спряжению за счет падения окончания: Йд. $wast$ "ставит" (IIFL II 148 § 228).

Основы прошедшего времени перечисленных глаголов те же самые, что и у непереходных, с исходом на -īy, -ōy, -t: зыу : zīy "рожать", wūst : wūstōy "ставить", ɔ̄ynā : ɔ̄ynst "надевать", cыb : ɔybā "щипать". Имея все признаки спряжения II, эти глаголы существенно отклоняются в одном пункте: как и все переходные глаголы, они имеют в I и 2 лл. ед.ч. прош.вр. окончания -ым и -yt вместо -ām и -āy непереходных глаголов: ɔ̄ynstym "я надел", ɔ̄ynstyt "ты надел". Можно было бы предположить, что это их частичное формальное противоположение непереходным глаголам будет способствовать в дальнейшем полному их выключению из спряжения II с переходом на t-окончание (ср., например, йд. wast "ставит" при мундж. wūstī).

Однако дело усложняется тем, что некоторые непереходные глаголы спряжения II тоже имеют окончания -ым и -yt вместо -ām и -āy для I и 2 лл. ед.ч. прош.вр. Эти глаголы следующие (приводится форма 2 л.): "смеяться" (xədlunt), "плакать" (xšlunt), "кашлять" (xiftyt), "тошнить" (kəxmōunt), "соглашаться" (fxatīunt), "лаять" (rīvdnt), "испражняться" (fyrxīunt). Возникает довольно сложная и противоречивая картина: в настоящем времени переходные глаголы в некоторых случаях обладают признаком непереходных глаголов (окончание -ī), а в прошедшем времени, напротив, непереходные глаголы в некоторых случаях обладают признаком переходных глаголов (окончания -ым, -yt).

Каковы же дальнейшие тенденции в языке и направлены ли они к завершению формирования спряжения II с окончательным размежеванием переходных и непереходных глаголов?

§ 58. Наблюдаемые факты говорят о том, что дальнейшего развития спряжения II в мунджанском языке не происходит. Напротив, в ряде случаев обнаруживаются явные признаки начавшегося его разрушения, а вместе с тем и признаки нейтрализации спряжений II и I.

Так, мы находим случаи позднего распространения окончания -ī на переходные глаголы, что особенно характерно для диалекта йидга, где этот процесс носит, по-видимому, массовый характер, охватывая даже каузативные глаголы. Ср. йд. хоѣ "тащит" (мундж. xīšk), йд. šuvē "сосет" (мундж. šūvd); каузативные: йд. avāzē "приносит" (мундж. āvēzd), йд. drēī "бросает" (мундж. drēt). В мунджанском языке случаи позднего распространения -ī на переходные глаголы очень редки: wūškijī "ищет", где появление -ī продиктовано падением окончания -t при стечении согласных; другой случай для центрального говора отмечен в позднем заимствовании bykānī "копает" при Зар. kēd в верхнем говоре. При сильной огласовке основы переход на ī-окончание в мунджанском пока еще, по-видимому, вовсе невозможен: ср. trēnj "связывает" при wūškijī "ищет" в тождественных фонетических условиях и в одном и том же (центральном) говоре.

Но зато в мунджанском языке, - во всяком случае в центральном говоре, - обычным является позднее распространение окончания -t на непереходные глаголы с основами на -y, которые все могут иметь параллельные формы с -t: tyūī, tyūt, tīt "входит", xšyūt, xšī, xšyūt "плачет", ryūī, ryūt "гниет" и пр. Окончание -t играет здесь роль фонетической поддержки для склонного к стяжению сочетания yū > ī. В верхнем говоре (Зар.) таких параллельных форм не засвидетельствовано, но возможно, что большая устойчивость в нем форм с -ī объясняется 50-летней разницей во времени записи фактов. Отдельные случаи позднего -t при непереходных глаголах отмечены и для этого говора: центральный говор byrīt, верхний говор Зар. bērd "прыгает".

§ 59. Отмечаются случаи позднего распространения суффиксов прошедших основ спряжения II -īy и -ōy на переходные глаголы, т.е. случаи позднего образования основ прошедшего времени у пе-

реходных глаголов по типу непереходных. Ср.: *škōmb* : *škabīy* "поднимать", вероятно также *xizdōy* "посылать"; в заимствованиях: *tylōw* : *tylwīy* "просить"; *bykān* : *bykānōy* "копать" (но в верхнем говоре Зар. *kan* : *kēd*). Вообще, по-видимому, в поздних заимствованиях прошедшая основа оформляется на *-īy/-ōy* уже независимо от переходности или непереходности глагола. В йидга распространение суф. *-īy* и *-ōy* на переходные глаголы, как и в случае с окончанием *-ī*, приобрело массовый характер. Ср.: йд. *baχē* : *baχēī/baχd* "наделять" при мундж. *bōχē* : *bōχd*; йд. *trāž* : *trāžī/trāžd* "связывать" при мундж. *trōnj* : *trōjd*; йд. *vēzb* : *vēzbī* "снимать" при мундж. *vzyb* : *vzybī*; йд. *ceb* : *cebāi* "щипать" при мундж. *cnb* : *cnbt*; йд. *lib* : *libāi* "теребить шерсть" при мундж. *lyb* : *lybt* и пр.

§ 60. Окончание *-ə* 3 л. ед.ч. прош. вр., свойственное в спряжении II лишь прошедшим основам на *-īy* (§ 54), начинает распространяться и на прочие типы основ: *myre*, йд. *mer/muro* "умер"; *kōfte* "треснул". В глаголах *rīvdə* "лаял", *nīvdə* "шел дождь", *xīfte* "кашлял", *vrīmdə* "стоял" окончание *-ə* было важно до перехода этих глаголов на I-спряжение (восстанавливаемое [*vrīmd*] "стоит" и пр. ср. с §§ 72-73). Возможно, что эти глаголы представляют наиболее поздний слой перешедших в спряжение II глаголов, когда уже не происходило полного уподобления его формам.

Неполное уподобление поздних для данного спряжения глаголов хорошо видно в спряжении I, которое тоже, при начавшейся нейтрализации со спряжением II, стало допускать несвойственные ему формы. Вследствие в спряжение I переходные глаголы с поздней сильной огласовкой типа *vōnd-*, *trōnj-* уже не получают полного каузативного оформления, сохраняя в прошедшем времени старую основу: *trōnjym* "связываю", *trōnj* "связывает", но *tytrōjd* "связывал" (§ 51).

§ 61. Спряжение I в отдельных случаях стало допускать окончание *-ō* в повелительном наклонении: *vzōn/vzōnō* "знай"; ср. также йд. *sova* (IIFL II 193) при мундж. *sōw* "натирай".

§ 62. В йидга, кроме того, полностью устранено различие в окончаниях переходных и непереходных глаголов I и 2 л. ед.ч. прош.вр. Здесь окончания *-(ы)ш* и *-(ы)t* стали окончаниями I и 2 л. прош. вр. для любых глаголов, а окончания *-ām* и *-āy* были утрачены. Ср. йд. *šūyem* "я пошел", *šūyt* "ты пошел" и *vedem* "я принес", *vedet* "ты принес" при мундж. *šyūām*, *šyūāy* и *vydym*, *vydyt*.

Таким образом, для диалекта йидга вообще едва ли можно в настоящее время говорить о противополжности двух спряжений: их нейтрализация зашла здесь уже очень далеко.

В итоге мы должны констатировать несостоятельность спряжения II, которое, не успев окончательно сформироваться, подверглось разрушению, а вместе с тем и несостоятельность противополжности переходности-непереходности в пределах спряжений I и II. Между тем мы видели, что формирование спряжения II, не говоря уже о спряжении I, прошло длительный путь и было близко к завершению. Очевидно, дальнейшему движению в этом направлении воспрепятствовали весьма существенные причины.

ПРИЧИНЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СПРЯЖЕНИЙ I И II

Помимо упоминавшихся причин второстепенного характера,^I

^I Ср. фонетические совпадения окончания в *myrī* "умирает" и *wūznī* "моет" (§ 57), перекрещивание с другими способами выражения переходности (инф. *-n-*). Ср. также совпадение окончаний

здесь выявляются два основных фактора: 1) несоответствие трех ступеней огласовки двум формировавшимся спряжениям или, - что то же самое, - несоответствие трех ступеней огласовки двум развивавшимся грамматическим значениям, - переходности и непереходности; 2) независимое, автономное развитие личных глагольных форм в прошедшем времени.

Три ступени огласовки при двух спряжениях
в настоящем времени

§ 63. При формировании двух спряжений, использовавших сильную и слабую огласовки, средняя ступень огласовки оказывалась как бы излишней, не находившей себе места в развивавшемся двучленном противоположении.

Между тем средняя огласовка была весьма распространена в древних языках. В отношении переходности-непереходности она была нейтральной и к тому же чаще всего сочеталась в основах с суф. -а, тоже нейтральным в залоговом отношении (ср. обычные для Авесты *baṇa-* "нести", *taḍa-* "течь").

Очевидно, что глаголы со средней огласовкой должны были как-то адаптироваться с глаголами спряжений I и II, распределившись между ними в соответствии со своим значением: переходные - войти в спряжение I, непереходные - в спряжение II. В отношении непереходных глаголов это, как мы видели, в значительной мере

обоих спряжений во всех лицах настоящего времени, кроме 3 л. ед. ч., в большинстве своем закономерное: $[myrue(ə)m] >$ в стяжении $[myrim] >$ *myrim*; в окончании -у совпало продолжение как *-ahī, так и *-yahī; в 3 л. мн.ч. стяжению в 1 могла воспрепятствовать заменительная долгота: $[myryēāt] >$ $[myr(i)āt] >$ *myrāt*.

осуществилось: в подавляющем большинстве они перешли в спряжение II, получив окончание -ī и другие его признаки.

§ 64. Массовое распространение средней огласовки на спряжение II означало морфологическое ее отождествление со слабой огласовкой. Обе огласовки объединились в спряжении II в одном значении, в общем их противоположении сильной огласовке спряжения I. Создавалось, таким образом, требуемое новой схемой двучленное, а не трехчленное противопоставление: сильная огласовка - несильная огласовка.

Однако для того, чтобы подобная трансформация действительно осуществилась, требовалось устранение средней огласовки в переходных глаголах: унаследованные переходные глаголы со средней огласовкой (например, *āvēhym* "приношу") должны были включиться в спряжение I. Но такого включения не произошло, и едва ли оно могло произойти. Если для глаголов непереходного значения выравнивание по I-окончанию уже означало их включение в спряжение II, то выравнивание по t-окончанию не могло дать аналогичного результата для переходных глаголов. Получив t-окончание, они тем не менее оставались за пределами спряжения I, поскольку для последнего, помимо t-окончания, определяющим признаком была именно сильная, противопоставленная средней, огласовка.

Но раз сохранялись переходные глаголы со средней огласовкой, то тем самым средняя огласовка не могла стать признаком непереходности, и ее функциональное отождествление со слабой огласовкой в спряжении II не только не привело к возникновению нового двучленного противоположения, но и нейтрализовало значение непереходности у слабой огласовки: если *myrim* "умираю" не противопоставляется по огласовке *utēhym* "стою", то тем самым не противопоставляется и *āvēhym* "приношу". К тому же слабая огласовка и сама по себе допускала переходные значения (§ 57). Все это не

могло не способствовать сохранению (и развитию) переходных глаголов с окончанием -t также и со слабой огласовкой.

С другой стороны, сохранение переходных глаголов со средней огласовкой нейтрализовало также значение переходности у сильной огласовки: если lōtym "имею" не противопоставляется āvetym "приношу", то оно не противопоставляется и vtēym "стою".

Следовательно, ступень огласовки не смогла в конечном счете стать самостоятельным признаком переходности-непереходности. Вместо требуемого противопоставления сильная - несильная огласовка протекавший процесс снова привел к достаточно противоречивой схеме: сильная огласовка - только для переходных глаголов, но средняя и слабая в принципе - для любых (хотя и с явными ограничениями).

В результате мы встречаемся в мунджанском языке с промежуточными глагольными группами со средней или слабой огласовкой и с t-окончанием, которые собственно и свидетельствуют о несостоятельности спряжений I и II. Каждая из этих групп обладает своими особыми, связанными с ее огласовкой, свойствами.

Промежуточные группы переходных глаголов

1. Глаголы со средней огласовкой

Переходные глаголы со средней огласовкой делятся на два типа в зависимости от фонетического состава корня: один тип составляют корни с сонантами *u и *w (тип: *SAIP, *SAUP), второй тип - корни с *a-огласовкой (тип: *SAP, *SAN, *SAR).

а. Глаголы с сонантной огласовкой

§ 65. Глаголы этого типа имеют в настоящем времени огласовку ī и ū, не меняющуюся по лицам, т.е. в отличие от спряжения I эти глаголы не знают перегласовки для 3 л. ед.ч. Прошедшая осно-

ва этих глаголов продолжает старое причастие и, следовательно, в отличие от спряжения I имеет слабую огласовку. В соответствии с этим 3 л. ед.ч. в прошедшем времени не имеет окончания -ə. Повелительное наклонение, также в отличие от спряжения I, образуется с окончанием -ō. Ср. парадигму глаг. "просеивать", "слушать".^I

Наст.вр.

Прош.вр.

1. ɣɪwɪŋɪm, ɲɪŋɪm	ɣɪwɪŋɪm, ɲɪŋɪm
2. ɣɪwɪŋɪnu, ɲɪŋɪnu	ɣɪwɪŋɪnt, ɲɪŋɪnt
3. ɣɪwɪŋɪd, ɲɪŋɪd	ɣɪwɪŋɪd, ɲɪŋɪd
Повел. накл. ɣɪwɪŋɪō, ɲɪŋɪō.	

Как можно видеть, сонантные глаголы не имеют каких-либо специфических схождения с каузативными глаголами. Но они проявляют заметную тенденцию к сближению с ними, выравнивая в ряде случаев слабую огласовку прошедшей основы по сильной (с современной точки зрения) огласовке настоящей основы: ɣɪw : ɣɪwɪd "прять", ɲɪŋ : ɲɪŋɪd "лизать", ɣɪwɪŋ : ɣɪwɪŋɪd/ɣɪwɪŋɪd "возвращать". В этих случаях появляется и окончание -ə в 3 л. ед.ч. прош.вр.: ɣɪwɪd "прядет", но ɣɪwɪdə "пряд".

Но и эти, максимально сблизившиеся с каузативными, глаголы продолжают отличаться от них как отсутствием перегласовки корня, так и формой повелительного наклонения: ɣɪwō "пряди", ɲɪŋɪdō "лижи", ɣɪwɪŋō "верни". К этому надо добавить, что, по-видимому, сонантные глаголы со средней огласовкой не исключают и непереход-

^I Поскольку какие бы то ни было расхождения в окончаниях встречаются лишь в единственном числе, то в дальнейшем парадигма будет приводиться только для единственного числа.

ного значения, ср. *mīẓ* : *mīẓd* "двигаться", Ид. *mīz* : *mīzd* "мочиться".

6. Глаголы с *а-огласовкой

§ 66. Этот тип глаголов имеет в 3 л. ед.ч. наст.вр. *i*-умлаутную перегласовку, чем уподобляется в известной степени спряжению I. Однако чередующиеся гласные здесь иные: если для сильной огласовки мы имели чередование *ō* : *ē*, то для средней имеем чередование *ə(ā)* : *ī*. Перегласовка на *ī* к тому же мало характерна для прошедших основ. Нормально прошедшая основа продолжает старое причастие, без перегласовки на *ī*, в соответствии с чем 3 л. ед.ч. прош.вр. не имеет окончания *-ə*. Форма повелительного наклонения совпадает с повелительным наклонением каузативных глаголов, т.е. образуется без окончания *-ō*. Ср. парадигму глаг. "приносить", "убивать".

Наст.вр.	Прож. вр.
1. <i>āverīm</i> , <i>məẓīm</i>	<i>āvyrīm</i> , <i>mōšīm</i>
2. <i>āverīy</i> , <i>məẓīy</i>	<i>āvyrīt</i> , <i>mōšīt</i>
3. <i>āvīt</i> , <i>mīzd</i>	<i>āvyr</i> ¹ , <i>mōš</i>

Повел. накл.: *āver* "принеси", *dāl* "дай", *heẓ* "тащи" и пр.²

§ 67. В единичных случаях, когда основа прошедшего времени имеет *i*-умлаутную перегласовку (*heẓ* : *xīš* "тащить"), возникает как бы полное уподобление спряжению I.

¹ С поздним падением *-t*.

² Повелительное наклонение глаг. *məẓ* : *mōš* "убивать" составляет исключение, принимая окончание *-ō*: *məẓō*.

Наст.вр.	Прож.вр.
1. <i>heẓīm</i>	<i>xīšīm</i>
2. <i>heẓīy</i>	<i>xīšīt</i>
3. <i>xīš</i>	<i>xīšō</i>

Однако чередование *ə* : *ī* в отличие от чередования *ō* : *ē* едва ли несет на себе морфологическую нагрузку и является признаком переходности. Некоторые непереходные глаголы со средней огласовкой, не перешедшие в спряжение II и сохранившие *t*-окончание, имеют ту же перегласовку *ə(ā)* : *ī*, например наст.вр.: 1. *gūāīm*, 3. *gūt* "проходить" (§ 72). Засвидетельствована перегласовка на *ī* у некоторых непереходных глаголов и для основы прошедшего времени. Ср. наст.вр.: 1. *vtēmīm*, 3. *vtēmī*, основа прошедшего времени *vtīmd* - "стоять" и др. (§ 60). Таким образом, чередование *ə(ā)* : *ī* не получило явной связи с выражением переходности и представляет собой лишь сохранившийся результат *i*-умлаутного изменения **a*.¹

§ 68. Действительное сближение переходных глаголов данной группы со спряжением I наблюдается в случаях перехода **a* в *ō* или *ē* в соответствующих фонетических условиях.

Переход **a* > *ō* осуществлялся перед двумя согласными: **tranj* > *trōnj* - "связывать" с уподоблением перегласовки 3 л. ед.ч. наст.вр. спряжению I: 1. *trōnjīm*, 3. *trēnj*, но с сохранением, как уже говорилось, старой основы прошедшего времени (§ 51).

Переходу *ə* в *ē* может способствовать влияние *g* в закрытых слогах. Отсюда частичное уподобление огласовке спряжения I в

¹ Но ср. сноску I к § 70.

глагол. 1. *stərym*, 3. *stərt*, основа прошедшего времени *stāt* - "подметать".

2. Глаголы со слабой огласовкой

§ 69. Следующая промежуточная группа переходных глаголов - это глаголы с *t*-окончением и слабой огласовкой. Древние основы со слабой огласовкой и с суф. *-ya* явились, как мы видели, базой для развития непереходного *i*-спряжения. Но в сочетании с другими суффиксами, связанными со значением переходности или нейтральности (*-aya*, *-n*, *-a*), слабая огласовка использовалась и для переходных глаголов. Ср. ав. *gə^hgva^hat* "взял", "схватил", *ragəsa^hti* "спрашивает", *kəgənao^hti* "делает". Подобные глаголы сохраняют в мунджанском языке слабую огласовку, имеют в 3 л. ед.ч. наст. вр. окончание *-t* и перегласовку корня на *i*, как глаголы предыдущего типа. Основа прошедшего времени также продолжает старое причастие и также с возможной, но редкой перегласовкой на *i*. В последнем случае 3 л. ед.ч. прош.вр., как и всегда, когда оно совпадает с 3 л. ед.ч. наст.вр., получает окончание *-ə*. В результате возникает как бы полное уподобление предыдущему типу. Ср. парадигму глаголов "брать", "делать", "спрашивать".

Наст.вр.	Прош.вр.
1. <i>γmγym</i> , <i>кым</i> , <i>рыгым</i>	<i>γmγvdyt</i> , <i>кыг</i> , <i>pīstym</i>
2. <i>γmγvny</i> , <i>кыны</i> , <i>рыгны</i>	<i>γmγvdyt</i> , <i>кыг</i> , <i>pīstyt</i>
3. <i>γrīvd</i> , <i>kīnt</i> , <i>pīst</i>	<i>γmγvd</i> , <i>кыг</i> , <i>pīste</i>

Но рассматриваемая группа отличается от предыдущей, во-первых, формой повелительного наклонения, которое образуется с окончанием *-ə*: *γmγvə* "возьми", *рыгə* "спроси", *γmγvə* "шей" и

пр.¹ Во-вторых, слабая огласовка дает хотя и сходное, но все же иное чередование: *ы : i* при *ə(ā)* : *i* средней огласовки.

§ 70. Чередование *ə* : *i*, как мы видели в § 67, не приобрело явного значения признака переходности,¹ чередование же *ы : i*возникло, по-видимому, именно как признак переходных глаголов по аналогии с 1. *āvərym*, 3. *āvīt* "приносить". Во всяком случае мы имеем не редкие примеры распространения чередования *ы : i* вместе с окончанием *-t* на те переходные глаголы, у которых не было фонетических предпосылок ни для сохранения *-t*, ни для чередования *ы : i*. Ср. глаг. *vm* : *vmd* "уводить", где вероятен корень * $\sqrt{\text{pa}}\text{u}$ /*n*i (IIFL II 258): 1. *vymym*, 2. *vymy*, 3. *vīnt*, - и где функция отпавшей корневой гласной перенесена на гласный префикса (§ 54). В беспрефиксальных глаголах, у которых исход основы сохраняется в виде *-ny* и где, следовательно, окончание *-ti*, оказываясь в интервокальном положении, должно было дать *-i*, в роли согласной поддержки для *t* использовалось вставочное *γ*. Ср. 1. *žymym*, 2. *žymny*, 3. *žīrt* "шить". Это вставочное *γ* позднее могло распространиться на все лица, ср.: 1. *vγīrym*, 2. *vγīryny*, 3. *vγīrt* "ломать", что было, по-видимому, вызвано потребностью в расчленении переходного и непереходного значения данного глагола.² В результате

¹ *кып*, чаще *ыкып*, "сделай" составляет исключение. Возможно, здесь играет роль префикс, создающий двусложность слова.

² Однако некоторые свидетельства тому, что чередование *ə* : *i* тоже в какой-то мере проявляло тенденцию к морфологизации, находим в том факте, что непереходные глаголы средней огласовки, сохранившие окончание *-t*, обычно так или иначе избегают чередования *ə* : *i*. Ср., например, настоящее время 1. *nylmym*, 3. *nīlvə*, верхн. Зар. 1. *nīlmym*, 3. *nīld* "спать" (см. § 74).

² Идга сохранил здесь более ранние формы, - со вставочным

в этом случае возникло полное уподобление сонантным глаголам средней огласовки (§ 65).

В глаголах, где исход основы на -у вторичен ($y < \text{ш}$), вставочное г не встречено. Ср.: 1. ыгымыым, 2. ыгымыуу, 3. ыгымыуд "забывать": 1. кйуым, 2. кйууу, 3. кйут "свежевать тушу". Отсутствие вставочного г в ыгымыуд "жнет" (основа настоящего времени ыгыму-) может объясняться неблагоприятным стечением однотипных сонантов (ср. гипотетическое ыгырт). Возможно, что здесь мы имеем сравнительно поздний переход на t-спряжение.

Во всяком случае все переходные глаголы с исходом основы на -у так или иначе перешли на t-спряжение, причем ранние переходы сопровождались перегласовкой $y : i$, а более поздние образования основ на -у перегласовки уже не давали (ыгымыуд "забывает").

Общие замечания

§ 71. Итак, помимо каузативного класса (спряжение I), в мунджанском языке представлены еще три отличающиеся друг от друга группы переходных глаголов: глаголы со средней сонантной огласовкой (группа I, а, § 65), глаголы со средней "а-огласовкой" (группа I, б, § 66), глаголы со слабой огласовкой (группа 2, §§ 69-70). Единого морфологического типа для переходных глаголов создано не было, а генерализация по t-окончанию не могла устранить унаследованных глубоких различий, связанных с огласовкой

г только в 3 л.: Ид. 1. vгыуэм, 2. vгыуи, 3. vгырт. Может быть, в Идга не расчленены значения "ломать" и "ломаться"? Ср. формальное расхождение прошедших основ в мундж.: vгырд- "ломать", vгырK- "ломаться". Настоящее время для глаг. "ломаться" в мунджанском не засвидетельствовано.

корня.

С формальной точки зрения мы могли бы выделить четыре класса переходных глаголов, но в этом едва ли был бы какой-либо грамматический смысл, потому что, различаясь формально, эти группы никак не противостоят друг другу по значению.

Отсутствие единого морфологического типа переходных глаголов не могло не сказаться на судьбе формировавшегося класса переходных глаголов (спряжение II). Как и любая грамматическая форма, спряжение II имеет свой смысл лишь в противопоставлении другой форме. В данном же случае такой единой формы нет и спряжение II противостоит сразу четырем типам переходных глаголов, отличаясь от них по тем или иным признакам, перечисленным в § 46. При этом один и тот же признак в одних случаях противопоставляет переходные глаголы переходным, а в других не только не противопоставляет, но иногда даже их объединяет. Так, слабая огласовка не противопоставляет спряжение II переходным глаголам групп I, б и 2 (ср. гызым, гызым "достигаю" и ыгымым "беру", ыгымым "принесу"), но противопоставляет группе I, а (ср. ыгымыым "возвращаюсь", но ыгымыым "возвращаю"). Отсутствие чередования корневой гласной противопоставляет спряжение II группам I, б и 2 (чередование $e : i$ и $y : i$), но не противопоставляет группе I, а, также не знающей перегласовки. Окончание повелительного наклонения -ō противопоставляет спряжение II группе I, б (ср. vгытō "стой" при хэг"ешь"), но объединяет его с группами I, а и 2 (ыгытūō "слушай", ыгытvō "возьми").^I Окончание 3 л. ед.ч. прош.вр. -ə - вообще признак в

^I В целом окончание повелительного наклонения -ō может быть характеризовано следующим образом: а) оно не употребляется при глаголах с сильной "а-огласовкой"; б) для глаголов со слабой огласовкой окончание -ō составляет постоянный их характерный при-

значительной мере ситуационный, ставший постоянным только в спряжении I. В остальных группах он появляется спорадически при совпадении 3 л. ед.ч. наст. и прош. вр.

Таким образом, те признаки, которые перечислены в § 46 и которые достаточно четко противопоставляют спряжение II спряжению I, по большей части теряют свой грамматический смысл при его противопоставлении другим группам переходных глаголов. А это не может не привести к ослаблению их значимости и при противопоставлении спряжений II и I, а в конечном счете - и к полной их деморфологизации.

Промежуточные группы переходных глаголов

Наиболее генерализованный признак переходных глаголов, - окончание -t, противостоящее окончанию -ī, -тоже допускает исклю-

знак; в) поскольку сильная *ā-огласовка свойственна только переходным глаголам, а слабая, напротив, характеризует главным образом непереходные глаголы, то окончание -ō получило связь со значением переходности-непереходности; это хорошо видно по глаголам со средней *a-огласовкой: непереходные глаголы характеризуются здесь окончанием -ō, переходные же глаголы окончания не имеют; г) первоначально окончание -ō едва ли было связано со значением переходности-непереходности, о чем говорит регулярное его употребление при глаголах со средней сонантной огласовкой, которые почти все являются переходными. А так как слабая огласовка, с которой связано постоянное употребление -ō, - тоже свойство сонантных корней, то, по всей вероятности, сохранение окончания повелительного наклонения первоначально как-то было связано с сонантными корнями.

чения. Случаи использования окончания -ī переходными глаголами были рассмотрены в § 57. Но наблюдаются также и случаи обратные - сохранение окончания -t непереходными глаголами с *a-огласовкой.

Эти глаголы могут быть разделены на две группы: 1) глаголы, сохранившие среднюю огласовку, 2) глаголы, перешедшие на слабую огласовку.

§ 72. Первую группу составляют глаголы, где *a по тем или иным причинам дало фонему ā, а не e. Будучи более долгим и стойким, ā в дальнейшем не могло ослабнуть в y. Эти глаголы, а их всего засвидетельствовано три, не составляют особой морфологической группы и полностью совпадают с соответствующей группой переходных глаголов (§ 66), отличаясь лишь окончаниями I и 2 лл. ед.ч. прош.вр. Ср. парадигму глаг. "спускаться", "приходить", "проходить".

Наст.вр.		Прош.вр.
1. xāfəw,	āšw, gyāw	xōvdām, ōyeyām ¹ , gyāšīkām
2. xāfəw,	āšw, gyāw	xōvdāy, ōyeyāy, gyāšīkāy
3. xīst (Зар.) ²	yīst, gyīt	xōvd, ōyey, gyāšīk
Повел. накл. xāfs, ās, gyār.		

Здесь ā в глаг. xāfs- связано с положением перед двумя согласными, в глаг. ās- ā - результат положения в начале слова, gyār- - заимствованный глагол.

¹ Прошедшая основа от корня *√gam.

² В текстах Гринберга 3 л. этого глагола не встречено.

§ 73. Остальные глаголы перешли на слабую огласовку ы(ü), но в 3 л. ед.ч. наст.вр. сохранили i-умлаутную перегласовку - дол- гое и поэтому стойкое Ī. Ср. глаг. "сидеть", "падать" (возможно, оба глагола одного корня, см. IIFL II 257, tiĥ-; но ср. также § 191).

Наст.вр.	Прощ.вр.
1. niĥym, ɕiĥym	nyōstām, ɕōstām
2. niĥny, ɕiĥny	nyōstāy, ɕōstāy
3. niĥt, ɕiĥt	nyōst, ɕōst

Оба глагола имеют в настоящем времени вариант с Ī для всех лиц: niĥym, ɕiĥym и т.д. Едва ли здесь сыграла роль аналогия с 3 л. ед.ч.; скорее сказалось влияние мягких ̣ (̣) и ̣ (̣). Но главной причиной было стремление избежать возникшего чередования ы : Ī, которое является признаком переходных глаголов группы 2 (ср. 1. ȳnyym, 3. ȳtvd "брать", - § 69). Выходит, что, избегав чередования е : Ī, т.е. модели переходных глаголов группы I, ɕ (§ 66), непереходные глаголы, получив слабую огласовку, снова оказались оформленными по типу переходных глаголов с чередовани- ем ы : Ī. Но и следующий вариант с переходом на Ī во всех лицах дал опять-таки совпадение с переходными глаголами, - на этот раз с группой I, а (1. ȳnyym, 3. ȳtvd "прятать", - § 65). Стало быть, пока сохраняется Ī в 3 л. ед.ч., неизбежно возникает та или иная модель переходной огласовки.

§ 74. Вероятно поэтому в тех непереходных глаголах, где то- му способствует или, во всяком случае, не препятствует фонетиче- ское окружение, мы находим в 3 л. ед.ч. наст.вр. переход Ī в ü. В этих глаголах возникает уже специальная огласовка непереходных

глаголов, сохранивших окончание -t, - чередование ы(ü) : ü. Ср. парадигму глаг. "лежать", "бежать".

Наст.вр.	Прощ.вр.
1. nylvym ¹ , lŭrym ²	nywōstām, rūstām
2. nylvny, lŭrny	nywōstāy, rūstāy
3. nŭlvd, lŭrd	nywōst, rūst

Все глаголы этой группы в повелительном наклонении имеют окончание -ō (niĥō, ɕiĥō, nylvō, lŭrō), т.е. морфологическое сбли- жение с непереходными глаголами проходит и по этому признаку.³

Возникший специальный тип огласовки непереходных глаголов с t-окончанием (ы : ü) не мог получить дальнейшего развития хотя бы потому, что таких глаголов вообще сохранилось очень мало. Но сам факт существовавшей тенденции к созданию специальной огла- совки для непереходных глаголов с t-окончанием весьма показате- лен для протекавшего в языке активного размежевания переходных и непереходных глаголов, стремления разграничить их формально тем или иным путем. Важно здесь отметить, что признак огласовки на определенном этапе имел не меньшую противопологающую силу, чем

¹ *√rad с перестановкой согласных и падением корневой глас- ной при перенесении ее функций на гласный префикса.

² *√rad с перестановкой согласных и с переносом слабой ог- ласовки на основу прошедшего времени, вероятно через этап rēst (но не rōst). Ср. аналогичное сохранение ̣ в tyreŭd "привязал" вместо закономерного ̣; в обоих случаях можно видеть влияние г.

³ В Идга отмечена для глаг. "сидеть" также и ранняя форма, без показателя -ō (Ид. -a): Ид. niĥ; niĥa (IIFL II 153).

окончания -t и -ī.

§ 75. Засвидетельствован один глагол со слабой сонантной огласовкой - ныу : нытэг "выходить" (в настоящей основе *√ay?; см. IIRL II 231), который спрягается по типу беспрефиксальных переходных глаголов со слабой огласовкой при вставочном r (§70): 1. ныуыт, 2. ныууу, 3. нīrt.

Автономное развитие личных глагольных форм
в прошедшем времени

Становление переходных и непереходных глаголов
в прошедшем времени

§ 76. Возникновение формального противопоставления переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени не было связано с настоящее-будущим временем, составляя результат особого процесса, имевшего свои собственные особенности и закономерности. Если для форм настоящего времени были использованы те или иные классы древних основ презенса, то формы прошедшего времени возникли из именных конструкций - из сочетаний отглагольных имен (причастия на *-ta или отглагольного существительного на *-ti) со связкой или с энклитическими местоимениями.

Могут быть восстановлены три типа подобных конструкций.

I. Прямая конструкция: прямой падеж для действующего лица + причастие на *-ta + связка: [(a)za niyasta am] < *azem ni(h)-asta ahmi "я емь севший".

II. Косвенная конструкция (пассивная или нейтральная): косвенный падеж для действующего лица + причастие на *-ta или отглагольное существительное на *-ti при отсутствии указания на лицо в предикате: [мын кырт] < *manā kerta- или < *manā kerti- "у меня (мною) сделано" или "мое (с)делание".

III. Косвенная притяжательная конструкция (активная): косвенный падеж для действующего лица + отглагольное существительное на *-ti или причастие на *-ta + энклитическое местоимение: [мын кырты-м] < *manā kerti-m или < *manā kerta-m "у меня мое (с)делание" или "у меня мое (мною) сделанное".^I

Конструкция III продолжает конструкцию II, добавляя указание на действующее лицо в предикате, что переводит пассивное или нейтральное "у меня сделано" (*manā kerta-) в план активного действия: "у меня мое (с)делание" = "я сделал" [мын кырты-м]. Сама же конструкция II без указания на действующее лицо в предикате открывает прямой путь к объектному спряжению: ср. др.-перс. ima tya (средний род) manā kartam (средний род) "то, что мною сделанное".

В мунджанском языке конструкция II не сыграла заметной роли в образовании форм простого прошедшего времени, где могут быть прослежены лишь ее следы и где она сравнительно рано получила уточнение действующего лица в предикате, образовав конструкцию III.

§ 77. Результатом конструкций I и III явились в мунджанском языке два спряжения прошедшего времени: непереходное и переходное. Схематически их становление может быть очерчено следующим образом.

Конструкция I развилась из обычного номинативного именного предложения типа ав. azem ahmi... haomō ašava "я емь Хом праведный". Причастие на *-ta представляло собой отглагольное при-

^I Ср. аналогичную, весьма распространенную в современных иранских языках именную определительную конструкцию: мундж. tē pūr-nt, руш. tāuā tā ruo "у тебя твой сын = твой сын".

лагательное, т.е. было формой беззалоговой (ср. ав. *stāta*-«установившийся» = «установленный») и употреблялось в подобных предложениях наравне с именными прилагательными, независимо от того, было ли причастие образовано от переходного или непереходного глагола. Ср. ав. *beresa¹ti huḍāta ahi* «величественна и благодатна еси» или ав. *arīrō ahi, Zaxaḥiṣtra, hukeretō ahi* «прекрасен еси, Заратустра, хорошо сложен (статен) еси», где именное и причастные прилагательные функционально совершенно тождественны и где причастие лишено залогового аспекта.

Стало быть, связка, ставшая впоследствии элементом конструкции I (будущего непереходного спряжения), первоначально одинаково обслуживала причастия как от переходных, так и от непереходных глаголов, составляя общий для них источник будущих личных окончаний.

Однако подобное безразличное сочетание связки с любым причастием было возможно лишь до тех пор, пока причастие выступало, как в вышеприведенных примерах, в роли прилагательного. Но с переносом на причастие значения финитного глагола и с превращением его в дальнейшем в основу прошедшего времени оно уже не могло существовать вне залога: фраза [*aza(m) ʔrēvda am*] с финитным значением причастия должна была означать или «я взял» < «я взятый есмь», или «я взял» < «я взявший есмь». Иными словами, причастие на *-ta переходных глаголов в роли основы прошедшего времени вместо прежней залоговой нейтральности приобретало в конструкции I двойное значение: активности (переходности) и пассивности. Требовалось формальное разграничение этих значений, что не могло быть достигнуто в рамках конструкции I. Поэтому она оказалась мало пригодной для переходных глаголов.

Действительно, переходные глаголы были выключены в мунджанском языке из конструкции I и для них была использована конструк-

ция II, т.е. конструкция с косвенным падежом для действующего лица, что и обеспечивало активность последнего: [*mya(a) ʔyṭyvd(a)*] могло означать только «у меня (мною) взятое» > «я взял», но не «я взят». Но сам глагол не получал здесь активного значения, и конструкция II открывала путь к пассивному (объектному) спряжению. Значение активности переходный глагол мог получить здесь, лишь имея в своем составе показатель действующего лица. В качестве этих показателей были использованы энклитические местоимения, в результате чего и возникла конструкция III. Фраза [*mya(a) ʔyṭyvd-m*] означала уже согласование глагола-сказуемого с подлежащим (действующим лицом), а это переводило всю конструкцию в активный план: «я взял» < «у меня мое взятое (взятие)».

§ 78. В конечном счете эти преобразования дали в мунджанском следующие результаты.

1. Причастие на *-ta и отглагольное имя на *-ti превратились в основу прошедшего времени.
2. Переходные глаголы были выключены из конструкции I, которая стала обслуживать только непереходные глаголы.
3. Переходные глаголы через этап конструкции II перешли в конструкцию III, где получили активное значение^I и личные окончания из местоименных энклитик.
4. Непереходные глаголы в конструкции I, а переходные глаголы в конструкции III получили формальное противопоставление по

^I Случаи залоговой недифференцированности в основах прошедшего времени являются исключениями в мунджанском языке. Это: *ziy-* «бить», «поражать» и «удариться», «упасть»; *ʔyṭyvd-* «возвращаться» и «возвращать», но с параллельной формой для «возвращать» - *ʔyṭyvd*; может быть, также *zyu-* «рождать(ся)».

двум признакам: по падежу подлежащего и по личным окончаниям, ср. мундж. *зе пубста́м* "я сел" и *мын ыгындам* "я взял".

*Несостоятельность противопоставления переходных
и непереходных глаголов в прошедшем времени*

§ 79. Однако создавшаяся схема не привела в языке к нужному равновесию. Возникшее противопоставление переходных и непереходных глаголов с самого начала было противоречивым и едва ли могло быть до конца последовательным. Это был только необходимый этап перестройки именного предложения в глагольное, в роли же новой глагольной системы для прошедшего времени возникающая схема была несостоятельна.

Внешне эта несостоятельность сказалась в следующих несоответствиях: 1) смещение личных окончаний переходных и непереходных глаголов в большинстве лиц; 2) спряжение ряда непереходных глаголов по переходному типу; 3) смещение переходной и непереходной конструкций, т.е. смещение падежей подлежащего у переходных и непереходных глаголов.

§ 80. В основе этих несоответствий лежит то весьма существенное обстоятельство, что сформировавшиеся внутри конструкций I и III формально различные спряжения по сути дела не столько противопоставили друг другу переходные и непереходные глаголы, сколько объединили их. Дело в том, что процесс, приведший к формированию различных конструкций при образовании форм прошедшего времени, был направлен не на разграничение переходности и непереходности, а на разграничение активности и пассивности. Конструкция I, исключив из своего состава переходные глаголы, исключила тем самым и значение пассивности. Конструкция III послужила той же самой цели: она также исключила значение пассивности, активизировав переходный глагол с помощью энклитических местоимений. С

того момента, когда обе конструкции из именных превратились в глагольные, т.е. когда [(а)за пуаста ам] "я севший есмь" дало *зе пубста́м* "я сел", а [мын(а) ыгындам-м] "у меня мое взятие (мною взятое)" дало *мын ыгындам* "я взял", они стали одноплановыми в синтаксическом отношении и перестали противопоставляться друг другу. В обоих случаях глагол имеет активное значение, оформлен личным показателем и согласуется с подлежащим (действующим лицом). Функционально тождественными оказались и составляющие обе конструкции элементы, — личные окончания и падеж подлежащего, — так что формальное их расхождение стало неоправданным. Возникло внутреннее несоответствие между расхождением форм при тождестве их функций.

Правда, эти формы, т.е. конструкции I и III, получили новое, вторичное, назначение: различение непереходных и переходных глаголов. Но поскольку противопоставление самих конструкций было снято, то и противопоставление реализуемых в них непереходных и переходных глаголов не могло быть достаточно стойким и получить дальнейшее развитие в рамках этих конструкций. Оно могло лишь поддержать и продлить существование этих конструкций, задержав их отмирание, но не упрочить их или устранить в них те унаследованные отклонения и непоследовательности, разбор которых приводится ниже.

Глаголы непереходного значения с переходным спряжением

§ 81. Если конструкция I исключала переходные глаголы, то конструкция III непереходным глаголам не противостояла. Ничто не мешало глаголам непереходного значения иметь оформление по типу [мын(а) пуасты-м] "у меня мое сидение". Действительно, как мы видели в § 57, ряд непереходных глаголов в мунджанском языке имеет в прошедшем времени переходный тип спряжения, т.е. продол-

жаат конструкции III: тып хъууым "я плакал", тып хіітум "я кашлял" и пр.

Несомненно, что использование конструкции III этими глаголами шло независимо от переходных глаголов, а может быть, даже и предшествовало им. Конструкция I мало соответствовала глаголам типа "плакать", "смеяться", "кашлять" и пр., выражавшим произвольные действия. Косвенная конструкция ("у меня (мое) кашляние") лучше подходила для этих глаголов. Непереходные глаголы при этом использовали, по всей вероятности, не причастие на *-ta, а отглагольное имя на *-ti, как залогово нечленимое. Во всяком случае, 1-умлаутную перегласовку в сохранившихся старых основах прошедшего времени мы находим в мунджанском языке главным образом именно у непереходных глаголов: rəv : rīvd "лать", xəf : xīft "кашлять", nəv : nīvd "выпадать (об осадках)", vrəm : vrīmd "стоять" (при единственном случае для переходных глаголов: xəḥ : xīšk "тащить"). Отсюда можно предположить, что круг непереходных глаголов, использовавших косвенную конструкцию, первоначально был шире, включал в себя частично и глаголы состояния, которые лишь впоследствии перешли на непереходное спряжение, как xə vrīmdām "я остановился", wōrfe nīvdə "снег выпал" (впрочем, последний глагол или не имеет парадигмы, или она не засвидетельствована). I

Таким образом, переходные и непереходные глаголы подходили к использованию конструкции III независимо друг от друга и с раз-

I Глаголы состояния двузначны: они могут выражать и активное действие, ср. *zə vrīmdām* "я остановился (при ходьбе)" и "я стоял (пребывал)", *zə nuṣtām* "я сел" и "я находился, пребывал", *zə luyṣtām* "я лег" и "я лежал, спал". Возможно, что подобные глаголы первоначально использовали обе конструкции: и прямую, и косвенную, в зависимости от их ситуационного значения.

ных сторон, и лишь впоследствии они совпали в одной форме с полным отождествлением имен на *-ta и *-ti.

В настоящее-будущем времени рассмотренные глаголы, как переходные, получили, естественно, переходное спряжение, имея в 3 л. ед.ч. окончание -I: xōndI "смеется", xъyI "плачет" и пр. В результате возникло то несоответствие в спряжении одного и того же глагола в настоящем и прошедшем времени, о котором говорилось в § 57: переходное спряжение - в настоящем времени, переходное - в прошедшем.

§ 82. Такой же результат, но по иным причинам дали глаголы двойственного употребления, т.е. те глаголы, которые одинаково могут обозначать как переходное, так и непереходное действие, как например: "рожать", "стучать", "колотить", "бранить(ся)" и пр. Глаголы этого типа, допускавшие переходное, а следовательно и пассивное, значение, естественно были выключены из конструкции I и получили в прошедшем времени переходное оформление; ср. *тып кикым* "я стучал, колотил, толкал", *тып пыыхтым* "я писал", *тып стийым* "я бранил(ся)" и др. Но как глаголы непереходные, т.е. одинаково употреблявшиеся и в непереходном значении, они в настояще-будущем времени получили по преимуществу непереходное спряжение: I *ве кикі* "он стучит, толчет", *ве стей* "он бранит(ся)", *ве пыыхі* "он пишет", *ве тылей* "он просит".

§ 83. Эти две группы глаголов с несоответствием спряжения в настоящем и прошедшем времени достаточно четко показывают, что первоначальное размежевание глаголов в прошедшем времени шло не по признаку переходности-непереходности, а по признаку активно-

I Спряжение на -t встречается реже: ср. wūzīt "смотрит", "осматривает", pīst "спрашивает", žūt "говорит". В последнем случае, впрочем, возможно позднее -t.

сти-пассивности. Глаголы, которые могли иметь пассивное или даже просто неактивное значение, исключались из конструкции I, независимо от их переходности или непереходности.

Смещение падежей подлежащего

§ 84. Употребление прямого падежа при переходных глаголах и косвенного при непереходных — нередкое явление в мунджанском языке, характерное для широкого контекста.

Если конструкция III, давшая переходное спряжение, не противостояла непереходным глаголам (§ 81), то конструкция I, казалось бы, должна была закрепиться только за непереходными глаголами: она, как уже не раз подчеркивалось, исключала переходные глаголы. Однако это справедливо только для парадигматического (минимального) или узкого контекста, допускавшего двойное понимание фразы ("я взял" и "я взял"). В широком же контексте, который устранял возможность двойного понимания фразы, переходные глаголы продолжали использовать конструкцию I, донеся в некоторых случаях вплоть до наших дней следы бывшей залоговой ее нерасчлененности. Так, например, близкую связь переходных глаголов с прежней конструкцией I при непреодоленной до конца залоговой нерасчлененности можно видеть в следующем тексте: *pōdšō-pūr žē šinōr-ān xōvd, wījyr vē aždōr ky aždōr wulrōyī, žiye ruē šamšīr, rūšyr žē aždōr-ān skyst, lytē dōst*. Здесь выделенные подлежащие стоят в прямом падеже, одинаково сочетаясь как с непереходными, так и с переходными глаголами: "царевич с чинары спустился, оглядел дракона (поглядел на дракона), дракон спит, — ударил мечом; голова у дракона отлетела (отсеклась, отделилась), далеко упала". В этой фразе невозможно различить переходные глаголы (*wījyr, žiye, skyst*) и непереходные (*xōvd, dōst*) ни формально, ни конструктивно; причем глаг. *wījyr* может пониматься и как пере-

ходный, и как непереходный. Он принадлежит к глаголам двойного употребления и очень часто используется безотносительно к объекту действия со значением "смотреть", "осматриваться" (*wījyr žē aždōr pōm almasiye* "посмотрел я, а сзади меня Алмасти"), но может конструироваться и с прямым дополнением со значением "осмотреть", "(по)искать", "увидеть" (*wardum jān žy, dōy, wījyr vē lōmē kē varfkū-ān vē lōmē vmdē* "люди собрались, пришли, искали селение, а селение снежным обвалом унесло"; *ragī-zdāe dē rūšyr nē dīw-ān wījīt sryūī* "пери в голове у дива ищет вшей"). В разбираемом контексте допустимы оба толкования: "осмотрел (оглядел), искал дракона" и "посмотрел (поглядел) на дракона", что совершенно безразлично для смысла фразы. Поэтому здесь, вероятно, наиболее правильным будет определение *wījyr* как залогово нерасчлененного, нейтрального к переходности-непереходности, поскольку этой расчлененности не требует контекст. То же самое относится и к следующему глаголу — *žiye*, который не имеет при себе в данном контексте прямого дополнения (ударил мечом). В аспекте активности-пассивности оба глагола явно активны и конструируются совершенно однопланово с глаг. *xōvd* "спустился" при прямом падеже подлежащего: "царевич... спустился..., (п)осмотрел..., ударил...".

§ 85. Но в следующей половине фразы мы, возможно, встречаемся с остаточной нерасчлененностью переходных глаголов также и с точки зрения активности-пассивности. Переходный глагол *skyst* "(от)резать" употреблен здесь, по всей вероятности, в пассивном (неактивном) значении: *pūšyr žē aždōr-ān skyst, lytē dōst* "голова у дракона отлетела (отделилась), далеко упала". Трактовать здесь *skyst* как глагол активный ("царевич... спустился..., ударил мечом, голову дракона отрезал, (она) далеко упала") было бы известной натяжкой. Помимо того, что при активном значении глагола *skyst* ожидалось бы оформление прямого дополне-

ния предлогом *və* (т.е. *və pūyŋt žə aždōr-ān skyst*, ср. фразу: *yā-n... və lōstāf ž-əy-ān p^ə dōkū skyst* "он руки ему ножом порезал"), в этом случае возникло бы ошутимое несоответствие между всей фразой и последним глаголом *dōst*, который составил бы уже новое предложение с новым подлежащим, что и должно было быть как-то выражено внешне, хотя бы союзом *kə* (например, *pūyŋt žə aždōr-ān skyst kə lmré dōst* "голову дракону отрубил, так что (она) далеко упала").

Но какое бы ни было дано толкование глаголу *skyst* относительно его активности или пассивности, оно безразлично для смысла фразы, как и в случае с двояким толкованием *wūyŋt*. Контекст данной фразы исключает возможность смыслового недоразумения: реальная картина событий здесь слишком очевидна. При пассивном значении *skyst* может относиться только к "голове дракона", а при активном — только к "царевичу". В подобных контекстовых условиях и может сохраняться прежняя залоговая нерасчлененность переходных глаголов.

Но если подобные случаи пассивного значения переходных глаголов и могут быть встречены в мунджанском языке, то они чрезвычайно редки и должны рассматриваться как реликтовые.^I Нормой для переходных глаголов в прямой конструкции является, как уже было сказано, активное значение.

^I Остаточные выявления пассивного (неактивного) значения у переходных глаголов в мунджанском языке требуют специального исследования. Ср. упоминавшиеся глаголы с разграничением лексического значения *žiyə* "ударил" и *žiyə* "упал", "ударился", но для второго значения не засвидетельствована парадигма спряжения и можно лишь предполагать, что оно непереходное (как в *žiyŋvdām* "(я) вернулся" при *žiyŋvdām* "(я) вернул").

§ 86. Употребление переходного глагола в прямой конструкции является обычным при сочетании его с непереходным глаголом с общим для них подлежащим. Ср. *wazŋr-lyŋdə lmyŋet, nə dŋwōnə-ŋān li-yə xayŋōt* "визирева дочь вышла, дала безумному угощение"; *juhūd gəŋk rŋškə, žyvyŋt və rōrg* "еврей (колдун) превратился в кошку, погнал мышь"; *pōdšō-lyŋdə žy, və lmyŋet... yālā kyt* "царевна пошла, дверь... открыла"; *wə žfyu dŋe, vāmōx wŋgə lmyŋk* "ее муж пришел, нас там увидел"; *yāy žyŋāt də ukumat arz kytāt* "они пошли, властям заявили"; *žarman žyŋvd žyŋvd və wŋrsakī* "немец вернулся схватил вурсакийца"; *yə bydāwōy žy, yŋkeni žə dŋzdāf žyŋvd* "он побегал схватил одного из воров"; *mūsafidī wŋškōyāt štāt* "старик поднялся сказали"; *wə dŋzd kə vāmōx žiyə dŋy* "разбойник, который нас ранил, явился"; *žə žyŋām wŋgə ky wāy štym ky* "я пошел к ним, сказал, что...", и пр.

Нельзя объяснять подобного рода предложения поздним проникновением переходных глаголов в прямую конструкцию. Здесь мы имеем непосредственное продолжение конструкции I, реализовавшейся в данных условиях контекста. Ведь последовательное различение конструкций при сочетании переходного глагола с непереходным могло бы быть достигнуто только повторением подлежащего в требуемом падеже, т.е. расчленением одного предложения на два. Едва ли это было возможно, и не только потому, что возникла бы излишне громоздкая для живой речи фраза (например, *pōdšō-lyŋdə žy, və lmyŋet (yāi) yālā kyt* "царевна пошла, дверь (она) открыла"). При повторении подлежащего каждый из глаголов получает значение отдельного, самостоятельного действия, в то время как, относясь к одному подлежащему, оба глагола выражают одно сложное действие "царевна пошла открыла дверь". Активность же подлежащего, а вместе с тем и активность переходного глагола, достаточно хорошо определялась здесь контекстом.

Следовательно, активизация переходного глагола шла двумя путями: не только через конструкцию Ш, но частично и через конструкцию I, когда контекст (главным образом сочетание с активным переходным глаголом) обеспечивал однозначное - активное его понимание.

§ 87. Не менее обычны случаи употребления переходных глаголов рядом с переходными в косвенной конструкции, которая вообще в истоках своих переходным глаголам не противостояла (§ 81). Ср.: *yā-n šyū və andiwōlāf nyjēšte* "он пошел показал товарищей"; *yā-n resīy və lōstāf ē-əy-ān rə ḏōkū skyst* "он подоспел порезал тому руки ножом"; *juā-lmṛd-īn wūškōy ṭymvə və dēmōl* "дочь еврея встала взяла платок"; *gujūrāf ḏəyāt afsad kaldōr xīškāt* "гуджуры пришли стащили 700 рупий"; *parīzōd-īn šyū, āvyr ḏōy nē pḏāšō-pūr-ān* "пери пошла принесла чай царевичу"; *pḏāšō-pūr-ān wūškōy və ūḃrāf zīnī kyt* "царевич встал оседлал лошадей".

§ 88. Оба рассмотренных типа отклонений (как переходное спряжение у переходных глаголов, так и смешение падежа подлежащего) могут быть названы отклонениями только с современной точки зрения, когда мы рассматриваем факты в аспекте переходности-непереходности. В своих же истоках они раскрываются как составные элементы протекавшего процесса активизации глаголов в прошедшем времени. В дальнейшем, когда этот процесс был завершен и когда конструкции I и Ш - основное его следствие - стали использоваться (в виде современных прямой и косвенной конструкций) для различения переходных и непереходных глаголов, сопутствовавшие этому процессу факты получили значение отклонений или несоответствий с возникшей нормой, сделав ее тем самым неабсолютной и нестойкой.

§ 89. Различные окончания для переходных и непереходных глаголов сохранились в мунджанском языке только в двух лицах: в I и 2 лл. ед.ч. (неперех. -ām и -āy, перех. -ym и -yt).

Между тем противопоставление энклитических местоимений глагольной связке было одним из основных моментов, на которых строилось разграничение активности и пассивности: переходный глагол получал в косвенной конструкции активное значение только в сочетании с энклитическим местоимением, но не со связкой. Очевидно, что слияние окончаний - явление сравнительно позднее, вызванное функциональным их отождествлением (согласование глагола с подлежащим).

Способствовали этому слиянию следующие предпосылки.

I. При формировании конструкций I и Ш полного (исчерпывающего) противопоставления местоименных энклитик глагольной связке достигнуто не было.

а) Конструкция Ш, не противостоявшая непереходному значению, дала свое оформление части непереходных глаголов, а также глаголам двойного употребления: *myy xēlūym* "я смеялся", *myy štyy* "я говорил", *myy kīkīym* "я стучал, толк" и пр. Иными словами, местоименные окончания, противостоявшие пассивному значению, не противостояли значению непереходному, в результате чего непереходные глаголы унаследовали двойное оформление: или со связкой, или с энклитикой. Таким образом, местоименные окончания не составляли исключительной приметы переходных глаголов.

б) В старом именном предложении предикативная связка одинаково сочеталась с любым причастием (как от непереходного, так и от переходного глагола), выступавшим в роли отглагольного прилагательного (§ 77). Конструкция I, развившаяся из этого типа

предложений, частично (ситуационно) сохраняла подобное употребление связки: переходный глагол мог оставаться в рамках конструкции I, сочетаясь со связкой, если активное его значение обеспечивалось контекстом (§ 86).

2. Поскольку непереходные и переходные глаголы получили через конструкцию I и III формальное различие сразу по двум признакам – по падежу подлежащего и по окончанию, – то каждый из этих признаков оказался тем самым неабсолютным, т.е. мог стать необязательным при наличии другого признака. Поэтому смешение окончаний могло компенсироваться различием падежей подлежащего.

§ 90. Практически смешение окончаний могло протекать следующим образом.

Вероятно, не для всех лиц были представлены энклитические местоимения, как например для 3 л. мн.ч. В этом случае или дольше функционировала конструкция II, где глагол получал активное значение по аналогии с другими лицами, или же в роли показателя лица при глаголе вместо энклитики могло быть использовано полное местоимение в косвенном падеже [waf]: [waf... waf ʔyʔyʔvɔ "у них ... их взятие", "ими взято"].¹ В дальнейшем, когда по активизации переходного глагола местоименные и связочные окончания перестали противопоставляться друг другу, переходные глаголы принимали окончание [-ant] > āt.

В I л. мн.ч. энклитика -n могла быть вытеснена связкой -am в результате широкого распространения в мунджанском языке после-

¹ Надо полагать, что именно такое происхождение имеет личный показатель переходных глаголов в 3 л. мн.ч. в бартангском и язгулямском языках: барт. -af, язг. -əf < [wəf], ср.барт. uf-af zōxt, язг. if-əf zeht "они взяли".

лога -an, с которым энклитика -n при отглагольном имени могла быть смешана.²

Во 2 л. мн.ч., напротив, местоименное окончание -af распространилось на непереходные глаголы, что могло быть вызвано ранней утратой связки в этом лице.³

3 л. ед.ч. окончания не имеет. По-видимому, местоименное окончание переходного спряжения [-ny/I] отпало здесь поздно,⁴ когда оно стало совпадать с исходом перфектной основы: мундж. ʔyʔyʔvɔny – основа перфекта и 3 л. перфекта. Возможно, что сюда имеет отношение окончание -ə, встречающееся главным образом у переходных глаголов, но представленное лишь при совпадении прошедшей основы с формой 3 л. ед.ч. наст.вр. Но в этом случае мы должны предполагать фонетическую трансформацию ny в ə, обусловленную исключительно морфологическими причинами (противоположением исходу перфектной основы). Впрочем, этому могла способствовать и фонетическая контаминация со старой формой причастия [ʔyʔyʔvəə].

² Ср. сохранение -n (с распространением его на непереходные глаголы) в части языков шугнано-язгулямской группы: барт. vūg-an, срк. vɛwɛg-an, язг. vɛg-an "мы принесли" при шугн. vūd-ām, руш. vūg-am.

³ Ср. ав. 2 л. мн.ч. stā при 3 л. ед.ч. asti, продолжение которых вело бы к смешению обоих лиц. Вообще продолжение связки 2 л. мн.ч. плохо представлено в живых иранских языках. Во всех остальных памирских языках она тоже заменена местоименной энклитикой -af, -əv.

⁴ Во всех остальных памирских языках оно сохранилось (-i), но употребляется факультативно.

Выводы

§ 91. Из изложенного видно, что для прошедшего времени, как и для настоящего, были свои собственные предпосылки, обуславливающие несостоятельность формального разграничения переходных и непереходных глаголов. Процессы, протекавшие в обоих временах, были принципиально различны: если в настоящем времени процесс был направлен на разграничение переходности-непереходности, то в прошедшем времени — на разграничение активности-пассивности. В прошедшем времени различие переходных и непереходных глаголов явилось лишь побочным результатом этого главного процесса и с самого начала было неполным и нестойким, а затем и противоречащим главному процессу на его заключительном этапе, поскольку признак активности, полученный переходными глаголами в конструкции III, сняв ее противопоставление конструкции I. Внутри этих старых, не соответствующих новому назначению, форм противоположение переходности-непереходности не могло получить дальнейшего развития и устранить унаследованные отклонения и непоследовательности, которые к тому же не совпадали с отклонениями и непоследовательностями настоящего-будущего времени. В результате последнего обстоятельства к случаям формального смещения переходных и непереходных глаголов внутри каждого времени добавлялись случаи несоответствия спряжений между временами, т.е. случаи различного спряжения одного и того же глагола в различных временах.

§ 92. Едва ли при таких условиях становление форм переходности-непереходности в настояще-будущем времени могло быть поддержано формами прошедшего времени. Скорее напротив: косвенная и прямая конструкции прошедшего времени настолько не соответствовали своему новому назначению — формальному различению переходных и непереходных глаголов, — что следует искать не причины их

нейтрализации с последующим вытеснением одной из них, а причины их укрепления и консервации в тех языках, где они сравнительно стойки и последовательны. В мунджанском языке их относительная стойкость может быть объяснена именно тем, что они поддерживались развивавшимся противоположением переходности-непереходности в настояще-будущем времени. В Иидга, где переходное и непереходное спряжения в настоящем времени уже перестали противопоставляться друг другу (§ 58), косвенный падеж подлежащего при переходных глаголах в прошедшем времени практически перестал быть нормой (см. IIIF II 136), а различие в окончаниях между переходными и непереходными глаголами в прошедшем времени вообще утрачено.

СПИСОК ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ СПРЯЖЕНИЯ II И ПРОМЕЖУТОЧНЫХ

Глаголы на I-спряжение

§ 93. Глаголы спряжения II (непереходные): рму : рiu "гнить", рьму : рьiu "мерзнуть", тму : тму "входить", оу (3 л. ед. ч. ут) : йму "уходить", дрэм : дьтму "бояться", схэм : сху¹ "скользить", кык : кыкiu "вариться", гес : гесiu "достигать", уйэк : уйэкбу "вставать", Зар. wurafs : wurafsōu "летать", унгv : унгvбу "кипеть", пем : пембу "нагибаться", сеп : сепбу "подниматься", гевз : гевзбу "дрожать", фгмс : фгмсбу "сморкаться", Зар. гис : гисбу "беспокоиться", фгтм : viu "быть", "являться", выдām : выдāmбу "бежать" (и другие заимствования), днф : днфт "драться", днф : днфт "загораться", мнр : мнр "умирать", йгунм : йгунмвд "возвращаться", згунм : згунмвд "кружить", "бродить", гнв : гнвд "гореть", рхнф : рхнфт "уставать", кел : келфт "лопаться", vгем :

¹ М.б. схму или поздний переход в ū?

vrīmd "стоять", nēv : nīvd "дождить".

§ 94. Глаголы смешанного спряжения: в настоящем времени — непереходное спряжение, в прошедшем — переходное.

а) Непереходные глаголы: xēnu : xēnu "плакать", хед : хедиу "смеяться", fxat : fxatiu "соглашаться", fyx : fyxlu "испражняться", kēxm : kēxmōu "тошнить", хед : xīft "кашлять", гев : gīvd "лаять".

б) Глаголы двойного употребления: stēw : stēnu "бранить(ся)", kīk : kīkōu (kīkōu) "стучать", "колотить", "толочь", nymnē : nymnxt "писать", nymyē : nymyēk "закрывать глаза", wēg : wnyēk "натягивать основу", tylēw : tylwīu "просить".

в) Переходные глаголы: tyxnf : tyxnf "красть", wūst : wūstōu "ставить", wūzn : wūznōu "мыть", xnyd : xnyst "скоблить", "чесать", sknd : sknst "отрезать", bnyd : bnyst "надевать", cnyb : cnybd "щипать", lnyb : lnybd "теребить шерсть", vnyb : vnybd "скинать".^I

Глаголы на 1-спряжение

§ 95. Переходные глаголы, не входящие в спряжение I.

а) Переходные глаголы со средней сонантной огласовкой (к § 65): ryxwīž : ryxwīd "просеивать", wīn : lnyk "видеть", bny : bnyīvd/bnyīvd "возвращать", znyīw : znyīvd "вить", "свивать", γīw : γīvd/γīvd "прясть", tīž : tyd "тесать", nnyīz : nnyīzd "лизать", lūž : lnyd "доить", nnyū : nnyūk "слышать".

^I Некоторые из этих глаголов могут быть отнесены и к предыдущей группе (п. б), например: lnyb : lnybd "теребить шерсть", sknd : sknst в значении "резать". Грань здесь, конечно, збѣка.

б) Переходные глаголы со средней а-огласовкой (к § 66): dāl : liu "давать", wūžar : wūžnr "смотреть", āver : āvnr "приносить", škar : škōr "посылать", хер : хūr "есть", хәš : xīšk "тащить", mēz : mōšk "убивать", хен : хет "покупать", rō-ž(ə)n : rō-žiu "говорить".

в) Переходные глаголы со слабой огласовкой. К § 69: γnyv "брать", (n)kyn : (n)kynr "делать", rnyr : rīst "спрашивать". К § 70: vny : vnd "уводить", žiu : žiu "шить", vrīr : vrīrd "разбивать", fnytyu : fnytyēk "забывать", kūy : kūšk "свежевать", lnytyu : lnytyud "жать", "косить".

§ 96. Непереходные глаголы (с непереходным спряжением в прошедшем времени).

а) С ā:ī-огласовкой (к § 72): xāfs : xōvd "спускаться", gūār : gūāšk "проходить", ās : bny "приходить".

б) С n:ī-огласовкой (к § 73): nny : nnyōst "сидеть", bīž : bōst "падать".

в) С n:ū-огласовкой (к § 74): nnylv : nnywōst "лежать", lūr : rūst "бежать".

г) Глаг. nny : nnyer "выходить" (к § 75).

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ШУГНАНО-ЯЗГУЛЯМСКОЙ ГРУППОЙ

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 97. Спряжение на -ī или наличие двух спряжений I и II в настояще-будущем времени составляет специфику мунджанского языка, противопоставляя его шугнано-язгулямской группе.

Оба спряжения, как было показано в предыдущих разделах, развивались в мунджанском языке как способ различения переходных и непереходных глаголов. Возможные грамматические средства, которые могли быть использованы для различения переходности-непереходности, заложенные в исходной системе, были разнообразны. Помимо использованных мунджанским языком противоположения сильной и слабой огласовки и различного исхода основ на -уа и -а, -ауа, известную роль в древних языках играли также суф. -s как формант непереходности и инф. -n- (или суф. -n) как формант переходности (ср. ав. *tafsa-* "нагреваться", *hi-n-ša-* "лить", *kaṣe-naw-* "дедать"). Оба эти форманта сочетались главным образом со слабой огласовкой корня и никогда не сочетались с сильной.

В данном разделе нам предстоит определить, протекал ли в шугнано-язгулямской группе аналогичный мунджанскому процесс разграничения переходных и непереходных глаголов в настояще-будущем времени и насколько совпадали или насколько расходились использовавшиеся для этого грамматические средства.

Следы этого процесса во всех языках шугнано-язгулямской группы обнаруживаются довольно четко, причем они не всегда и не во всем совпадают по языкам даже внутри шугнанской группы. Это свидетельствует о позднем прекращении самого процесса.

КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 98. Прежде всего мы встречаемся в шугнано-язгулямской группе с тем же самым классом каузативных глаголов, что и в мунджанском языке, продолжающих древние основы на -ауа с сильной огласовкой. Внешней их приметой является сильная 1-умлаутная огласовка (шугн. *ē*, руш. *ē*), с переносом этой сильной огласовки, как и в мунджанском языке, на основу прошедшего времени. Ср. шугн.: *sēw* : *sēwd* "тереть", "растирать"; *šēr* : *šērt* "пахать"; *tēz* : *tēzd*

"процеживать", *xēḥ* : *xēḥt* "месить" и пр. при мундж. *sōw* : *sēwd* "тереть", *nyjōš* : *nyjōšt* "показывать" и пр. Расхождения здесь поздние и чисто фонетические: закономерное для мунджанского языка отсутствие 1-умлаутной огласовки в открытых слогах при наличии ее в закрытом слоге (в 3 л. ед.ч. наст.вр. *nyjōšt* "показывает"),¹ откуда и возникла примета мунджанских каузативов — чередование *ō* : *ē*.²

§ 99. Фонетические расхождения в каузативах наблюдаются и внутри самой шугнано-язгулямской группы, и даже в пределах одной шугнанской группы. Так, в бартангском языке **ā*, как правило, не дало 1-умлаутных вариантов (ср. барт. *sōw* : *sōwd* "тереть" и пр.); в сарыкольском языке 1-умлаутный вариант **ā* не сохранил переднего звучания, перейдя в *o* (ср. срк. *šox* : *šort* "пахать"); в язгулямском языке он слился с *ā* и затем с *a* (ср. язг. *kar* : *kard* "пахать") (см. ГОЯШ §§ 55 и 122).

§ 100. Утрата каузативной огласовки своего фонетического своеобразия не могла не сказаться на ее грамматической значимо-

¹ К тому же в мунджанском имела место ранняя унификация основ на -ауа и основ на -а по типу последних, что снимало положение 1-умлаута. В шугнано-язгулямской группе представлена та же унификация, но осуществившаяся очень поздно, уже после разделения шугнанской группы на отдельные языки; ср. рефлексy спряжения на -ауа в шугнанских глагольных окончаниях (ГОЯШ, прим. к § 45).

² *ē* в основе прошедшего времени (*nyjōšt-*) в мунджанском языке едва ли результат 1-умлаута. Это, скорее, результат **ā* в закрытом слоге, получивший грамматическое значение в чередовании *ō* : *ē* и потому сохранивший открытость (ср. сужение **ā* в *ī* или *ū* в других случаях: *zīng*, верх. Зар. *zūg* "колени" и пр.).

сти, она перестала фактически быть приметой каузативных глаголов в бартангском, сарыкольском и язгулямском языках, что или сильно ослабило их противоположение остальным глаголам, или даже полностью его устранило. Так, для сарыкольского и язгулямского языков, где каузативная огласовка в конечном счете совпала со средней *а-огласовкой, вообще едва ли можно говорить о выделении каузативных глаголов. Ср. язг. Kar-, срк. šor- "пахать" < *kāra- и язг. var-, срк. vor- "приносить" < *bara-. Бывшая их принадлежность к особому классу глаголов узнается лишь по характерной для каузативных глаголов вторичной основе прошедшего времени с сильной огласовкой; ср.: язг. Kar : Kard, срк. šor : šort "пахать" при язг. var : væg, срк. vor : vewg "приносить".

§ 101. В бартангском языке сильная огласовка в большинстве случаев хотя и не совпала со средней (ср. барт. sör : sört "выслеживать" и yār : vūg "приносить"), но как примета каузативных глаголов она сильно ослаблена, поскольку современное ö встречается и в основах непереходных глаголов (ср. шугн., руш., барт. wōḥ- "падать", nōḥ "бродить" и др.). Совпадение каузативной огласовки со средней *а-огласовкой наблюдается в бартангском языке в положении перед w (ср. барт. šaw- "жесть", где ā < *ā, и барт. sāv- "уходить", где ā < *а), что тоже не может не ослаблять значимости ö как приметы каузативных глаголов.

§ 102. В рушанском языке, где i-умлаутная огласовка, характеризовавшая каузативные глаголы, сохранилась (руш. šew- "жесть", šet- "пахать" и пр.), они представлены более четко. Однако гласная ē, как их внешняя примета, тоже несколько ослаблена совпадением с ē из i-умлаутного варианта *а, которое хотя и сравнительно редко, но все же встречается в основах настоящего времени (ср. руш. šet- "пахать", где ē < *ā, и руш. rēz- "варить", где ē < *а).

§ 103. Но в шугнанском языке гласная ē, продолжающая только сильную i-умлаутную огласовку,¹ является стойким показателем каузативных глаголов. И поэтому в шугнанском языке этот класс переходных глаголов не только не был ослаблен, но значительно развился, оставаясь актуальным до настоящего времени и утратив продуктивность, по-видимому, лишь в очень недавнее время. Так, мы находим в шугнанском языке изобилие противоположающихся огласовкой пар, что мало свойственно остальным языкам группы.² Ср. шугн.: šek : šekt "капать", "накапывать" (перех.) при šak : šikt "капать" (неперех.); rēv : rēvd "давать сосать (молоко)" при rāv : rīvd "сосать (молоко)"; rinēw : rinēwd "доводить до слез" при nāw : nīwd "плакать"; riwēz : riwēzd "вспугнуть" при riwāz : riwixt "взлететь"; wērv : wērvd "кипятить" при wārv : wīrvd "кипеть"; wēz : wēzd "спускать на воду", "сплавлять" при wāz : wīxt "плавать"; nēḥ : nēḥd "вращать" при nōḥ : nēḥd "бродить", "кружить". В остальных языках эти пары или отсутствуют, или образуются поздними каузативными суффиксами. Ср. руш. warvōn : warvōnt, барт. warvōn : warvōnt, срк. warvon : warvont "кипятить"; руш. naḥēn : naḥēnt "вращать" и пр. Наблюдаются в шугнанском языке даже случаи перегласовки на ē переходных глаголов (ср. шугн. xēt : xērt "скармливать", "кормить" при xāx : xūd "есть"), что в других языках возможно лишь с поздними каузативными суффиксами.

§ 104. Но даже и шугнанский язык не создал того морфологически единого класса каузативных глаголов, которым обладает мунджанский язык с утвердившимся в нем постоянным фонетическим соот-

¹ Случаи ē из *а (перед увулярными) очень редки.

² Впрочем, степень актуальности каузативных глаголов в рушанском и бартангском языках должна быть исследована специально.

ношением основ настоящего и прошедшего времени при обязательном чередовании $\bar{o}$: $\bar{e}$.

Прошедшие основы шугнанских каузативов разнотипны. Можно выделить три их типа.

1. Основа прошедшего времени продолжает старое причастие. Для корней с *а-огласовкой эти случаи редки (шугн. $\text{vid}\bar{e}\bar{z}$: $\text{vid}\bar{u}$ - $\bar{y}$ d "орошать", * $\sqrt{\text{tak}}$; $\text{rin}\bar{e}\bar{s}$: $\text{rin}\bar{u}\bar{x}$ t "забывать", * $\sqrt{\text{nas-}}$); для корней с сонантом *w — обычны (шугн. $\text{fir}\bar{e}\bar{w}$: firud "полоскать", $\bar{z}\bar{e}\bar{w}$: $\bar{z}ud$ "жесть", $\text{pi}\bar{x}\bar{e}\bar{w}$: $\text{pi}\bar{x}ud$ "стричь овец" и пр.).

2. Основа прошедшего времени имеет сильную, но не $\bar{e}$ -, а $\bar{o}$ -огласовку: шугн. $\text{bir}\bar{e}\bar{z}$: $\text{bir}\bar{o}\bar{x}$ t "пить", $\text{z}\bar{e}\bar{z}$: $\text{z}\bar{o}\bar{x}$ t "брать", $\text{zi}\bar{w}\bar{e}\bar{d}$: $\text{zi}\bar{w}\bar{o}\bar{s}$ t "вытаскивать", "вынимать". Эти случаи немногочисленны и отражают начальный этап выравнивания основ по сильной огласовке, — до расчленения вариантов фонемы $[\bar{o}]$ на самостоятельные гласные.

3. Основа прошедшего времени образована от современной основы настоящего времени, т.е. имеет огласовку $\bar{e}$ ($\bar{z}\bar{e}\bar{t}$: $\bar{z}\bar{e}\bar{r}$ t "пахать"). Это наиболее поздний и наиболее универсальный тип шугнанских каузативных глаголов, распространяющийся на остальные глаголы в настоящее время (ср. шугн.: $\text{pi}\bar{x}\bar{e}\bar{w}$: $\text{pi}\bar{x}ud/\text{pi}\bar{x}\bar{e}\bar{w}\bar{a}$ "стричь овец", $\bar{z}\bar{e}\bar{w}$: $\bar{z}ud/\bar{z}\bar{e}\bar{w}\bar{a}$ "чесать", в рушанском только $\bar{z}\bar{e}\bar{w}$: $\bar{z}\bar{e}\bar{w}\bar{a}$ и пр.).

§ 105. Более полная и последовательная унификация каузативных глаголов в один грамматический класс в мунджанском языке при большей их стойкости обусловлена тем обстоятельством, что они получили здесь свое особое спряжение (спряжение I), развившееся в противоположении другому спряжению — непереходному (спряжение II). В шугнано-язгулямской же группе каузативные глаголы не образовали своего отдельного спряжения и морфологически не противопоставлены остальным глаголам, составляя скорее лексическую,

нежели грамматическую группировку. Единственным их признаком являлась сильная $\bar{t}$ -умлаутная огласовка, которая и была утрачена в некоторых языках (язгулямский, сарикольский).

Однако это различие в значимости каузативных глаголов в сравниваемых языках — различие позднее. В более ранний период каузативные глаголы были весьма актуальны и в шугнано-язгулямской группе. Об этом можно судить не только по данным шугнанского языка, сохранившего их актуальность до настоящего времени, но и по фактам такого языка, как язгулямский, где каузативы в настоящее время полностью утрачены. Об актуальности и широком употреблении каузативных глаголов в язгулямском языке в прошлом свидетельствует факт распространения сильной огласовки на основы с исходом на *-ay (ср. $\text{b}\bar{a}\bar{y}$: $\text{b}\bar{a}\bar{y}d$ "терять" при $\text{b}\bar{a}\bar{y}$: $\text{b}\bar{t}\bar{a}$ "теряться", $\text{ra}\bar{b}\bar{a}\bar{y}$: $\text{ra}\bar{b}\bar{a}\bar{y}d$ "поджигать" при $\text{ra}\bar{b}\bar{a}\bar{y}$: $\text{ra}\bar{b}\bar{a}d$ "загораться" и пр.), чего нет в языках шугнанской группы (ср. ГОЯШ § 136).

§ 106. В итоге мы можем заключить, что одинаковое использование древних каузативных основ, а также одинаковое последующее использование сильной огласовки как приметы переходных глаголов составляет одно из существенных схождения мунджанского языка с шугнано-язгулямской группой и могут свидетельствовать об их исходной общности.

Аффиксы -s и -n- в шугнано-язгулямской группе

Расхождения в использовании языковых средств для различения переходных и непереходных глаголов между сравниваемыми языками относятся к аффиксам -s и -n-, -n, которые в мунджанском языке не получили развития, а в шугнано-язгулямской группе имели довольно широкое применение.

§ 107. В шугнанской группе представлено большое количество основ на -s с непереходным значением, из которых лишь очень немногие унаследованы от древнего состояния (sitafs- "жариться", naʃʃis- "проходить" при авестийских основах tafsa-, jasa-). Ниже приводится список засвидетельствованных основ на -s в шугнанском языке. Ср. шугн.: anʃafo¹ : anʃuvd "приниматься", "обратиться" при anʃav : anʃuvd "обрать"; pis : pēxt "вариться" при pīz : pēxt "варить"; angaxo : angixt "попадаться", "застрывать"; xāfs : xāvud "спускаться" при xambēn : xambēnt "спускать"; sako : sikt "вздвигать"; wiʒafs : wiʒivd "возвращаться" при wiʒib : wiʒivd "возвращать"; niʒafo : niʒuvd "приставать", "прилипать" при niʒēmb : niʒēmt "прилеплять"; xōfo : xōvd "спать" при niʒēb : niʒēbt "укладывать спать"; piʒis : piʒid "загораться" при piʒin : piʒid "зажигать"; ris : riʒd "оставаться"; bēs : bēd "теряться"; wirāfo : wiruvd "стоять" при wirēmb : wirēmt "ставить"; xikafo : xikuft "расцветать"; zinōys : zinēyd "поскользнуться"; ciʒafs : ciʒuvd "шипать", "саднить" при niʒciʒēmb : niʒciʒuvd "шипать", "ущипнуть"; aʃis : aʃuvd "лежать" (ср. язг. awāy : awid "класть"); kiʒws : kiʒuvd "вытекать", "истекать"; parwarʒ² : parwixt "скатываться", "сваливаться" (*√wart) при parwēx³ : parwēxt "скатывать", "сталкивать"; niʒarʒ : niʒixt (*√kart) "разрушаться" при niʒēx : niʒixt "разрушать"; naʃfiʒ : naʃfid (*√rat) "выпадать", "вываливаться" при naʃfēn : naʃfēnt "выдергивать"; piʒiʒ : piʒiʒst

¹ В шугнанском часто после согласного s > c.

² ʒ < [ts] или [ds], как и в последующих глаголах.

³ Основа настоящего времени здесь вторична - из основы прошедшего времени. Ср. также соотношение основ в следующем глаголе.

"рваться" (*√rad) при parēnd : parēnt "рвать зубами", "кусать (о собаке)"; radvīʒ : radvīst "срастаться" (*√band) при radvēnd : radvīst "сращивать"; ambīʒ : ambūst "обваливаться", "падать" (*√rad-); niʒ : nūst "сидеть".

В некоторых случаях добавление -s является очень поздним и иногда свойственно только одному из языков группы. Ср. шугн. bēs- "теряться" при язг. bay-; срк. fɪrɔrɔ : fɪrɪpt "достигать" при шугн., руш., барт. firār : firɪpt; срк. ɣars : ɣard "вращаться"; шугн. заимств. xikafo : xikuft "расцветать". Наблюдаются даже случаи добавления -s к основе с сильной огласовкой: шугн. zinō-ys : zinēyd "поскользнуться".

§ 108. В язгулямском языке суф. -s распространен едва ли меньше, но явно поздних случаев образования основ на -s не наблюдается. Ср. язгулямские глаголы на -s: bəxtəxs : bəxtəyd "стекать" при bəxtəj : bəxtəyd "сцеживать", "сливать"; əmbis : əmbust "обрушиваться"; cəfs : cīvd "впиваться", "вонзаться"; cərafs : cərovd "саднить", "колоть (от боли)" при cəramb : cərovd "ущипнуть", "уколоть"; raʒays : raʒad "загораться" при raʒāy : raʒayd "зажигать"; raʒafs : raʒovd "прилипать" при rətafan : rətafant "прилеплять"; nəmoxs : nəmoxt "вылезать" при nəməʒ : nəməxt "вынимать"; ɣəfs : ɣovd "возвращаться" при ɣib : ɣibt "возвращать"; fərxis : fərxaxt "скользить"; pɣas : pɣovd "спать" при xab : xabd "усыплять"; raxs : raɣd "оставаться"; šoxs : šoxt "приучаться" при šəʒan : šəʒand "приучать"; raʒ : rūx "вариться" при raʒ : rūx "варить"; wəraxs : wəraxt "осыпаться", "падать"; wəraxs : wəraɣd "проходить" при wəɾ(i)ʒan : wəɾ(i)ʒant "проводить"; wəroxs : wəroɣd "распариваться" при wəreʒ : wəroɣd "распаривать"; ɣərafs : ɣərovd "застрывать"; pərciʒ : pərciʒst "разрываться" при pərcand : pərciʒst "разрывать"; wərciʒ : wərciʒst "развязаться" при wərcand : wərciʒst "развязать"; niʒ : nūst "садиться"; zəɣniʒ : zəɣnaɣt "упасть", "свалиться"; wərafs : wəruvd "стоять". Но ср.

случаи отсутствия -s: язг. δik : δakt "вздрагивать" при шугн. $sako$: $sikt$; язг. bay : bid "теряться" при шугн. $b\bar{e}a$: $b\bar{e}d$; язг. $wardin$: $wardint$ "сваливаться" при шугн. $parward$: $parwixt$; язг. $perway$: $perwed$ "голодать" при шугн. $riw\bar{o}ys$: $riw\bar{o}ud$. Вероятно, в язгулямском языке суф. -s перестал быть продуктивным несколько раньше, чем в шугнанской группе.^I

§ IO9. В мунджанском языке этот способ обозначения переходных глаголов развит не был. В нем засвидетельствовано лишь несколько глаголов с суф. -s, которые совпадают с шугнано-язгулямскими глаголами. Ср.: йд. $y\bar{u}xs$: $y\bar{u}xt$ "обучаться", мундж. $y\bar{u}x\bar{s}\bar{e}vd$: $y\bar{u}x\bar{s}\bar{e}vd$ "обучать", язг. $\dot{s}oxs$: $\dot{s}oxt$ "привыкать"; мундж. $ny\bar{x}$: $ny\bar{o}st$, язг. $ni\bar{\theta}$: $ny\bar{u}st$, шугн. $ni\bar{\theta}$: $n\bar{u}st$ "сидеть"; мундж. $x\bar{a}fs$: $xovd$, шугн. $x\bar{a}fs$: $x\bar{a}vd$ "спускаться"; мундж. Зар. $wurafs$: $wurafs\bar{o}u$ "лететь" (ср. шугн. $wir\bar{a}fs$: $wir\bar{u}vd$ "стоять"). Возможно, что в некоторых глаголах -s в мунджанском отпало. Так, ср. мундж. dnf - "загораться" при шугн. $sita\bar{f}s$ "жариться", язг. $t\bar{a}fs$ - "накаливаться", ав. основа $t\bar{a}fsa$ -; мундж. dnf -, шугн. $nida\bar{f}s$ - "схватываться", "драться"; мундж. $rxnf$: $rxnft$ "устанавливать", шугн. $\dot{x}\bar{o}fo$ -, язг. $pxas$ - "спать", ав. основа $x^v\bar{a}fsa$ -.

Показатель переходности -n- и -n

§ IIO. Для обозначения переходных глаголов со слабой огласовкой известно распространение в шугнано-язгулямской группе получили инф. -n- и суф. -n. Ср.: шугн. $ri\bar{\theta}in$: $ri\bar{\theta}id$ "зажигать" при $ri\bar{\theta}is$: $ri\bar{\theta}id$ "загораться"; шугн. $wizin$: $wizid$ "собирать" (* $\sqrt{\text{ка}}$, ав. основы $\bar{\theta}ay$ -, $\bar{\theta}inav$ -); язг. $ne\gamma and$: $ne\gamma ost$ "наде-

^I Впрочем, поздняя продуктивность -s очевидна только для шугнанского и сарыкольского языков.

вать"; язг. $percand$: $perc\bar{u}st$ "разорвать" при $perci\bar{\theta}$: $perc\bar{u}st$ "разорваться"; язг. $serand$: $serust$ "загрызть", "разорвать (о собаке)" при $seri\bar{\theta}$: $serust$ "разорваться"; того же корня с усилением огласовки шугн. $pir\bar{e}nd$: $pir\bar{e}nt$ "рвать", "кусать (о собаке)" при $piri\bar{\theta}$: $pir\bar{u}st$ "разорваться"; шугн. $kirand$: $kir\bar{u}st$, язг. $berxand$: $berxast$ "скоблить".

Образования на -n не всегда являются общими для шугнанской группы и язгулямского языка. Так, переходные формы в первых двух глаголах образованы в язгулямском языке другим способом - усилением огласовки, т.е. переключением этих глаголов в группу каузативов. Ср. язг. $ra\bar{\theta}ay$: $ra\bar{\theta}ayd$ "зажигать" при шугн. $ri\bar{\theta}in$: $ri\bar{\theta}id$; язг. $ra\bar{j}ay$: $ra\bar{j}ayd$ "копить", "накапливать" при шугн. $wizin$: $wizid$ "собирать". Это свидетельствует об актуальности подобных образований в сравнительно поздний период.

§ III. По аналогии с глаголами с исходом корня на -d/t согласный -d стал добавляться к суф. -n в этимологически неоправданных случаях, в результате чего возник усложненный суффикс переходности -nd. Ср. парные противоположения.

перех. руш. $virand$: $virux\bar{t}$, язг. $virand$: $verox\bar{t}$ "разбивать"
неперех. руш. $viraw$: $virux\bar{t}$, язг. $veraw$: $viro\bar{x}\bar{t}$ "разбиваться"

В этом примере переходный суф. -nd противопоставлен унаследованной древней основе на *-s > *š (* $\bar{b}ri$ -š), где *š (> шугн., срк., руш., барт., язг. w), естественно, не могло стать приметой непереходности, - подобные основы остались залогово нейтральными и только противоположение основе на -nd придавало им непереходное значение. Ср. данный глагол с нерасчлененным залоговым значением в остальных языках группы, где переходная основа на -nd для этого глагола не была образована: шугн. $vi\bar{a}\gamma$: vi -

ruḫt, барт. virāw : viruḫt, срк. virəyṭ : viraḫt "ломать(ся)",
"разбивать(ся)".

По этой же модели образованы следующие переходные основы:
руш. žirand : žiruḫt, язг. ʔəxand : ʔəroḫt (но шугн. žiraḫ : ži-
ruḫt, барт. žirāw : žiruḫt) "кусать", "жалить"; шугн. žiband :
žibuḫt (но срк. žibəyṭ : žibaḫt) "отрубать", "отрезать" (при от-
сутствии этого глагола в остальных языках группы).

§ II2. Аналогичное явление произошло в корнях с исходом на
*-p/b, где инф. -n ассимилировался в m, и возникшее сочетание -mb
стало признаком переходности. Ср. следующие пары.

перех.шугн. гр. niḍēmb : niḍēmt, язг. nəḍamb : nəḍovd "прилеплять"

неперех.шугн.гр. niḍafs : niḍūvd, язг. nəḍafs : nəḍovd "прилипать"

перех.шугн. гр. biḍēmb : biḍēmt, язг. bəḍamb : bəḍovd "смыкать"

неперех.шугн.гр. biḍafs : biḍāvd, язг. bəḍafs : bəḍovd "смыкаться"

перех.шугн.гр. niḫciṛēmb : niḫciṛēmt, язг. səṛamb : sərovd "щипать"

неперех. шугн. гр. ciṛafs : ciṛūvd, язг. səṛafs : sərovd "щипать"
"саднить"

Этот тип противоположения был более распространен в шугнан-
ской группе, причем показатель -mb сопровождался здесь усилением
корневой гласной, т.е. происходил процесс уподобления этих гла-
голов каузативным с переносом сильной огласовки на основу про-
шедшего времени (шугн. biḍēmb : biḍēmt и пр.).

Как примета переходности -mb распространилось в шугнанской
группе на глаголы с исходом корня на -m. Ср. приводимые ниже слу-
чай, где b добавлено к корню по аналогии с предыдущими глагола-
ми: шугн. naḫzimb : naḫzimt "провождать" при naḫziḥ : naḫziḥ "про-
ходить" (*√gam-, ср. язг. aḫam : aḫomt "посылать"); шугн. ḫēmb :
ḫēmt "желать", "хотеть" при язг. kam : komt (*√kam). Сюда же,

возможно, относится шугн. wiṛēmb : wiṛēmt "ставить", если здесь
корень *√gam- (ср. мундж. viṛem : viṛimd "стоять", но ср. также
шугн. wiṛāfs : wiṛūvd "стоять").^I

§ II3. В рассмотренном использовании показателей -n и -n-
шугнано-язгулямской группой следует отметить следующие моменты.
Сам по себе n-показатель не всегда был достаточен для обозначения
переходности, поскольку он мог смешиваться с корневым исход-
ным -n (ср. язг. sin- "подниматься", шугн. siṛān- "поднимать-
ся").^I Поэтому он должен был быть поддержан дополнительными сред-
ствами, что осуществлялось сочетанием n с согласными d (показа-
тель -nd) или b (показатель -mb) и усилением огласовки (-ēmb и
иногда -ēnd).

Сочетания -nd и -mb, как самостоятельные суффиксы пере-
ходности, в дальнейшем не развивались и утратили свою продуктив-
ность. Усиление же огласовки перед -n получило в дальнейшем осо-
бое развитие (см. § I52).

§ II4. В мунджанском языке обнаруживаются переходные основы
с -n- перед корневым d или b, главным образом унаследованные или
общие с шугнано-язгулямской группой. Но каких-либо следов даль-
нейшего самостоятельного развития -n- в мунджанском языке не на-
блюдается. Напротив, в современном мунджанском и йидга -n- выпа-
ло, и его наличие в глагольных основах в прошлом узнается лишь
по сохранению d и b. Так, имеем: мундж. bṛnd : bṛnst "надевать"
(язг. neḡand : neḡost); мундж. xṛnd : xṛnst "скоблить" (шугн.

^I Может быть, здесь контаминация корней *√gar и *√gam.

^I Этимология siṛān- не очень ясна. Если здесь *√pat- с
ранним n-формантом (*patn-) и с соответствующим выпадением t, то
это n давно вошло в состав корня (ср. язг. fin- "спускаться" и
шугн., язг. ziban- "отпрыгивать", "шарахаться" того же корня).

kirand : kirūst, язг. berxand : berxast); мундж. sknd : sknst "отрезать" (шугн. xīčand : xīčuht "отрезать", вах. skend : skest "разбивать(ся)"); мундж. lmb : lmbt "теребить шерсть" (сангл. dēmb- "теребить шерсть", ср. мундж. dmf : dmyt, руш. nīdafs : nīdāvd "драться"); мундж. omv : omvd "ущипнуть" (ср. язг. cafs : cūvd "впиваться", "вонзаться").

Однако в более раннее время показатель -n- в мунджанском языке несомненно был актуален. Приведенные выше глаголы в настояще-будущем времени идут по непереходному типу спряжения, имея в 3 л. ед.ч. окончание -ī (būndī, xīčndī и пр.), что может быть объяснено именно наличием специального форманта переходности (-n-) в этих основах в прошлом (см. по этому поводу § 57).

НЕПЕРЕХОДНЫЕ ОСНОВЫ НА *-ya в шугнано-язгулямской группе

§ II5. Как можно видеть по изложенному выше, главное расхождение между сравниваемыми языками в глаголе (два спряжения в мунджанском при одном спряжении в шугнано-язгулямской группе) сводится лишь к различному использованию общих унаследованных аффиксов для обозначения непереходных глаголов в настоящем времени: в мунджанском языке для этой цели были активизированы основы на -ya, в шугнано-язгулямской группе - основы на -s. Но и это, по существу своему чисто внешнее, расхождение не является абсолютным. Языки шугнано-язгулямской группы тоже обнаруживают довольно четкие следы активного использования в прошлом основ на -ya для непереходных глаголов.

В шугнанской группе такие следы обнаруживает бартангский язык. В глаголах с исходом корня на сонант *w непереходное значение в бартангском языке выражается i-умлаутной перегласовкой. Ср. барт. wīzīw : wīzud "гаснуть" при wīzāw : wīzāwd "гасить"; žīw :

žud "гореть" при žāw : žāwd "зажигать"; pišīw : pišud "развлекаться" при pišāw : pišāwd "развлекать"; sirīw : sirud "отделиться", "отсортироваться" при sirāw : sirāwd "отобрать", "отсортировать"; xīcīw : xīcōd "замерзать" при xīcāw : xīcāwd "замораживать"; firīw : firud "ополаскиваться" при firāw : firāwd "полоскать". Перегласовка на -ī предполагает здесь, во-первых, основу на *-ya, во-вторых - слабую гласную в корне (*-aw > [-aw]), поскольку ī как результат i-умлаута возникало в бартангском из *e, а не из *a, дававшего в i-умлауте ē (ср. барт. mīrt "умирает" при vērā "несет"; см. ГОЯШ § 83).^I

Консервация этого способа различения переходных и непереходных глаголов в бартангском продиктована ослаблением в нем сильной огласовки *ā перед w (> ā вместо закономерного ō или ē). Ср. барт. žāw "зажигать" при žīw "гореть" при хорошо сохранившейся i-умлаутной каузативной огласовке в шугнанском: žēw- "зажигать", žāw- "гореть".

§ II6. В рушанском языке тоже находим перегласовку на ī в аналогичных бартангскому языку случаях, но в меньшем количестве глаголов. Ср. руш. wīzīw : wīzud "гаснуть" при wīzēw : wīzēwd "гасить", žīw : žud "гореть" при žēw : žēwd "жечь", pišīw : pišud "развлекаться" при pišēw : pišēwd "развлекать". По-видимому, в рушанском это остаточное явление (ср. допущение параллельных форм руш. pišīw-/pišaw- "развлекаться"), поскольку каузативная ē-огла-

^I Но возможно, что здесь позднее ослабление из средней огласовки (-āw > -aw). Ср. аналогичное язг. rīw- "гнить" при шугн. rī-, что предполагает или употребление средней ступени параллельно со слабой [ri-/rē- и raw-], или же фонетически двойное (вариантное) выявление слабой ступени [«ri-ya/rē-ya» и «raw-ya»].

совка в большинстве случаев здесь достаточна для обозначения переходных глаголов.

§ 117. В язгулямском языке i-огласовка как признак переходности получила значительное развитие. В нем, как уже говорилось в § 100, сильная i-умлаутная огласовка совпала с *а не только перед w, как в бартангском, а во всех положениях, так что каузативные глаголы вообще утратили свою внешнюю примету: ср. кауз. *beraz-* "пить" (шугн. *birēz-*) и перех. *zəban-* "отпрыгивать" (шугн. *ziban-*). Поэтому здесь сохранилась, а затем и получила широкое распространение i-умлаутная огласовка переходных основ, заменившая суф. *-ya. Ср. засвидетельствованные в язгулямском языке переходные глаголы с i-огласовкой: *piw : pōd* "гнить", *pərgiū : pərgūā* "свернуться (о молоке)"; *s(ə)pin : s(ə)pūd* "наполниться" при *s(ə)pan : s(ə)pan̄t* "наполнять"; *wəsin : wəsūd* "отрастать" при *zan : sant* "отращивать"; *wirv : warvd* "кипеть" при *wervan : wervant* "кипятить"; *wəgin : wəgūd* "раскрутиться" при *wərgan : wərgan̄t* "раскрутить"; *wəziw : wəzod* "гаснуть" при *wəzaw : wəzawd* "гасить"; *nəsin : nəsūt* "подниматься"; *sin : sūd* "всходить (о светилах)"; *gin : gont* "пролиться" при *gan : gont* "пролить"; *s(ə)xīw : s(ə)xūst* "вымирать (о скоте)" при *s(ə)xaw : səxawd* "вырезать скот"; *fərip : fərap̄t* "достигать" при *fərapan : fərapant* "доставлять"; *šik : šakt* "капать"; *zəgabiw : zəgabaht* "вздрагнуть", "передернуться"; *riwz : rawz* "дрожать"; *tifs : tūvd* "накаливаться"; *tip : tapt* "двигаться"; *š/xəwīk : š/xwaht* "качаться", "колыхаться"; *paḍir : paḍīg* "удерживаться" при *pərgar : pərgard* "удерживать"; *səriḍ : sərust*, *pərciḍ : pərcūst* "разрывать" при *sərand : sərust* "рвать", "грызть (о собаке)"; *zəḡniḍ : zəḡnaht* "упасть", "обвалиться"; *əmbis : əmbust* "обрушиться"; *pərgdis : pərgost* "доить", "давать молоко".

§ 118. Хотя в шугнанском и сарыкольском языках основы на *-ya вообще не получили дальнейшего развития, следы их все же обнаруживаются и здесь. Это i-умлаутная огласовка в переходных глаголах с исходом основы на -ḍ (<as). Ср. шугн.: *piḍvīḍ-* "срастаться", *paḥfīḍ-* "выпадать", *piḍ-* "рваться", *riḍ-* "убегать", *ambis-* "обрушиваться", *sixiḍ-* "отделиться", "оторваться", срк. *gaseḍ-* "убегать", *ymbis-* "обрушиться". Но поскольку переходные основы на -aya со средней огласовкой давали тот же результат (ср. шугн. *piḍvīnd-* "сращивать"), то умлаутная огласовка не могла здесь стать приметой переходных глаголов. В шугнанском языке к тому же гласный i продолжал также *а нейтрального положения, так что он вообще едва ли мог быть использован как примета переходности; но зато, как мы видели, шугнанский язык хорошо развил примету переходности (ē-огласовка, - § 103).

§ 119. В сарыкольском языке, как и в язгулямском, переходные глаголы в противоположность шугнанскому полностью утратили свою внешнюю примету, поскольку в них *ā так или иначе слилось с *а (§ 100). Поэтому можно было бы ожидать в сарыкольском развития i-умлаутной перегласовки для переходных глаголов. Однако этого не произошло. В нужных случаях размежевание переходных и переходных глаголов достигалось здесь другими способами, главным образом использованием позднего суффикса переходности -on. Ср. срк. *šew-* "гореть", *šawon-* "жечь"; *wazew-* "гаснуть", *wazawon-* "гасить"; *pəu-* "гнить", *rawon-* "гноить"; *tazon-* "сцезивать" (при шугн. *tēz-*, руш. *tēz-*, барт. *tōz-*) и пр. Показательно срк. *fyrops-* "достигать", *fyrapon-* "доставлять" со специфически сарыкольским -s. В остальных языках противоположение этой пары обеспечивается различием огласовки: шугн., руш., барт. *fiḡar-* "достигать" при шугн. *fiḡēr-*, руш. *fiḡēr-*, барт. *fiḡōr-* "доставлять". Таким же первоначально было и противоположение в

сарыкольском. Но слияние в дальнейшем *i*-умлаутного *а и а-умлаутного *а в одном гласном о (что дало бы *fi*gor- "достигать" и *fi*gor- "доставлять") требовало дополнительного различительного средства, которым оказался суф. -s: *fi*gor-s- "достигать". Очевидно, к этому времени актуальность основ на *-уа как живого грамматического средства в сарыкольском языке была уже утрачена (ср. иной результат в язгулямском при той же ситуации: язг. *fə*rip- "достигать" при *fə*gar- "доставлять").

выводы

§ 120. В результате сравнительного рассмотрения мунджанского и шугнано-язгулямского глагола в настояще-будущем времени приходим к следующим выводам.

1. Как в мунджанском языке, так и в шугнано-язгулямской группе протекал один и тот же процесс формального разграничения переходных и непереходных глаголов в настояще-будущем времени.

2. Использувавшиеся для этого грамматические средства почти полностью совпадали. Исключение составляет суффикс непереходности -s, не использованный в мунджанском языке. Остальные средства - сильная ступень огласовки и аффиксы -n-, -n для переходных глаголов, слабая основа на -уа - для непереходных, - были для сравниваемых языков общими; различались лишь степень или широта их использования.

3. Развитие основ на -уа дало в мунджанском языке окончание -ī в 3 л. ед.ч., ставшее универсальной приметой непереходных глаголов. Этот результат был обусловлен в мунджанском языке фонетической особенностью мунджанского t, перешедшего в интервокальном положении в у, что дало в применении к указанной глагольной форме *-yati > [-yauī] > -ī. В шугнано-язгулямской же группе t сохранялось в любых условиях.

4. Если использование основ на -уа в шугнано-язгулямской группе не получило отражения в особом окончании, то оно отражено здесь обычным для данной группы способом: *i*-умлаутной перегласовкой корневой гласной. Эта примета непереходных глаголов получила широкое распространение в язгулямском языке. Язгулямский язык, утративший сильную огласовку, т.е. главную примету переходных глаголов, развил взамен этого формализацию непереходных глаголов, дополнив более ранние образования на -s (в основном общие с шугнанской группой) более поздним способом: перегласовкой основы на -i.

Шугнанский язык, хорошо сохранивший каузативную огласовку, напротив, развил класс переходных (каузативных) глаголов, вовсе не образовав для непереходных глаголов какой-либо приметы, которая продолжила бы основу на -уа. Языки бартангский и рушанский занимают промежуточное положение: в них частично (в малой степени) использована перегласовка на i для непереходных глаголов и несколько ослаблена роль каузативной огласовки. Сарыкольский язык, как и язгулямский, утратил примету переходных глаголов - сильную огласовку. Но это произошло в позднее время, когда основы на -уа были уже непродуктивны или вовсе исчезли, так что сарыкольский язык использовал для обозначения переходности уже новые, современные, средства - каузативный суффикс -on. Поэтому сарыкольский язык в значительно меньшей степени, чем другие языки, отражает прежнюю картину разграничения переходных и непереходных глаголов, сохранив в их составе лишь примету -s.

Мунджанский язык в отличие от языков шугнано-язгулямской группы формализовал оба класса глаголов, как переходных, так и непереходных, создав соответственно два спряжения - I (каузативное) и II (спряжение на -ī из основ на -уа).

5. Следовательно, мунджанское спряжение на -I в диахроническом аспекте не составляет специфики мунджанского языка и не противопоставляет его шугнано-язгулямской группе. Напротив, мунджанское окончание -I, будучи этимологически и функционально равным язгулямо-бартанго-рушанской перегласовке на i/I в непереходных глаголах, объединяет мунджанский язык с шугнано-язгулямской группой.

6. Общей чертой сравниваемых языков является также несостоятельность указанного процесса. Как в шугнано-язгулямской группе, так и в мунджанском языке формализация переходных и непереходных глаголов старыми унаследованными средствами не могла быть доведена до конца. Факторы, препятствовавшие последовательному формальному размежеванию переходных и непереходных глаголов в шугнано-язгулямской группе, были те же самые, что и в мунджанском языке. Средняя огласовка оставалась промежуточной, равно обслуживая как переходные, так и непереходные глаголы, ср. шугн. wāz- "плавать" и wāt- "приносить", xīdāf- "лопаться" и wāf- "ткать" и пр. Как и в мунджанском языке, обнаруживаются следы выравнивания непереходных глаголов по слабой огласовке: ср. шугн. anjafs- "браться" при anjāv- "брать"; sitafs- "жариться"; rīdafs- "прилипнуть"; руш. warv- (при шугн. wārv-) "кипеть"; si-fan- (при шугн. si-fān- "подниматься") и пр. (ср. ГОЯШ § 46).

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

НЕОТДЕЛЯЕМОСТЬ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В МУНДЖАНСКОМ

§ 121. Главной отличительной чертой мунджанского языка в прошедшем времени является неотделимость от глагола личных окончаний, в то время как в шугнано-язгулямской группе личные глагольные показатели представляют собой энклитики и присоединяются

к любому члену предложения: ср. мундж. ze nyōstām "я сел", мып pīstym "я спросил" и барт. āz-um nōst, mun-um rāwst.

Истоки этого расхождения лежат в особенностях конструкций I и III. В конструкции I, равной именному предложению со связкой (§ 77), место глагольной связки было в принципе безразлично: она могла стоять и перед предикатом, и после него. Ср. ав. srīgō ahi..., hukeretō ahi "прекрасен еси..., хорошо сложен еси" и ...yā henti rao¹tyō.dāta "...которые суть первозданные". Шугнано-язгулямская группа с ее отделяемыми личными показателями продолжает именно эту, - связочную, - структуру фразы.

В притяжательной конструкции III, напротив, место энклитического местоимения было постоянным: в роли личного показателя оно могло сочетаться только с отглагольным именем, как его определитель [yngyčam-ш "мое взятие", "мое взятое"], поскольку энклитическое местоимение определяет только то слово, к которому оно присоединяется (ср. современное мунджанское te rūt-yt "твой сын", tōtyam "мой отец" и пр.). Следовательно, мунджанский глагол с его неотделяемыми личными окончаниями продолжает притяжательную (определятельную) структуру предложения.

§ 122. Стало быть, происходившая в языках унификация связочных и местоименных личных показателей (§ 89) сопровождалась и унификацией их места во фразе: либо по типу связочной конструкции (I) со свободным местом во фразе, либо по типу определяющей конструкции (III) с закреплением их в составе глагола. При отождествлении связки с местоименными энклитиками в общей для них функции личного окончания прежние их синтаксические различия уже не могли быть сохранены.

§ 123. Причины, по которым мунджанский язык продолжил местоименно-энклитическую, а шугнано-язгулямская группа - связочную структуру глагольного предиката, могут быть следующими.

Возможно, что известную роль сыграло языковое окружение. Шугнано-язгулямская группа вместе с ишкашимским и ваханским языками составляет единую территориальную зону отделяемых личных показателей, а мунджанский язык находится в окружении языков с неотделяемыми личными окончаниями (афганский, таджикско-персидский языки).

Главной же, - внутриязыковой, - предпосылкой этого расхождения явилась различная судьба полнозначных энклитических местоимений в сравниваемых языках: в мунджанском языке они сохранились (ср. мундж. *rūr-ūt* "твой сын", *rūr-um* "мой сын"), а в шугнано-язгулямской группе были полностью утрачены. Именно утрата полнозначных энклитических местоимений создала условия для развития отделяемых личных показателей. В противном случае отделение личных местоименных показателей от глагола привело бы к их смешению с полнозначными энклитическими местоимениями и к двусмысленности фразы: мундж. *wē rūr-ūt mōāK* "того сына твоего (он) убил" означало бы также "его сына ты убил". Именно это последнее значение и имеет аналогично построенная фраза в языках шугнано-язгулямской группы, где полнозначные энклитические местоимения утрачены: шугн. *wī rus-at zīd* "его сына ты убил". Ср. построение фразы с этим значением в мунджанском: *wē rūr mōāKūt* "его сына ты убил".^I

^I Возможно, что энклитические местоимения в мунджанском сохранились не без влияния таджикско-персидского языка. Во всяком случае, в большинстве своем они или заимствованы из персидского, или контаминированы с персидскими энклитиками (ср. их перечень: мундж. *-(y)m*, *-(y)t*, *-(y)š*, *-(y)mōn*, *-(y)fōn*, *-(y)šōn*).

§ 124. С отделяемостью личных показателей связана другая особенность глаголов прошедшего времени в шугнано-язгулямской группе. В рушанском и язгулямском языках переходный глагол не имеет личных показателей в косвенной конструкции (т.е. при наличии во фразе местоименного подлежащего в косвенном падеже): ср. руш. *mi kitōb zūxt*, язг. *mun kiteb zext* "я взял книгу" и ту же фразу без подлежащего: руш. *kitōb-um zūxt*, язг. *kiteb-em zext*.

Поскольку местоименные личные показатели в шугнано-язгулямской группе по аналогии со связкой стали отделяемыми (§ 121), их одновременное употребление рядом с полным местоимением в одной и той же функции в пределах одной и той же фразы стало плеонастичным, и оба элемента конструкции III - местоимение в косвенном падеже и местоименная энклитика - стали взаимозаменяемыми. Ср. с соответствующим опущением того или иного элемента руш. *mi kitōb-(-um) zūxt* и *(mi) kitōb-um zūxt* "я взял книгу".

Стало быть, в шугнано-язгулямской группе конструкция III не получила такого закрепления и развития, какое она имела в мунджанском языке: возможное опущение местоименных энклитик означало ее разрушение; причем началось это разрушение конструкции III на сравнительно раннем этапе, когда переходный глагол еще не был полностью активизирован и когда местоименные личные показатели сохраняли еще свое первоначальное этимологическое значение местоименных энклитик, противопоставляясь связке. Об этом свидетельствует тот факт, что падение личных показателей в рушанском и язгулямском языках произошло только в косвенной конструкции и вовсе не коснулось непереходных глаголов: ср. руш. *az-um nost*, язг. *az-em nūst* "я сел".

Надо полагать, что отделение местоименной энклитики от глагола, а затем и ее опущение в конструкции III, в условиях еще сохранявшейся залоговой нерасчлененности глагола, могло осуществляться первоначально лишь ситуационно, когда активное значение переходного глагола достаточно хорошо определялось контекстом. И только впоследствии, по завершении активизации переходного глагола, модель косвенной конструкции без личных показателей (руш. $\text{mi } \text{zi}^{\text{h}}\text{xt} < [\text{mun}-(\text{um}) \text{zi}^{\text{h}}\text{xt}]$) стала постоянной для рушанского и язгулянского языков. Для остальных языков группы не обязательно говорить об утрате этой модели: подобной ее абсолютизации в них могло и не быть (ср. ГОЯШ § 3).

§ 125. Таким образом, роль конструкции III в становлении глагола прошедшего времени в сравниваемых языках была несколько различной. Если в мунджанском языке конструкция III явилась основным средством активизации переходных глаголов, то в шугнано-язгулянской группе, рано подвергшись разложению, она в значительно большей степени нуждалась в дополнительных средствах. В частности, побочная для мунджанского языка активизация переходных глаголов через конструкцию I (§ 86) могла приобрести в шугнано-язгулянской группе первостепенное значение, что, по всей вероятности, и явилось причиной сравнительно раннего вытеснения косвенной конструкции в ряде языков шугнанской группы (шугнанский, сарыкольский языки и орошорский диалект бартангского языка).

То, что утрата косвенной конструкции в этих языках диктовалась внутренними языковыми причинами, а не явилась результатом лишь внешних влияний (например, влияния таджикско-персидского языка), достаточно хорошо показывает орошорский диалект. Будучи изолирован в труднодоступном верховье Бартанга и очень мало подвержен каким бы то ни было языковым влияниям, он тем не менее полностью утратил косвенную конструкцию. Консервации же косвенной конструкции в собственно бартангском языке способствовало, по

всей вероятности, воздействие рушанской языковой нормы.

Таким образом, в специальном объяснении нуждается не ранняя утрата косвенной конструкции в названных языках шугнанской группы, а сравнительно длительное ее сохранение в рушанском и язгуляньском языках. Возможно, что известную роль здесь сыграла происходящая в этих языках абсолютизация косвенной конструкции без личных показателей (§ 124), что не могло не упрочить формальное противоположение переходных и непереходных глаголов, получивших тем самым различное спряжение: без личных показателей для первых и с личными показателями для вторых (руш. $\text{mi } \text{zi}^{\text{h}}\text{xt}$ "я взял", но az-um post "я сел"; ср. единую модель спряжения в бартангском языке: барт. $\text{mun-um } \text{zi}^{\text{h}}\text{xt}$ "я взял" и $\text{az-um } \text{pi}^{\text{h}}\text{st}$ "я сел").

Глаголы с залоговой нерасчлененностью в шугнано-язгулянской группе

§ 126. Раннее разложение специальной формы для активизации переходных глаголов (падение в конструкции III местоименных энклитик) не могло не сказаться на степени залоговой расчлененности переходных глаголов. В шугнано-язгулянской группе значительно большее число глаголов сохранило в основе прошедшего времени залоговую нерасчлененность по сравнению с мунджанским языком. Ср. шугн. $\text{pi}^{\text{h}}\text{xt}$ "сварил" ($\text{pi}^{\text{h}}\text{}$)¹ и "сварился" ($\text{pi}^{\text{h}}\text{is}$); $\text{pi}^{\text{h}}\text{id}$ "зажег" ($\text{pi}^{\text{h}}\text{idin}$) и "загорелся" ($\text{pi}^{\text{h}}\text{idis}$); $\text{an}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{vd}$ "взял", "схватил" ($\text{an}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{av}$) и "взялся", "принялся" ($\text{an}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{afe}$); $\text{zi}^{\text{h}}\text{du}^{\text{h}}\text{xt}$ "разорвал" ($\text{zi}^{\text{h}}\text{de}^{\text{h}}\text{rd}$) и "разорвался" ($\text{zi}^{\text{h}}\text{da}^{\text{h}}\text{rd}$); $\text{da}^{\text{h}}\text{a}$ "ударил", "бросил" ($\text{da}^{\text{h}}\text{d}$) и "упал", "бросился" ($\text{da}^{\text{h}}\text{i}$); $\text{wi}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{vd}$ "вернул" ($\text{wi}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{eb}$) и "вернулся" ($\text{wi}^{\text{h}}\text{j}^{\text{h}}\text{afe}$); $\text{du}^{\text{h}}\text{d}$ "сжег" ($\text{de}^{\text{h}}\text{w}$) и "сгорел" ($\text{da}^{\text{h}}\text{w}$); $\text{wi}^{\text{h}}\text{zd}$ "погасил" ($\text{wi}^{\text{h}}\text{e}^{\text{h}}\text{w}$) и

¹ В скобках приводятся основы настоящего времени.

"погас" (wizāw); viruḫt "сломал" (viraḫ, руш. virand) и "сломался" (viraḫ, руш. viraw) и др.

Формальное залоговое размежевание прошедших основ продолжается в шугнано-язгулямской группе вплоть до настоящего времени, с различной интенсивностью в различных языках. Достигается оно или образованием новой прошедшей основы от основы настоящего времени, или использованием позднего суффикса переходности: шугн., руш. -ēn, барт. -ēn, срк. -on, язг. -an. Ср. шугн. riṣēw : riṣēwd "развлекать" (riṣaw : riṣud "развлекаться"); барт. ḡaw : ḡawd, срк. ḡawon : ḡawont "жечь" (барт. ḡIw : ḡud, срк. ḡew : ḡud "гореть"; ср. шугн. нерасчлененное ḡēw : ḡud "жечь" и ḡaw : ḡud "гореть"); шугн., руш. warvēn : warvēnt, шугн. также wērv : wērvd, барт. warvōn : warvōnt, срк. warvon : warvont, язг. warvan : warvant "кипятить" (шугн., руш., барт. wārv : wīrvd, срк. wovv : wīrvd, язг. wīrv : warvd "кипеть") и пр.

ОТСУТСТВИЕ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ

§ 127. Разобранные выше расхождения связаны с различной степенью использования в сравниваемых языках конструкции III, - в шугнано-язгулямской группе она подверглась сравнительно раннему разложению. Однако к этому времени конструкция III уже достаточно прочно определила номинативное построение фразы с ориентацией глагола на субъект действия (хотя и выраженного в косвенном падеже).

Существенно, что конструкция II с вытекающим из нее объектным спряжением не была использована для образования форм прошедшего времени ни в мунджанском языке, ни в языках шугнано-язгулямской группы: ни в одном из них не обнаруживается никаких следов объектного спряжения. Напротив, шугнанская группа дает нам свидетельства обратного: особенности сохранившегося в ней граммати-

ческого рода в глаголе говорят об отсутствии объектного спряжения в прошлом.

§ 128. Изменение по роду в шугнанской группе свойственно только непереходным глаголам, переходные глаголы категории рода не знают: ср. барт. āz-um pḡst "я сел", āz-um nāst "я села" (<"я севший, севшая есмь") и āz-um vḡst "я привязал" и "я привязала". Это значит, что переходный глагол в отличие от непереходного конструировался во фразе вне согласования с тем или иным членом предложения. Такой структуре фразы, построенной не по принципу согласования, а по принципу управления, как раз и отвечает конструкция III ("у меня мое взятие"). Логический объект действия в такой фразе конструировался первоначально или как косвенное дополнение к отглагольному имени, или как его определение ("у меня мое взятие по отношению к тому-то" или "у меня мое взятие того-то").

Стало быть, противоположение переходных и непереходных глаголов в конструкциях I и III по падежу субъекта действия и по личным показателям сопровождалось с самого начала также и различием их по признаку рода: непереходные глаголы в конструкции I, согласуясь с подлежащим, изменялись по роду, непереходные глаголы в конструкции III, функционируя вне согласования, не изменялись по роду.

В шугнано-язгулямской группе с ее ранним разложением конструкции III, не всегда обеспечивавшей переходному глаголу активное (переходное) значение, этот дополнительный противопологающий признак переходности-непереходности получил грамматическую актуальность. Отсутствие грамматического рода стало значимым формальным признаком переходности, а вместе с тем и дополнительным способом (наряду с контекстом, § 125) активизации переходных глаголов. Об этом достаточно ясно свидетельствуют глаголы нерасчлененного залогового значения.

§ 129. Возвращаясь к этим глаголам (шугн. *rēxt* "сварил" и "сварился", § 126), мы должны оговориться, что их нерасчлененность является чисто лексической. Грамматически же *rēxt* в значении "сварить" и *rēxt* в значении "свариться" — различны. *rēxt* в значении "свариться", будучи глаголом непереходного значения, имеет формальные признаки непереходных глаголов: он изменяется по роду и всегда конструируется с прямым падежом подлежащего. В значении же "сварить" он имеет оформление переходных глаголов, не изменяясь по роду и конструируясь (там, где сохранилась косвенная конструкция) с косвенным падежом подлежащего. Ср. барт. *āz-um rēxt* "я сварился", *āz-um rāxt* "я сварилась" и *muṣ-um rēxt* "я сварил", "я сварила". Таким образом, противопоставление переходных и непереходных глаголов по признаку рода достаточно сохраняется (в глаголах двойственного значения) вплоть до настоящего времени. Именно это использование признака рода как добавочного средства залогового расчленения способствовало его консервации в глаголах прошедшего времени в шугнано-язгулямской группе.^I

Выводы

§ 130. В результате мы приходим к следующим основным выводам относительно прошедшего времени в сравниваемых языках.

I. Первоначальный этап становления форм прошедшего времени в мунджанском языке и шугнано-язгулямской группе был общим.

^I В язгулямском и сарыкольском языках род в глаголе утрачен недавно вместе с общей утратой рода в этих языках (ср., например, язг. *vraḥt* "мука", этимологически — причастие на *-tā женского рода — "разбитая", "раздробленная").

2. Образование форм прошедшего времени осуществлялось через конструкцию I (непереходные глаголы) и III (переходные глаголы).

3. Конструкция II не использовалась для образования форм прошедшего времени, и сравниваемые языки не знали объектного спряжения в прошедшем времени.

4. Внешними показателями развития форм прошедшего времени через конструкции I и III являются личные глагольные окончания, отражающие как связку, так и энклитические местоимения, а также неразличение рода переходными глаголами при различении его непереходными (в шугнано-язгулямской группе).

ПЕРФЕКТ

ПЕРФЕКТНАЯ ОСНОВА

§ 131. Перфектная основа в мунджанском языке, как и во всех остальных памирских языках, продолжает старое вторичное причастие, осложненное суф. *-ка (тип: **kṛtaka*-). Специфическое сходство в перфектной основе в сравниваемых языках составляет восстанавливаемая для них фонетическая исходная общность суф. *-а-ка с мягким [к] и безударной редуцированной гласной [-ə́к(ə)]. Эта форма суффикса дала закономерное -ə́/ǝ́ в шугнанской группе с падением редуцированного гласного, а в мунджанском языке [-ə́к] дало смягчение [к] в у, которое в сочетании с [ə́] образовало слабый дифтонг -ну, чередующийся с т (§§ 28-29). Поэтому перфектные основы шугн. *níṭuḥə́* и мундж. *nyṭuḥə́kny* — "слышать" или шугн. *zuḥə́* и мундж. *ḥuṭuṭu* — "уходить" в историческом плане — формы совершенно идентичные.^I

^I Язгулямский ударный формант перфектной основы -ə́g (*neṭə́ḥ-tə́g*, *ḥə́də́g*) является результатом позднего переноса ударения на

§ 132. Другим общим свойством перфектной основы в сравниваемых языках является изменение ее по роду. Ср. мундж. *puḡstny* "сел" и *puḡstəṭe* "села", шугн. *puḡḡ* "сел" и *niḡo* "села".

Однако, как можно видеть, основы женского рода в формальном отношении здесь не равны друг другу, имея различное образование. В шугнанской группе они продолжают старое образование на *-ḡi, в мунджанском же языке представляют собой новообразование с поздним суффиксом -ṭe.

Но это не значит, что мунджанский язык не знал в прошлом суффикса женского рода *-ḡi. Следы этого суффикса обнаруживаются в мунджанском в именном словообразовании: ср. тождественные по образованию шугн. *miḡənz* (ж.р.) и мундж. *miḡəni* "средний по возрасту" < *maḡuan(ə)ḡi. Здесь мы видим сохранение суф. *-ḡi в мунджанском в положении после согласного. В перфектной же основе в положении между гласными мягкое [ḡ] в [-əḡi] тем более должно было дать у, если его дало мягкое [k] в [-əke]. Таким образом, суффиксы мужского и женского рода причастия на *-aka и *-aḡi стали смешиваться в одном фонетическом результате [-əy] > -ny. Между тем, потребность различения рода продолжала сохраняться, и поэтому для женского рода была образована новая форма вторичного причастия с поздним суффиксом -ṭe.

Называть это причастие основой перфекта (ж.р.) можно лишь с известными оговорками. Функционально она далеко не всегда равна перфектной основе на -ny, в большей степени сохраняя связь с прежним своим именным (причастным) значением. Однако это расхождение между *puḡstny*- (м.р.) и *puḡstəṭe* (ж.р.) относится уже к функционированию перфекта как глагольной формы.

[э] суффикса, что и вызвало его переход в а. Ударное *-aka имело бы своим продолжением язг. -aḡ.

ФОРМЫ ПЕРФЕКТА

§ 133. В синхронном плане перфект мунджанского языка сильно отличается от перфекта шугнано-язгулямской группы. Но в историческом аспекте это расхождение определяется лишь как различие в этапах одного и того же процесса формирования перфекта. Шугнано-язгулямская группа представляет нам перфект в завершенном виде, а мунджанский язык — в стадии становления. Поэтому все факты, относящиеся к мунджанскому перфекту, приобретают особый интерес и заслуживают в дальнейшем специального исследования. Здесь же могут быть изложены лишь основные его характерные черты. Эти черты следующие.

1. Слабая расчлененность значений перфектной основы и причастия.

2. Эта нерасчлененность характерна главным образом для 3 л. как единственного, так и множественного числа.

3. Глагольно-именная нерасчлененность перфектных основ связана также с переходностью и непереходностью глагола: у переходных глаголов причастная их природа выявляется в большей степени.

В соответствии со сказанным, ниже приводится раздельное изложение перфекта для непереходных и переходных глаголов, а внутри каждого этого подразделения 3 л. рассматривается отдельно от первых двух лиц.

Непереходные глаголы

3 лицо

§ 134. В 3 л. перфект личных окончаний не имеет, но изменяется по роду и числу, в соответствии с чем представлен в следующих четырех формах.

Ед.ч.

Мн.ч.

nyōsty (он) сел	nyōstyī (они) сели (м.р. и общий)
nyāstəḡe (она) села	nyāstəḡī (они) сели (ж.р.)

Формант *-ī* во множественном числе - не личное окончание, а именной показатель множественного числа, такой же, как в *yōsr-ī* "лошади", *stūr-ī* "большие" и пр. Таким образом, формально мы здесь имеем причастие, изменяющееся не как глагол, а как имя. Соответственно этому и предложение с подобным сказуемым является с формальной точки зрения именным, а не глагольным. Ср. следующие предложения, из которых видно, что совершенное сказуемое оформляется точно так же, как именное: *myā wə andiwōl-ī - nōjūr-ī* "мои товарищи больны" и *myā wə andiwōl-ī šyūyū-ī* "мои товарищи ушли"; *yə kḡkḡkə myḡ-ḡe yō zyndə-ḡe?* "эта девушка умерла или жива? (= умершая или живая?)" и пр.

1 и 2 лица

§ 135. В первых двух лицах перфект имеет глагольное спряжение с личными окончаниями, - теми же, что для прошедшего времени, - и по роду, по-видимому, как правило, не изменяется (ср. *tḡ xiyānī žinkə vīyāy* "сама ты - женщиной оказалась").^I В качестве

^I Степень употребления форм женского рода по недостатку данных плохо ясна. По-видимому, это остаточное явление, характерное главным образом для 2 л. ед.ч. Так, в имевшихся в моем распоряжении записях Грюнберга в составе парадигмы зафиксирована форма женского рода только для 2 л. ед.ч. *šyḡāy*, как дублетная к *šyūyāy*. Форма *vīyāy* - стяжение из *vi(y)yāy*.

144

основы используется форма на *-yū/-ī*.

В соответствии с этим имеем:

Ед.ч.

Мн.ч.

1. nyōstyām я сел(а)	nyōstyām мы сели
2. nyōstyāy ты сел(а)	nyōstyāy вы сели

Существенно отметить, что вариант основы *nyōstyū-* вместо *nyōsty-* постоянен для множественного числа. Очевидно, здесь мы имеем ту же форму множественного числа причастия, что и в 3 л. (*nyōsty-ī* "севшие"), с поздним добавлением личных окончаний. Сочетание *-yūī-* перед гласным окончания дало стойкое стяжение в *-ī*, что создало возможность противопоставить множественное число единственному числу не только по окончаниям, но и по основе, тем более что в 1 л. окончания совпадают. Впрочем, противоположение это слабое, поскольку чередование *yū/ī* - обычное явление для мунджанского языка, вследствие чего основа единственного числа может иметь и вариант *-īy*. Ср. параллельные записи в текстах Грюнберга: *ty myḡyāy* "ты умер", *ty šyūyāy/šyūyāy* "ты ушел"; *zə aytḡn wḡzōyūām* "я растерялся", *zə nyōstyām* "я сижу", и пр.

§ 136. Формально именные (причастные) формы 3 л., функционируя в общем парадигматическом ряду с первыми двумя лицами, также получили значение финитного глагола: *nyōsty* "он сел", *nyōstyī* "они сели", *nyāstəḡe* "она села". При этом отсутствие окончания в 3 л. ед.ч. стало специальной его приметой, а именной показатель множественного числа *-ī* в *nyōstyī* приобрел значение личного окончания. В этой роли он начинает заменять собой полное окончание 3 л. мн.ч. *-yūī*, случаи стяжения которого в *-ī* нередко встречаются в текстах: *ōḡeūt* наряду с *ōḡeuyūī*, *ōḡeuyūī* "они при-

145

шли", $\dot{\text{y}}\text{y}\text{u}\text{I}$ наряду с $\dot{\text{y}}\text{y}\text{u}\text{y}\text{u}\text{I}$, $\dot{\text{y}}\text{y}\text{u}\text{y}\text{u}\text{I}$ "они ушли" и пр. В этом стяженном варианте мы имеем уже действительно специальное перфектное окончание для 3 л. мн.ч. - -I . Будущее закрепление -I как личного окончания 3 л. мн.ч. тем более вероятно, что в первых двух лицах множественного числа представлено именно стойкое -I вместо -ny (§ 135).

В этом виде парадигма перфекта уже вполне глагольна во всех лицах.

$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{y}\ddot{\text{u}}\text{am}$	$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{I}\text{y}\ddot{\text{a}}\text{m}$
$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{y}\ddot{\text{u}}\text{ay}$	$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{I}\text{y}\ddot{\text{a}}\text{f}$
$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{y}$	$\text{ny}\ddot{\text{o}}\text{st}\text{I}$

Формы женского рода 3 л. $\text{ny}\ddot{\text{a}}\text{st}\ddot{\text{e}}\text{y}\ddot{\text{e}}$ и $\text{ny}\ddot{\text{a}}\text{st}\ddot{\text{e}}\text{y}\text{I}$ явно не находят себе места в развивающейся парадигме непереходного перфекта. Как остаточный элемент прежней именной конструкции они, по всей вероятности, должны быть вытеснены в дальнейшем из языка, аналогично тому как это происходит в настоящее время в первых двух лицах. Пока же архаичность в функционировании перфектных форм 3 л. непереходных глаголов с их именным оформлением поддерживается перфектными формами переходных глаголов, сохранившими в той или иной степени как причастное значение, так и актуальность различения рода.

Переходные глаголы

3 лицо

§ 137. В 3 л. переходных глаголов представлены те же формы, что и для непереходных глаголов, ср., например, для глагола "брать": $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}$ (м.р.), $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{y}\ddot{\text{e}}$ (ж.р.), $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}\text{I}$ (мн. ч.),

$\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}\text{I}$ (мн.ч. ж.р.). Однако эти формы приобретают различное значение в зависимости от функционирования их во фразе, в частности в зависимости от конструирования их с прямым или косвенным падежом подлежащего.

3 лицо при прямом падеже подлежащего

§ 138. При прямом падеже подлежащего, а также при отсутствии выраженного подлежащего во фразе названные формы имеют пассивное (или непереходное) значение и, по-видимому, могут рассматриваться как причастия не только с формальной точки зрения, но и по своему значению. Ср.: $\dot{\text{y}}\text{y}\text{u}$ $\text{d}\ddot{\text{e}}$ $\text{z}\ddot{\text{a}}\text{x}\text{m}\ddot{\text{a}}\text{f}$ ky $\text{y}\ddot{\text{o}}\text{w}\text{y}\ddot{\text{e}}$ $\text{a}\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{e}$ "пошел на поля, а вода уже пущена"; $\text{sk}\ddot{\text{y}}\text{t}\text{I}$ $\ddot{\text{o}}\text{y}\ddot{\text{e}}\text{y}\text{I}\text{y}\text{I}$, - $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{y}\ddot{\text{e}}$ "(на нее) попали бревна, - (она) завалена"; $\dot{\text{y}}\text{y}\text{u}$ ky $\text{r}\ddot{\text{o}}\text{d}\ddot{\text{a}}\text{b}\text{-l}\text{y}\text{y}\text{d}\ddot{\text{e}}$, $\text{w}\text{-}\text{z}\text{I}\text{r}\text{-r}\ddot{\text{y}}\text{r}$ lab $\text{d}\ddot{\text{e}}$ $\text{z}\text{a}\text{r}\text{e}\text{w}\text{z}$ $\text{t}\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{d}\text{y}\text{I}$ "(он) пошел, а царская дочь и визирев снн на берегу озера привязаны".

§ 139. Несколько выпадает из этого употребления форма на -ny ($\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}$), за которой, по-видимому, уже закрепилось привычное активное значение. Во всяком случае конструирование формы на -ny с прямым падежом, по-видимому, избегается. Ср. $\text{v}\ddot{\text{e}}$ $\ddot{\text{o}}\text{y}\text{y}\text{y}$ $\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}}$ myy $\text{d}\ddot{\text{e}}$ $\text{v}\text{a}\text{n}\text{d}\text{I}\text{x}\text{o}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{e}}$ $\text{a}\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}$ "мой возлюбленный брошен в тюрьму", где перед $\ddot{\text{o}}\text{y}\text{y}\text{y}$ появился показатель прямого дополнения $\text{v}\ddot{\text{e}}$, который переводит все предложение в активный план, а форма на -ny приобретает активное неопределенно-личное значение: "моего возлюбленного бросили в тюрьму". Но в некоторых случаях форма на -ny сохраняет и пассивное значение, как она может быть понята, например, в следующих фразах: $\text{w}\ddot{\text{y}}\text{y}\text{y}\text{r}\ddot{\text{a}}\text{t}$ $\text{v}\ddot{\text{e}}$ $\text{m}\text{y}\text{r}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{e}}$ ky $\dot{\text{z}}\text{I}\text{y}\text{y}$ $\text{r}\ddot{\text{e}}$ $\text{t}\text{y}\text{v}\text{er}$ "осмотрели труп, - убит топором"; $\text{z}\text{a}\text{l}\ddot{\text{o}}\text{d}\ddot{\text{a}}\text{f}$ $\dot{\text{s}}\text{t}\ddot{\text{a}}\text{t}$ ky $\text{v}\ddot{\text{a}}\text{m}\ddot{\text{o}}\text{x}$ $\text{a}\text{m}\text{y}\text{r}$ $\text{l}\text{I}\text{y}\text{y}$ ky ... "палачи сказали: нам дан приказ, чтобы...".

Нужно сказать, что и для остальных перфектных форм 3 л. ($\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{y}\ddot{\text{e}}$, $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}\text{I}$, $\text{y}\text{y}\text{y}\text{y}\text{v}\text{d}\text{ny}\text{I}$) их употребление в старом значении

причастного сказуемого является остаточным и встречается сравнительно редко и ограниченно.^I

Но для нас здесь важно отметить, что подлежащее при подобного рода сказуемом (тип фразы: *rōdāḡ-lmūde, wazīr-rūr... tñtəḡ-dnyū* "царевна и визирев сын... привязаны") – тоже пассивно (неактивно), а в самой фразе нет ни действия, ни действующего лица. Следовательно, с помощью прямого падежа действующее лицо в 3 л. переходного перфекта не может быть выражено, а вся фраза не может быть переведена из пассивного (или нейтрального) плана в активный. Для этого нужен другой падеж, не находящийся в прямой зависимости (через согласование) от пассивного (неактивного) предиката, – т.е. падеж косвенный.

Так вторично в истории мунджанского языка возникает конструкция II (ср. §§ 76–77) при сходных условиях становления новой глагольной формы, – перфекта, – на базе другого (вторичного) причастия.

3 лицо при косвенном падеже подлежащего

§ 140. Без объекта действия. Мунджанская фраза *wā-n ḡtñy* "он сказал" (< "у него (им) сказанное") отражает конструкцию II в чистом виде, не осложненную прямым дополнением. В таком употреблении встречена только форма на -*ny* (*wā-n ḡtñy, wā-n rīstñy* "он сказал", "он спросил"). Формы женского рода, по-видимому, здесь не употребляются, о чем может свидетельствовать следующий пример: *Almastik-īn ḡtñy kn...* "Алмасти

^I В частности, не отмечены случаи, где бы подлежащим при них было местоимение или же имя в форме множественного числа (т.е. типы: *we tñtəḡānḡ* "она связана", *dūzdī tñtəḡānyū* "воры связаны").

сказала, что...". Таким образом, форма на -*ny* выявляется здесь как личная перфектная форма с активным значением, не различающая рода и вполне сопоставимая с формой прошедшего времени. Ср. *wā-n ḡtñy* и *wā-n ḡte* "он сказал".

Однако этот тип фразы ограничен сравнительно небольшим кругом переходных глаголов, часто употребляющихся безотносительно к объекту ("говорить", "спрашивать", "знать", "смотреть" и др.), и представлен поэтому крайне малым количеством примеров. В частности, вовсе не встречено примеров для множественного числа. Но едва ли для него можно ожидать здесь именную форму *ḡtñy*, – здесь вероятнее глагольное оформление с личным окончанием по аналогии с прошедшим временем (например, предположительное *wāf ḡi vḡḡndī-uyāt* "они не знали").

Нам важно здесь отметить, что активизация переходного глагола в условиях неосложненной (безобъектной) конструкции II может происходить весьма быстро и без дополнительных средств. Именно отсутствие объекта обеспечивает активный аспект всему высказыванию: *wā-n ḡtñy* "у него сказано" > "он сказал". Пассивность причастия здесь не раскрыта.

При наличии же во фразе объекта пассивное значение причастия получает актуальность, и конструкция II в этом случае логически ведет к объектному согласованию сказуемого (тип: "у него (им) взято нечто"), которое и представлено в мунджанском перфекте.

§ 141. С объектом действия. Здесь представлены все перфектные формы 3 л. (*ḡtñyḡny, ḡtñyḡdeḡ, ḡtñyḡdnyū, ḡtñyḡndnyū*), которые употребляются применительно к объекту действия, согласуясь с ним по роду и числу. Ср.:^I *y-āndīwōl* (м.р.

^I Согласующиеся между собой объект и перфектное сказуемое подчеркнуты.

ед.ч.) šāmōx dūzdāf šīyū (м.р. ед.ч.) "товарища нашего воры убили"; yū šinkike (ж.р. ед.ч.) dūzdāf šīyē (ж.р. ед.ч.) "одну женщину воры убили"; tōt-ān-ym vē lyvəgāf (мн.ч.) makamī kytyī (мн.ч.) "мой отец двери запер"; vē xyltē (м.р. ед.ч.) wē lyḡa-īn-nt yalā kytyū (м.р. ед.ч.) "мешок твоя дочь открыла"; nē tē yū bōem-ān mlyḡayē (ж.р. ед.ч.) škarḡyē (ж.р. ед.ч.) "тебе один человек жемчужину послал"; rōāšō-ān vāmōx tylymylyū (мн.ч.) "царь вас позвал" и пр.

В этом употреблении перфектные формы 3 л. всегда, как это можно видеть из перевода, имеют активное значение. Внешним признаком их активного значения является наличие при них прямого дополнения. Прежний логический объект действия конструкции II превратился в современном мунджанском в прямое дополнение с предложным формантом vē:² vē šinkike kēy šīyē? "женщину кто убил?"; vāmōx alaqaḡōx-ān tylymylyū "нас позвал алакадор"; dūzdāf vē Av-ānylō makam tyḡeḡāny "воры Абдулу крепко связали"; barfkiḡ-ān vē lōmē vnyḡyē "снежный обвал снес селение" и пр.

Наличие прямого дополнения обеспечивает активность перфектными формам 3 л. и вне косвенной конструкции, т.е. во фразе без указания на субъект действия. В этом случае они получают неопределенно-личное значение: ba zūr vāmōx avēzdiyū mēlē tyḡeḡdiyū "нас сюда силой привели и привязали"; mōx bḡeḡyām ky vē mōl vnyḡy "мы пришли, а скот уже угнали".

§ 142. Таким образом, перфектные формы 3 л. переходных глаголов, как и глаголы непереходные, сохранив прежний именной об-

² Особенности оформления прямого дополнения при перфекте (прямое дополнение оформленное и неоформленное) те же самые, что и при всех остальных глагольных временах.

³ Косвенный падеж от местоимения kdī "кто?".

лик, почти всюду в своем применении получили значение активного финитного глагола. Исключение составляют случаи конструирования переходных глаголов с прямым падежом подлежащего, где перфектные формы имеют значение пассивного причастия (§ 138). Хотя подобное использование перфектных форм 3 л. сравнительно редко, но оно весьма существенно, так как означает актуальность косвенной конструкции в 3 л. перфекта: противоположение косвенной и прямой конструкций в нем не снято, поскольку при прямом падеже подлежащего переходный глагол не может выражать активного действия.

1 и 2 лицо

§ 143. В I и 2 лл. перфект имеет глагольное оформление с личными окончаниями, которые согласуют глагол с субъектом действия. Личные окончания те же, что для прошедшего времени. Перфектная основа для этих лиц засвидетельствована в текстах по преимуществу в варианте на -iy/-īy; вариант на -yū в имеющихся записях редок. Поэтому в приводимой ниже парадигме вариант основы на -īy принят за основной.

Ед.ч.

Мн.ч.

ḡyḡyvdīyūm я взял(а)
ḡyḡyvdīyūt ты взял(а)

ḡyḡyvdīyām мы взяли
ḡyḡyvdīyāf вы взяли

Примеры: tē mōškō mḡyḡyškīyūt, lyškō šy lyškīyūt "ты об убийстве слышал, а видеть не видел"; štī mōf ēkyryyāf "что вы сделали?"; ḡabag šē rūx-ān-nt āvyḡyūm¹ "(я) о твоём сыне вести при-

¹ Возможно выпадение i после r, ср. также ikyḡyūm и пр.

нес"; мын f-кәу ǝi mǝǝkiyunt "я никого не убивал"; mǝf kambūd ǝi ǝvnyǝyāf "(как бы) вы меньше не принесли" и пр.

§ 144. При наличии во фразе конкретного прямого дополнения, различающего род, перфектное сказуемое согласуется с ним по роду: для мужского рода используются приведенные выше формы, для женского рода - формы, образованные от основы женского рода на -ǝǝ.

Ед. ч.

Мн.ч.

ǝvnyǝyāf я (ее) взял

ǝvnyǝyāf мы (ее) взяли

ǝvnyǝyāf ты (ее) взял

ǝvnyǝyāf вы (ее) взяли

Ср. при прямом дополнении женского рода: мын вǝ mǝfǝ rǝǝ-tǝyunt "я продал (то) пастбище"; при прямом дополнении мужского рода: мын вǝ dǝzd mǝkam ǝvnyǝyāf "я вора крепко схватил".

§ 145. Согласования перфекта с прямым дополнением по числу, по-видимому, нет. Исход. формы множественного числа -nyǝ (ǝvnyǝ-nyǝ) при добавлении личных окончаний дает стяжение в -ǝǝ-, в результате чего произошла ее контаминация с основой единственного числа на -ny/-ǝy. Ср. тǝ вǝ yǝsrāf xarǝbǝǝ ǝvnyǝyāf "ты (этих) лошадей загнал"; мын rǝnǝǝb ǝǝmǝ mǝǝkiyunt fǝtmǝ ky... "если бы я и пятьдесят человек убил..."¹

¹ Случаев прямого дополнения множественного числа женского рода в текстах не засвидетельствовано. Случаев местоименного прямого дополнения, относящегося к женскому роду, также не засвидетельствовано. Ср. единственный неясный пример, где перфектная форма может быть ориентирована и на слово rǝǝǝbǝbǝ: тǝ вǝ xǝzǝr rǝǝǝbǝbǝ fǝr kyǝyunt "ты себя царевичем сделала" (т.е. переделалась).

§ 146. Две рассмотренные формы перфекта (ǝvnyǝyāf и ǝvnyǝyāf) не составляют чистой коррелятивной пары, противопоставляющейся по признаку рода. Если форма от основы на -ǝǝ имеет только одно значение, - указание на женский род объекта, то форма от основы на -ny/-ǝy используется во всех остальных случаях. А именно: а) в безобъектных предложениях, например mǝf ǝi vǝǝ-dǝyāf ky... "вы не знали, что..."; б) при объекте, безотносительном к роду (куда входят и слова общего или отвлеченного значения), например ǝfǝ mǝf ǝvnyǝyāf "что вы сделали", mǝx ǝ-kǝy rǝy-vǝ ǝy ǝvnyǝyāf "мы ни у кого денег не брали" (ср. примеры § 140); в) при объекте множественного числа, например mǝx вǝ lǝvǝrāf mǝkamǝ ǝvnyāf "мы двери заперли"; г) при объекте мужского рода единственного числа, например вǝ ǝǝm ǝamǝx mǝǝkiyunt "ты нашего человека (мужчину) убил".

Только в последнем употреблении форма с основой на -ǝy прямо противопоставляется формам женского рода. Поэтому ее лучше определять для современного мунджанского языка как общую перфектную форму, которой противостоит форма женского рода с узкой сферой применения.

§ 147. При условиях, когда согласование с объектом по числу в личных перфектных формах переходного глагола уже снято, а в личных перфектных формах непереходного глагола утрачивается различение по роду (§ 135), объектное согласование переходного перфекта только по одному признаку - по признаку женского рода - едва ли может долго сохраняться в языке. Оно выпадает из схемы утвердившегося активного спряжения перфекта, согласующегося в лице и числе только с подлежащим (субъектом действия).

Консервации объектного согласования по роду в личных формах перфекта способствуют перфектные формы 3 л. Лишенные личных окончаний, они не имеют согласования с субъектом действия, согласуясь по роду и числу с объектом. Правда, в ряду всей перфектной

парадигмы они получают значение финитного глагола именно 3 л.: у всех четырех совершенных форм, не имеющих личных окончаний (җыгынды, җыгындыҗе, җыгындыҗи, җыгындыҗи), субъектом действия может быть только 3 л., но 3 л. — любое, не уточненное даже по числу. Ср. *wā-n ve uōsr җыгынды* "он взял коня"; *wāu ve uōsr җыгынды* "она взяла коня"; *wāf ve uōsr җыгынды* "они взяли коня", и с изменением числа или рода объекта: *wā-n ve uōsraf җыгындыҗи* "он коней взял"; *wā-n ve rafizōde āvēzdeҗе* "он пери привел" и прочие возможные варианты.

§ 148. Как можно видеть, образование переходного совершенного в мунджанском языке идет не тем путем, который восстанавливался для прошедшего времени: в его основе лежит конструкция II, а не конструкция III. Конструкция III как средство активизации пассивного глагола едва ли могла бы возродиться при поздних условиях образования совершенного (утрата отглагольного имени на *-ti*, преобразование функций местоименных энклитик с частичной их утратой, сформировавшееся прямое дополнение на месте логического объекта). Совершенный развивался в условиях уже готовой, выработанной схемы прошедшего времени и получил свое оформление по аналогии с ним: личные окончания прошедшего времени были просто перенесены на совершенный, о чем говорит их полное совпадение.

Тот факт, что совершенный оформился в первых двух лицах раньше, чем в 3 л., связан с особенностями субъекта в 3 л., весьма многообразного и во многих случаях далеко не активного (ср. *batfkuān ve lōme ydeҗе* "снежным обвалом снесло деревню").

ФОРМЫ СОВЕРШЕННОГО В ШУГНАНО-ЯЗГУЛЯМСКОЙ ГРУППЕ

§ 149. Совершенный шугнано-язгулянской группы представлен уже в полностью сформировавшемся виде, с полной парадигмой спряжения по всем лицам. Ср. руш.:

<i>niḡuḡḡ-um</i> я слышал	<i>niḡuḡḡ-am</i> мы слышали
<i>niḡuḡḡ-at</i> ты слышал	<i>niḡuḡḡ-af</i> вы слышали
<i>niḡuḡḡ</i> он слышал	<i>niḡuḡḡ-an</i> они слышали

Структура совершенного здесь та же самая, что в мунджанском языке: основа совершенного плюс личные окончания, перенесенные из прошедшего времени. Уподобление совершенного модели простого прошедшего времени в шугнано-язгулянской группе полное, с повторением в нем и всех расхождений прошедшего времени по языкам. Ср., например, различие окончаний у переходных и непереходных глаголов в 3 л. мн.ч. в бартангском и язгулямском языках, повторенное в совершенном (*-af* для переходных глаголов, *-an* для непереходных). В соответствии с моделью прошедшего времени совершенный непереходных глаголов в шугнанской группе различает род при стирании рода в мунджанском (в I и 2 л.), что тоже соответствует модели прошедшего времени в мунджанском языке.

§ 150. Правда, шугнано-язгулянская группа не дает нам прямых указаний на объектное согласование по роду в совершенном в прошлом: формы женского рода переходных глаголов в совершенном утрачены. Но они и должны были быть утрачены с утратой объектного согласования при уподоблении совершенного модели прошедшего времени, не различающего рода в переходных глаголах.

Однако при пассивном значении совершенных основ в именном их употреблении различие рода у переходных глаголов (залогово нерасчлененных, §§ 126, 129) представлено достаточно хорошо. Ср. руш. *virixoin sōat* "сломанные часы", бадж. *ziḡuḡ rixixōin vad* "кладовая была разрушена". В дальнейшем следует специально рассмотреть с этой точки зрения морфологию и функционирование как осложненных совершенных основ (причастие на *-in/-in*, форма на *-ak* в составе пассива, тип: руш. *wiḡoḡak sut* "был построен"), так в особенности и неосложненных, достаточно встречающихся в именном

употреблении (тип: барт. *yā vōrj nō-vōsē(ā)* rīd "конь остался непривязанным").

КАУЗАТИВНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 151. Сравнимые языки расходятся своими каузативными суффиксами, образованными в мунджанском языке на *v*-основе, а в шугнано-язгулямской группе на *n*-основе. Ср. мундж. *wyrvōv* : *wyrvēvd* "кипятить" при шугн., руш. *warvēn* : *warvēnt*, барт. *warvōn* : *warvōnt*, срк. *warvon* : *warvont*, язг. *warvan* : *warvant*. Образования эти — поздние, и каузативные суффиксы могли быть просто заимствованы из различных источников (мунджанским языком — из афганского, а шугнано-язгулямской группой — из персидско-таджикского), как это и интерпретируется исследователями.

Но здесь, помимо расхождения, следует обратить внимание и на известную общность в этих суффиксах, возникших в сравниваемых языках на одной и той же грамматической почве взамен терявшего свою продуктивность прежнего каузативного класса глаголов, основной приметой которого являлась специальная сильная огласовка: чередование *ō* : *ē* для мунджанского языка и *i*-умлаутная сильная огласовка для языков шугнано-язгулямской группы. Именно эту огласовку каузативных глаголов в обоих случаях, т.е. как в мунджанском языке, так и в шугнано-язгулямской группе, повторяет огласовка каузативных суффиксов, не совпадая с их огласовкой в предполагаемом источнике заимствования (афг. *-aw*, перс.-тадж. *-ān*, *-ōn*). Значит, роль рассматриваемых суффиксов сводилась на первых порах к внесению в данный глагол требуемой для каузативного класса глаголов огласовки, которая уже не могла быть получена прежним путем, поскольку чередование по соответствующим ступеням подъема перестало быть живым морфологическим средством. Согласный суффикс мог быть здесь безразличен, выполняя роль подставки

для гласного. Впоследствии в тех языках, где специфическая огласовка каузативного класса глаголов была утрачена (язгулямский, сарикольский и в значительной степени бартангский и рушанский языки, см. §§ 100-102), каузативные суффиксы также утратили связь с каузативной огласовкой, превратившись в совершенно независимые форманты переходных глаголов. В шугнанском языке связь огласовки суффикса с огласовкой каузативного класса глаголов, до сих пор сохраняющего свою актуальность, значительно ослаблена их фонетическим расхождением: примета каузатива *ē* (*wērv* : *wērvd* "кипятить") дала закономерное *ē* в положении перед *n* (*warvēn* : *warvēnt* "кипятить" и пр.). В мунджанском языке при вполне еще актуальном классе каузатива (спряжение II) связь эта еще не утрачена: получив суффикс с огласовкой каузатива (*ō* : *ē*), данный глагол тем самым включается в спряжение II, приобретая и все остальные признаки этого спряжения.

§ 152. Помимо возможного таджикско-персидского воздействия, шугнано-язгулямская группа обнаруживает и собственные внутриязыковые предпосылки для образования каузативного суффикса именно на *n*-основе. Роль персидско-таджикского воздействия, вероятно, сводилась лишь к ускорению этого процесса. Эти предпосылки следующие.

I. Как уже говорилось, древний глагольный формант *-n-*, *-n* получил в шугнано-язгулямской группе некоторую дальнейшую активизацию в роли приметы переходных глаголов в виде *-n-*, *-and*, а иногда и с подъемом гласной *-ēnd* (§§ 110-111). Таким образом, *-n* в составе суффикса уже было связано в шугнано-язгулямской группе со значением переходности.

2. Каузативная огласовка в глаголах с исходом корня на *-n* давала основе глагола окончание *-ēn* (шугн. *divēn* — "веять", *siḡēn* — "поднимать", *piḡēn* — "нализывать", *biḡēn* — "трясти (дерево)" и пр.), которое и было осмыслено как суффикс, поскольку здесь и

каузативная огласовка $\bar{e}$, и согласный n воспринимались как приметы переходности и поскольку этимология слова была уже забыта. Окончательному выделению $-\bar{e}n$ (барт. $-\bar{e}n$ и пр.) как суффикса как раз и могло способствовать наличие аналогичного суффикса в таджикском и персидском языках.

§ 153. В мунджанском языке подобных предпосылок для развития каузативного суффикса на n -основе не было. Древний формант $-n$, $-n$ не получил на мунджанской почве дальнейшего развития. Напротив, он вовсе выпал в основах переходных глаголов: $\bar{e}n$ при язг. $n\bar{e}t$ "надевать" и пр. Что касается каузативных глаголов с исходом корня на $-n$, то именно в этих глаголах, составляющих исключение, не произошло выравнивания основы прошедшего времени по настоящей: прошедшая основа не получила здесь сильной огласовки. Это произошло по причине сильного фонетического расхождения обеих основ, поскольку корневое n в прошедшей основе выпало, а исходное t , находясь в интервокальном положении, перешло в u : ср. $lyv\bar{e}n$: $lyv\bar{e}u$ "веять" и пр. (§ 50). Элемент $-\bar{e}n$, не повторенный в основе прошедшего времени, не мог получить значения суффикса.

§ 154. Но зато в мунджанском языке имелись предпосылки для развития каузативного суффикса на v -основе. Здесь представлен регулярный переход w в v во вторичных основах прошедшего времени (§ 43), отчего большое количество каузативных глаголов (с исходом корня на $*v$, $*b$ и $*p$) имеет в основе прошедшего времени исход на $\bar{e}v$: $w\bar{i}\bar{s}\bar{e}vd$ "позвал" (настоящая основа $w\bar{i}\bar{s}\bar{o}w$); $w\bar{i}\bar{s}\bar{e}vd$ "погасил" (настоящая основа $w\bar{i}\bar{s}\bar{o}w$), $p\bar{i}\bar{s}\bar{k}\bar{e}vd$ "нанизал" (настоящая основа $p\bar{i}\bar{s}\bar{k}\bar{o}w$) и пр. Это могло в значительной степени способствовать закреплению каузативного суф. $-\bar{e}v$: $-\bar{e}v$, который не обязательно должен был быть заимствован, а мог и непосредственно продолжать суф. $*-\bar{a}raua$, представленный как в ваханском (в виде $-mv$

: $-\bar{e}v$), так и в хотаносакском (в виде $-\bar{e}v$) языках.

§ 155. Таким образом, для исходного состояния сравниваемых языков мы можем восстанавливать наличие предпосылок к развитию каузативных суффиксов как на n -, так и на v -основе. Ср. параллельное формирование обоих этих суффиксов в хотаносакском языке в виде $-\bar{a}n$ и $-\bar{e}v$ (ХСЯ 99-100). В связи с этим не исключена возможность того, что в шугнанской группе в глаголах типа $shu\bar{g}n.\bar{e}mb$ "хотеть", $pa\bar{t}\bar{i}mb$ "провождать" (может быть, также $wi\bar{r}\bar{e}mb$ "ставить", если здесь $*\sqrt{gam}$) мы встречаемся не с простым наращением, а по аналогии с $vi\bar{d}\bar{e}mb$ и пр. (§ 112), а с остатками суф. $*-\bar{a}raua$.

ИМЯ И МЕСТОИМЕНИЕ

число

§ 156. В именах существенных расхождений между сравниваемыми языками нет. Как уже указывалось во "Введении", различия по языкам в показателях множественного числа имен в прямом падеже не могут считаться существенными в генетическом плане: они вырабатывались в позднее время каждым языком отдельно на собственной языковой почве (Горяш §§ 165, 166). Не составляет исключения в этом отношении и мунджанский формант множественного числа -ī, позднее происхождение которого выявляется как в суффиксальной его природе, так и в особенностях его употребления и значения.

Так, во фразе māu ʒe mɪn taraf-ān nɛ tɛ baxšɪš-ī "эти (девушки) - от меня тебе подарок" формант -ī имеет скорее значение предикативной связи ("эти девушки суть подарок тебе"), чем показателя множественного числа для слова baxšɪš. Не создает формы множественного числа мунджанское -ī и в таких случаях, как vɛ-yaʃ luɪmɪdɛ uɪ qɛbr gūr-ī ɪkɪrāt "их по двое в одной могиле похоронили". Здесь -ī тоже не относится к слову gūr, а повторяет в составе сложного сказуемого объект действия: "их по двое в одной могиле (их) похоронили". Ср. другие аналогичные примеры: vɛ skɪ-tāf arɛ-ɣɪ ɪkɪrāt "бревна распилили (их)"; tɪ vɛ-yaʃ ɔzmɪd-ī ɪkɪn "ты их испытай (их)"; vɛ uɔsprāf ʃaw-ī ɪkɪnām "лошадям дадим корм (им)"; vɛ ʒɪyāʃ ʒe xɛsɛr-ān xɪʃkɛ, bədāl-ī ɪkɪr "одежды с себя снял, заменил (их)"; vɛ uɔsprāf zɪn-ī ɪkɪrām "лошадей мы осе-

длали (их)" и пр.

Подобного рода примеры свидетельствуют о местоименном происхождении форманта множественного числа -ī в мунджанском. Весьма часты промежуточные случаи, допускающие двойное толкование -ī: и как форманта множественного числа, и как частицы, дублирующей в сложном сказуемом число подлежащего или дополнения. Ср. komɪ-sɔɪɪ-yaʃ vɛ-yaʃ rɪxsatɪ ɪkɪr "комиссар их отпустил (их)" и "комиссар их свободными сделал"; vɛ ʒɪrɛɪnɪ dɪrɪ ɪqrɔrɪ ʒɪ ʒɪyāt "трое других не сознались (они)" и "трое других неосознавшимися стали"; uɪy ʒe rɔnd-ɪn kɪpɔrɛɣɪ ʒɪ ʒɪyāt "они с дороги не посторонились (они)" и "они... посторонившимися не сделали"; vɛ-yaʃ avɛzdāt, ɪkɪɔyɪ ɪkɪrāt "их привели, обручили (их)" и "...обрученными сделали". Едва ли приведенные в этих примерах слова с суффиксом -ī можно изъять из контекста с сохранением значения множественного числа, т.е. едва ли в мунджанском языке существуют самостоятельные слова ɪkɪɔyɪ "обрученные", kɪpɔrɛɣɪ "посторонившиеся", ɪqrɔrɪ "сознавшиеся", rɪxsatɪ "освободившиеся" и пр., которые могли бы иметь свободное, а не только ситуационное применение. Здесь, конечно, возможны различные колебания в степени лексикализации каждого подобного образования.

При несомненных формах множественного числа имен (например, stɪrɪ "большие", dɪrɪ "другие", ɪyɪdɪ "дочери", rɪrɪ "сыновья" и пр.) формант -ī обнаруживает следы прежнего своего значения при употреблении этих имен в роли сказуемого: обозначая число имени, формант -ī одновременно выполняет здесь и функцию предикативной связи множественного числа. Ср., например: uɪy ʃahɔn sɔɪbsɪrətɪ "они очень красивы (суть)"; uɪy ɪyɪdɛɣɪ "они живые (суть)"; mɔɪ kɛy ɪyɪdɪ? "вы чьи дочери (суть)?" Эти фразы синтаксически одноплановы с приводившимся выше примером māu... nɛ tɛ baxšɪš-ī "они... для тебя подарок (суть)"; ср. также uɪy nafarɪ kdɪ-ɣɪ "эти люди кто (суть)?".

Указательное местоимение в роли предикативной связки - явление не редкое. В частности, в язгулямском языке предикативная связка 3 л. ед.ч., представленная в двух вариантах - *и* и *ау* (*уик-и п1 дед* "это мой отец", *даг-ау т1 рап* "твоя дорога - далека"), вполне равна местоимению 3 л. ед.ч., представленному в тех же двух вариантах - *и* и *ау* (ЯЯ 67). В мунджанском языке стяжение в -*ī* могли дать те или иные указательные местоимения (из предшествующей формы множественного числа), в частности, вполне вероятно стяжение из **aitau* или **aitā*.

ЧАСТИЦА -*ā*

§ 157. В мунджанском языке отсутствует активная для шугнано-язгулямской группы частица -*ā* из суф. **-a-āva*, которая в язгулямском языке получила значение показателя множественного числа имен, а в шугнанской группе - значение усилительно-обобщающей частицы.

Этот суффикс мог быть просто утрачен мунджанским языком. Однако если (поскольку можно судить по имеющимся данным) группа **-āva* давала в мунджанском *ī* (ср. *šfīr* "четыре", ср. также примеры в ИЯЛ II 70),¹ то суф. **-a-āva* должен был бы отразиться в нем через -*af*, которое, естественно, контаминировалось бы с показателем множественного числа косвенного падежа (-*āf*).

В пользу этого предположения могут говорить следующие факты.

Огласовка мунджанского показателя множественного числа -*āf* плохо возводится к исходным формам. Старые окончания **-a-i-buā*

¹ В случаях типа йд. *pīlf* "брод" имеем усложненную исходную группу согласных **rtv*, которая могла дать *īf* через **rāf*.

или **-ā-buā* должны были бы дать ударные -*īf* или -*āf* (ср. всюду ударный в шугнанской группе суффикс: орош. -*īf*, срк. -*ēf*, шугн. -*īv*, барт. -*īf*, язг. -(ag)iv). Продолжение же нетематического варианта должно было бы дать -*nf*. Возможно, что огласовка мундж. -*āf*, равно как и его безударность, объясняется именно контаминацией с **-a-āva*. Ср. к тому же язг. -*ā* < **-a-āva* в роли суффикса множественного числа (ГОЯШ § 166).

Возможно, что на смешение с **-a-āva* может указывать в некоторых случаях и значение мунджанского -*āf*. При прямом дополнении показатели множественного числа -*āf* и -*ī* употребляются параллельно, их функции здесь совпадают. Но, как кажется, -*āf*, помимо определенности, имеет здесь и значение обобщения, тотальности, указывая на замкнутую группу, единое целое, в то время как показатель -*ī* обозначает отдельные разрозненные предметы: в законченном (определенном) ряду - однородные считаемые, а в незаконченном (неопределенном) - несчитаемые или качественно разнообразие. Например: *de rāxāf kī ziyāt, ūyāt kāfīyī*, *kē rāt* "когда (еду) положат на блюда, то берут ложки, едят"; *kēpō qōlīnī, rēlōsī āver* "накупи разных ковров, паласов"; *frāspīyī drēt skē rōtmyāf* "укладывает жерди (одну за другой) сверх бревен"; но ср.: *vē kāfī drēt skē frāspīyāf* "ветви кустарника кладет (охапками, слоем) сверх жердей"; *šīyē vē wīrāf, bōxē wīrī* *šīyē* "он обстрелял волков (стаю), убил шесть волков" и пр.

В связи со сказанным следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в языках шугнано-язгулямской группы активизация частицы -*ā* сопровождалась утратой окончания множественного числа на -*f*, или, напротив, активизация последнего сопровождалась утратой или ослаблением частицы -*ā*. По-видимому, и в шугнано-язгулямской группе существовала возможность смешения обоих формантов (ср. перебои *ā/f*, - ГОЯШ § 25, п. 8), которая и уст-

ранялась вытеснением одного из них. Так, в языках шугнанском, рушанском, бартангском и язгулямском, где частица -аџ активна, окончание множественного числа на -f утрачено. В сарыкольском же языке, с развитым в нем окончанием множественного числа на -f, частица -аџ представлена, по-видимому, лишь остаточнo (см. примеры в СЯ 70, где -аџ представлено в застывших предложениях, см. там же тексты, где -аџ вообще трудно обнаружить).¹

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

§ 158. Мунджанские предлоги и послелог развивались из того же исходного фонда служебных слов, что и в шугнано-язгулямской группе. Часть они ближе к язгулямскому языку, часть - к шугнанской группе. Мундж. *skə* = язг. *sek*, шугн. гр. *ḡi*. Мундж. *pə* = шугн. гр. *pa*, *pi*, в язгулямском в составе сложного предлога *pta*. Мундж. *t(ə)rə* = шугн. гр. *tar*, язг. *ta* и в составе *pta*. Мундж. *də* = язг. *dər(i)*, в шугнанской группе = послелог *-andi*, барт. *-indər*. Мундж. *nə* = язг. *nə*, в шугнанской группе ср. послелог срк. *-an*, руш., барт. *-ā*, шугн. *-and*. Мундж. *že* = шугн. гр. *az*, язг. *ž-*. Мундж. *və* = шугнанскому послелог *-va*. Единственный в мунджанском языке послелог *-ān* продолжает, по всей вероятности, то же самое служебное слово, что и предлог *nə* (**ana*) в послеложном его варианте.¹

¹ Для орошорского диалекта частота употребления частицы -аџ за недостатком данных неясна.

¹ Не исключена возможность его контаминации с послелогом из **antar*. В предложном употреблении [*əntar*] (> *də*) падение слабого [*ən-*] в нем закономерно, в постпозиции же [*ən-*] поддерживалось гласным исходом предшествовавшего слова: [*-a-əntar*]. Что ка-

Приведенный список имеет в виду лишь равенство генетическое. Значение же и употребление предлогов, естественно, во многом расходятся. Однако круг выражаемых значений, равно как распределение этих значений по определенным группам предлогов, в основном совпадает по языкам. Так, предлог *də* выражает направление внутрь, нахождение внутри, послелог *-ān* - принадлежность, предлог *že* - исход.² Локативные предлоги, имевшие значение непосредственной близости, непосредственного контакта, развили, как и в шугнано-язгулямской группе, вторичные отвлеченные значения средства, образа, орудийности действия (ср. ГОЯШ §§ 182, 188). Предлог *və*, почти полностью утраченный в шугнано-язгулямской группе, получил в мунджанском языке специальное применение.

В качестве иллюстрации к сказанному ниже приводится краткая характеристика мунджанских предлогов.

Предлоги *skə*, *t(ə)rə*, *pə*, *də*

§ 159. Предлог *skə* хорошо сохранил свое первоначальное значение "сверх", "поверх". Ср.: *məʃku skə ɣɪnɣɪndu* "взял посох на плечо"; *skə ɖɔrɔɣuɪ ɲɪwɔstɪu* "спит на кровати"; *skə yū kɪk ɲɔstāt* "сели на камень" и пр. Наряду с этим предлог *skə* развил вторичное значение "в обмен за": *wā-n prɪstə və zəxmāf sk-aftōd ɣōwāf* "он продал землю за семьдесят коров", *skə ɲāɣɪn*

сается падения исходного слога (-*tar*), то ср. мундж. *qa* // *qatɪ* "вместе" и падение *ɣ* в предлоге *də*. Ср. также шугн. *-and* и язгулямский предлог *ən/əm*, где тоже возможна контаминация **ana* и **antar*.

² Здесь отклонение дает язгулямский язык, в котором предлог на переосмыслен в позднее время. Частично сохранившееся старое его значение равно мунджанскому *nə* (ср. ГОЯШ § 185).

wūstōy aft azōr rūpiyē "выложил за хлеб семь тысяч рупий". В шугнано-язгулямской группе это значение передается новым (поздним) послелогом шугн. tīr, язг. tū, с тем же первоначальным значением "верх", "сверх", "поверх".

§ 160. Предлог t(и)гə сохранил значение непосредственного локативного контакта, соприкосновения. Ср. ve šamšīr dnyuē ne xəuŋ tyre zīngāf "зажал меч между колен"; ɣɪŋvɔ ve pāusə... bōy, sāvde tre šōmāf "взял монету, поцеловал, "потер о глаза". В сочетании tər awōy равен предлогу рə: kəvō gāšK, wūšKōy tər awōy (= рə awōy) "превратился в голубя, поднялся в воздух". Но в большинстве случаев предлог t(и)гə получил добавочное значение локативной неопределенности, приблизительности ("где-то рядом") или разбросанности действия по всему данному пространству ("во всех местах"). Ср.: agar wə tə pūr tre mɪn awlī qatib ōyē, zə və tə pūr mēzɪm "если твой сын подойдет близко к моему двору, я твоего сына убью"; dūzd zaχmī ɣuŋu, mə yīne mēle tyre pōnde "разбойник ранен, вот его кровь по дороге"; tyre Kəyāf zɪŋvɔdāf "прошли по (всем) домам"; və ūšp sūwōre yī, zɪŋvɔd tyre zāχmāf "садится на лошадь, кружит по полям". В шугнанской группе аналогичное значение развили послелог шугн. -arā, руш. -ari.¹

§ 161. Предлог рə, сохранивший старое, чисто локативное, применение, по-видимому, только в застывших сочетаниях (Sīmurɣ wūšKōy рə awōy "птица Симург поднялась в воздух"), развили широкий круг вторичных значений, связанных с выражением способа, образа, средства, орудийности действия. Ср.: ɣuŋuām рə idīr pōnde "мы пошли другой дорогой"; рə уə mūrī lɪŋuə də qalē "через это

отверстие пробрался во дворец"; mōx fte ruē^I ɣəribōn xəšām "мы тебя за шиворот вытащим"; руу xəu lawz rō-ziyāf "говорите на своем языке"; kōtāt... рə yī kīyō "пашут на одном быке"; ziyaŋt рə tawer də rūsyŋ "ударили топором по голове" и пр. В языках шугнано-язгулямской группы для данного круга значений используются различные предлоги и послелог: в шугнанском языке - послелог -ōs, -va, в рушанском и бартангском - предлоги раг, рас (последний в сочетании с -aŋ: ras... -aŋ), иногда предлог ра, в язгулямском языке - послелог -ama, предлог рəa.

§ 162. Предлог də, сохраняя старое значение "внутри", "в пределах" (nyōstāt də qalē "сидят во дворце"; līyə də sanduq "положил в сундук" и пр.), принял на себя и локативные значения той или иной непосредственной близости, соприкосновения, контакта, совмещения и пр., которые почти полностью были утрачены предлогом рə и в значительной степени переосмыслены предлогом t(и)гə. Ср. ōŋq-nt wɪre də lɪvər nyōstɪy "твой возлюбленный здесь у дверей сидит"; rəsiyāt də tīpē "достигли холма"; tak-tak kɪr də daŋwōzē "постучал в дверь"; dī də zamīn "ударяется оземь"; və xəzər tyreŋd də šanōr "привязал себя к чинаре"; wə ūšp-ān ziye və mɪn də zīng "лошадь ударила меня в колено"; wazīr-lɪyde ōyē də rūšən "визирева дочь подошла к окошку"; də kīyke nōm zə parī-zōd-īn nawišta ast "на камне написано имя пери"; wērī šī lōrāt də pālāf "штанов на ногах не имеют"; bōr kɪrāt də ūšpāf "нагружают поклажу на лошадей" и пр. В шугнанской группе эти значения сохранены за предлогами ра и тар (в сарыкольском языке ср. также предлог šī).

В язгулямском языке, утратившем самостоятельное употребление предлогов ра, тар, сək, указанные значения частью передаются

^I Иранский сборник, М., 1963, стр. 73; также: БДШ § 396 ЯР 165.

^I В вариантах руə, руə, рə, руу имеем рə + уə?; ср. предыдущий пример.

предлогом *dər*, *əm/əm*, как и в мунджанском языке. Ср., например: язг. *хуҗк wərexta dər zəmað* "роса пала на землю"; *dəri ʔərgəug tūr dəyin* "поднимусь на гору"; *əm kalapaz nəkar mað* "он стал слугой у продавца требухи"; *wərbəni tiləin əm way tana vad* "золотой кафтан на нем был" и пр. (см. ЯЯ 70-71). В шугнанской группе послелог шугн. *-andīr*, руш. *-andi*, барт. *-indēr* подобных значений не развил, поскольку их сохраняют предлоги *pə* и *tər*. Вообще вторичные значения в этом послелоге шугнанской группы развиты слабо и носят не локативный характер, а выражают причинность, повод, образ действия и другие отвлеченные значения, ср., например, бадж. *tama xətir-indi-yum yat* "я пришел из уважения к вам"; руш. *tā awūz-andē-m tā fāmt* "я узнал тебя по твоему голосу" (прочие примеры см.: БДШ §§ 389-391, ЯР 163-165).

Предлоги пə, ʔə, послелог -ān

§ 163. Предлоги *pə* и *ʔə* употребляются при именах в сопровождении послелога *-ān* (для имен женского рода *-īn*). Сочетание *pə... -ān* имеет значение как локативного направления, так и назначения, цели действия, а сочетание *ʔə... -ān* - значение исхода в широком смысле слова. Ср.: *badar ʔu pə kəy-ān* "отправился домой"; *pə pəðəb-pūr-ān dālyu* "отдашь царевичу"; *ʔuɣnvdnm tūšagī pə pənd-īn* "я взял припасы на дорогу"; *p-əy juwəp-ān pāyyn* *tkōv* "испекли хлеб для этого юноши"; *ʔu pə pāyyn-ān* "пошла за хлебом"; *ʔə qalə-ʔ-ān ʔi nyūb* "не выходи из дворца"; *ʔə zərik-īn tylyny* "попросил у старухи"; *mōf jūr kyryaif ʔə skūt-ān* "вы сделали (себе идола) из дерева"; *kəvdyr ʔə pāyyn-ān xūre* "немного хлеба съел" и пр.

В истоках своих эти сочетания аналогичны распространенным в шугнанской группе предложно-послеложным сочетаниям, где тот или иной послелог уточняет значение предлога. Ср., например, руш. *tar*

tā ʔod-andi way vām "я доведу его до твоего дома" и мундж. *pəwat pə kəmdyr pūr-ān rəsyu* "очередь дошла до младшего сына"; руш. *ʔə ʔod-andi niχtuɣd* "вышел из дома" и мундж. *ʔə kəy-ān nyʔər* "вышел из дома". Однако в отличие от предложно-послеложных сочетаний шугнанской группы мундж. *pə... -ān* и *ʔə... -ān* в значительной степени (если не полностью) грамматикализированы: предлоги *ʔə* и *pə* при именах не имеют свободного, вне сочетания с *-ān*, употребления в мунджанском языке.

§ 164. Значительную роль в грамматикализации этих сочетаний сыграло функциональное переосмысление послелога *-ān*, который для современного состояния мунджанского языка определяется скорее не как послелог, а как окончание косвенного падежа единственного числа имен (как это и представлено у всех исследователей). Т.е. с современной точки зрения мы могли бы сказать, что предлоги *pə* и *ʔə* конструируются с косвенным падежом имени. Однако здесь нужны известные оговорки. Формант *-ān* до сих пор сохраняет в ряде случаев свое самостоятельное употребление в функции послелога со значением принадлежности, нахождения при, возле, во владении, а также со значением направленности и назначения действия. Ср. мундж. *pəðəb-pūr-ān zərik-īn liyə pāyze* "царевич дал старухе деньги"; *agar wə myn pūr-ān kiyām gunōi lyšknt* "если ты у моего сына какую-нибудь провинность найдешь"; *pəðəb-ān xirey pūrī viyāt* "у царя было три сына"; *dālām wə yəzraf tōt-ān-nt* "отдам лошадей твоего отца"; *mōx bəyūam ələ lukarī kykylām uō pāyab liyōw-ān?* "мы приехали сюда, чтобы в солдатах служить или деньги (вам) давать?".

Значение принадлежности, которое, как можно видеть по приведенным примерам, было одним из основных для послелога, позволило использовать его для обозначения действующего лица при переходных глаголах прошедшего времени вместо утраченного косвенного (родительного) падежа (*pəðəb-pūr-ān ʔtə* "царевич сказал" <

"у царевича сказано"). В этой функции послелог *-ān* и получил значение флексии косвенного падежа, тем более что этому способствовала аналогия с хорошо сохранившимся косвенным падежом множественного числа (ср., например, *wāf mūsafīdāf štāt* "старик сказали").

В этом своем новом качестве, т.е. в качестве флексии падежа субъекта, послелог *-ān* развил родовое различие, поскольку различие рода (и тоже с помощью флексии) развито в именительном падеже (ср. *rōššōrūr žūt* "царевич говорит", *rōššōlūrda žūt* "царевна говорит" и соответствующую этому родовую пару в косвенном падеже субъекта: *rōššōrūr-ān šte* "царевич сказал" и *rōššōlūrda-īn šte* "царевна сказала"). Форма женского рода на *-īn* возникла из стяжения группы [*-ə-y-an*], где *-ə-* - окончание имени женского рода, а *-y-* - вставочный звук между гласными (*lūrda-y-an > lūrdaīn*).¹

§ 165. Переосмысление послелога *-ān* как флексии косвенного падежа распространилось затем и на случаи его сочетания с предлогами *nə, žə*, что, очевидно, было частым и привычным явлением (ср. привычные сочетания *az... -and* и *az... -andi* в современных шугнанском и рушанском языках). Аналогом этому переосмыслению и здесь послужил косвенный падеж множественного числа на *-āf*. Ср.: *ayāt ar kə nə xə Kəuāf* "расходятся каждый по своим домам" и *žy nə Kəuān* "пошел домой"; *liye nə žinkīn* "дал женщине" и *liye nə žinkāf* "дал женщинам", где функциональное равенство *-ān* и *-āf* как падежных окончаний очевидно. Показатели *-ān* и *-āf* вошли в

¹ В йидга послелог *-ən/-an* рода не различает. Но грамматический род в йидга вообще ослаблен (IIFL II 120), а косвенная конструкция фразы фактически перестала быть нормой (см. там же, 136).

один парадигматический ряд как форманты косвенного падежа, противопоставляясь друг другу по признаку числа. Естественно, что это исключило возможность их сочетания: послелог *-ān* вообще перестал употребляться с именами во множественном числе, даже и в случаях сохранения своего прежнего самостоятельного послеложного употребления. Ср. *rōššō-ān rūr viye* "у царя был сын", но *Malang nə dīwāf rōššō astāt* "Маланг - царь у дивов" (ср. *-an* при форме множественного числа в сарккольском: *dī baoyef-an hišši nist* "у этих детей ничего нет").¹

§ 166. Переосмысление послелога *-ān* в падежное окончание сопровождалось расширением круга значений предлога *nə*, принявшего на себя прежние послеложные значения *-ān*, что особенно четко видно при формах множественного числа. Так, если для сочетания *nə-əy* *žywbān-ān nāyn tkōv* "напеки хлеба для этого юноши" еще, может быть, можно было бы говорить о том, что направленность, назначение действия передается здесь сразу двумя формантами в их сочетании (*nə... -ān*), то во фразе *nkyn nāyn nə mūsafīdāf* "устроил угощение для старейшин" видно, что это значение целиком лежит на предлоге *nə*. С уже расширенным кругом значений предлога *nə* мы встречаемся и при его употреблении с личными местоимениями, с которыми послелог *-ān* не сочетается вовсе; ср. *nə tē* "тебе", "для тебя", "у тебя" и пр.¹ Остаточный предлог *nə* сохраняет свое преж-

¹ Однако все же *-ān* как показатель косвенного падежа не составил полной пары к *-āf*: косвенный падеж на *-ān* не используется в функции прямого дополнения (ср. *və ušr yntvā* "лошадь взял" и *və ušrāf yntvā* "лошадей взял"), что лишний раз говорит о позднем и не полном переосмыслении послелога *-ān*.

¹ Для личных местоимений, сохранивших косвенный падеж, развития нового косвенного падежа на *-ān* не требовалось; поэтому по-

нее самостоятельное употребление в наречных сочетаниях, обозначая локативное направление. Ср.: *šyū nē wēr ky wazīr-lyūdē* "пошел к визиревой дочери (туда, где визирева дочь)"; *zē oym nē wēr ky šīr* "я пойду ко льву (туда, где лев)"; *zē pōndē šī vzēndym, ȳē-ūām nē mēl* "я не знал дороги, пришел сюда"; *nē qarīb n-ēy-ān rē-šyū* "приблизился к нему"; *āvēzde nē datūn nē qalē-γ-ān* "привел внутрь дворца". Весьма вероятно, что для предлога *nē* основным было именно направительно-дательное значение, в то время как для послелога *-ān* основным являлось указание на принадлежность (первоначально локативную), нахождение при, возле. Во всяком случае предлог *nē* и послелог *-ān* были семантически близки друг другу, что и способствовало объединению их значений.

§ 167. Второй предлог — *šē*, который, как и *nē*, привычно сочетался с послелогом *-ān*, напротив, сильно отличался от него своим значением. Однако и он в сочетании с *-ān* до известной степени видоизменил и расширил круг своего применения, с нейтрализацией в ряде случаев значения исхода. Ср., например: *ly bōēm-xūrk šē aždōr-ān* "два человека — (ежедневная) пища для дракона (у дракона)"; *vē kūzē šē rūyēn-ān γyγvā* "взял кувшин с маслом (кувшин масла)" и пр.

В результате во многих случаях значения *šē* и *nē* собилизались или даже иногда полностью совпали. Так, например, ср.: *wē rūr šūt nē tōt-ān* "сын говорит отцу" и *štē šē wyl-īn* "сказал жене"; *myn maksad nē dawlat-ān šī lōrym* "я не думаю о богатстве" и *γām*

слелог *-ān* перестал сочетаться с ними. О прежнем его употреблении с личными местоимениями свидетельствует развившийся из послелога *-ān* суффикс принадлежности *-kōn*, *-ȳōn*, характерный прежде всего именно для личных местоимений (*mēkōn* "мой", *tēkōn* "твой").

šē dīw-ān šī lōrym "я не печалюсь о диве"; *dē rūšyr nē šīr-ān sōw* "потри льву голову" и *vē rūy šē pōdšōrūr-ān rōkizē mkyr* "помыл лицо царевичу".

Из фраз, подобных двум последним, развилась определительная конструкция в вариантах *nē... -ān (-āf)* и *šē... -ān (-āf)*, где значения предлогов *nē* и *šē* практически совпали. Ср.: *zē šyūām rāytrē dē kūt nē tfākāf* "я пошел в караул к складу оружия" и *tē vē kūt šē tfākāf salōt mkyrynt-vā* "тѣ разграбил бы склад оружия"; *ȳēy dē qīšlē nē askarāf* "(он) пришел в казарму солдат" и *rīstām ky: qīšlē šē askarāf kū?* "мы спросили: где казарма солдат?". Однако выбор того или иного варианта определительной конструкции, — с предлогом *nē* или с предлогом *šē*, — не всегда является свободным. В большинстве случаев он синтаксически обусловлен и связан так или иначе с кругом остальных значений предлогов *šē* и *nē*. Вариант *nē... -ān(-āf)* используется при глаголах направления, нахождения и, соответственно этому, при предлогах *dē*, *skē*. Ср.: *saxt mkr dē šōxē nē dnyaxt-ān* "прикрепил к ветке дерева"; *rēšyū dē bōyōšē nē parīzōd-īn* "дошел до сада пери"; *dē sōyē nē šīnōr-ān mnyōst* "лег в тени чинары"; *nē sīmyr-īn skē vōzēraf nīxō* "сядь на крылья птицы-Симург"; *nē tōt-ān dē qabr šīyē xāymē* "разбил палатку у могилы отца" и пр. Вариант с предлогом *šē* используется при глаголах отчуждения и соответственно этому при предлогах *šē*. Ср.: *šē kēōst-ān šē aždōr-ān tēmē xīškē* "из шкуры дракона выкроил ремень"; *γyγvā vē rāysē šē lōst-ān šē wazīr-lyūāīn* "взял деньги из рук визиревой дочери" и пр. Кроме того, вариант с *šē* имеет закрепленное употребление при прямом дополнении и подлежащем, где конструкция с *nē... -ān (-āf)*, как кажется, вообще не употребляется. Ср. *wē yū bār šē aždōr-ān šōst dē māšryq* "одна половина дракона упала на восток"; *nōm šē parīzōd-īn nawī-šta ast* "написано имя пери"; *š-ow nafar-ān wē wyl-īn štē* "жена

того человека сказала"; *ʒə dɪw-ān və pɪsɪr ɪmrɛ ɪmrɛndə* "голову дива далеко отбросил"; *və ɪm ʒ-uɔsɪr-ān dɪd kɪr* "поджег хвост лошади"; *wɪʒɪr və mɪrdɛ ʒə uɪʒ-ān* "увидел труп змеи"; *və rəʊsɛ ʒə mɪn qoʊmāf dāl* "отдай деньги моих родичей" и пр. Очевидно, в большинстве случаев конструкция *пə... -ān (-āf)* при прямом дополнении и подлежащем могла бы восприниматься как направлятельная, а не как определительная (ср., например, последнюю фразу с заменой *ʒə* на *пə*: *və rəʊsɛ pə mɪn qoʊmāf dāl* означало бы "отдай деньги моим родичам").

Таким образом, определительные конструкции с предлогами *ʒə* и *пə* еще полностью не грамматикализованы и находятся в становлении. При этом вариант *ʒə... -ān* имеет большую степень грамматикализации с тенденцией вытеснения варианта *пə... -ān*.

§ 168. Рассмотренные процессы сближения и взаимозамены мунджанских *пə* и *ʒə* через сочетания *ʒə... -ān* и *пə... -ān* позволяют нам лучше понять переосмысление язгулямского предлога *па*, который получил значение исхода через аналогичное сочетание *па-ʒ*, функционирующее в язгулямском языке в роли сложного предлога: *па-ʒ wəʊ* "от него", *па-ʒ kɪd* "из дома" и пр. (см. ГОЯШ § 184-185).¹ Своеобразие язгулямского языка заключается в утрате послеложного употребления **ана*, в результате чего предлог *ʒ* стал сочетаться с предложным его вариантом, т.е. с предлогом *па*. Этому могло способствовать наличие отделяемого личного глагольного показателя *-ən*, употребляемого в I и 3 л. мн.ч., который мог бы смешиваться с послелогом [*-an/-ən*]. Так, например, предположительное *ʒə*

¹ Сфера обязательного применения язг. *па-ʒ*, равно как и степень самостоятельного употребления предлога *па* в значении исхода, требует специального исследования. Примеры на употребление язг. *па* и *па-ʒ* см.: ЯЯ 71-72.

kɪd-ən əndɔʊd-at ʒod могло бы обозначать "он ушел из дому" (если *-ən* послелог) и "они (мы) ушли из дому" (если *-ən* личный глагольный показатель). Замена сочетания [*ʒə... -ən*] сочетанием *па-ʒ* исключала возможную смысловую двойственность в подобных случаях. В свободном употреблении, т.е. в значении принадлежности, нахождения при, возле послелог [*-an*] был заменен новым послелогом именного происхождения *-je*: *tɪ wɪʒ tu-je nɛst* "у тебя (при тебе) нет твоих ниток"; *pədʒɔ-je dɔʊd mɛd* "у царя родилась дочь" и пр.²

§ 169. Замена сочетания [*ʒə... -an(ə)*] на сочетание *па-ʒ* в язгулямском могла способствовать также аналогия со сложным предлогом *pta*, образованным из предлогов *pə + tar*. Уточнение значения того или иного предлога вторым предлогом, а не только послелогом свойственно и мунджанскому языку. Ср., например, мундж. *sk-ārɪr pə...* (редко *ārɪr pə...*) со значением "при", "пред", "к лицу", "пред лицом", *ʒ-ārɪr* с послеложным вариантом *ʒ... -ārɪr* "от непосредственной близости, от лица": *ʒɪy sk-ārɪr pə wazɪr-*

² В языках шугнанской группы, где тоже наличествует отделяемый личный показатель *-an* (в шугнанском позднее *-ən*), послелог *-an* сильно видоизменен фонетически (руш., барт. *-ā*, шугн. *-and*) или даже заменен другим суффиксом (хуф. *-ɔw*), с переосмыслением его всюду (за исключением шугнанского языка) в формант принадлежности. Фонетическое совпадение обоих формантов, - личного показателя и послелога *-an*, - допускает лишь сарыкольский язык, но в нем глагольное *-an* относится только к I л. мн.ч. (в 3 л. *-af*), что значительно снижает вероятность его смешения с послелогом *-an* в контексте, тем более что послелог *-an* имеет по преимуществу связанное употребление в определительной конструкции типа *wazɪr-an wɪ rɪs* "сын визира" ("визира его сын").

lyŋaŋ "пошел к визиревой дочери"; sk-ārīr nē znyāf xajōlat ŋnyu "ему стало стыдно перед невестками"; ɔŋə ārīr nē tōtān "пришел к отцу"; ɛ-ārīr dīw-ān rŋxsat ŋny "ушел от дива"; ɛə Laŋ-mōn-ārīr-ān rŋxsatə ŋny "ушла от Ладжмона"; ɛ-ārīr ɛə būt-ān ɔŋəut "возвратились от (статуи) идола". Наиболее грамматикализовано из приведенных сочетаний сочетание sk-ārīr, которое вполне можно считать сложным предлогом. Но, по-видимому, sk-ārīr находится в обязательной связи с предлогом nē, так что возникает новое усложненное сочетание sk-ārīr nē... В известной степени грамматикализовано как сложный предлог и сочетание ɛ-ārīr, но оно допускает варианты ɛ... -ārīr и ɛ-ārīr ɛə... Явно грамматикализуется сочетание ɛə с предлогом qatī, принявшее вид qa-ɛə и получившее значение совместности. Ср.: paŋizōdə qa-ɛə pōdšōrŋān nŋkōyī kŋr "обвенчал пери с царевичем"; qa-ɛə xəzəŋān ɣŋrvō "возьми с собой"; ŋny qa-ɛə yŋxīn nē kəyān "пошел с сестрой домой" и пр. Однако довольно часто qa расшифровывается в полнозначное qatī, которое к тому же может иметь и независимое, свободное употребление; ср.: zə də yū dāšk qatī ɛ-āndiwōlāf viyām "я был в степи вместе с товарищами"; xiyān sywōr ŋny qatī ɛə tōtān ɛə nēnīn "сам сел верхом вместе с отцом и матерью"; vovə qatī vŋnyŋ "ее я уведу вместе (с собой)".

Предлог və

§ 170. Предлог və получил в мунджанском языке специальное назначение показателя прямого дополнения: və uōzr ɣŋnyvŋm "я взял лошадь", və pūr jēfte "он послал сына" и пр. Ту же самую функцию в шугнано-язгулямской группе выполняет предлог az, язг. ʒ. Следовательно, различие между сравниваемыми языками заключается в данном случае лишь в выборе различных предлогов для выражения одного и того же грамматического значения. Предпосылки для

использования предлогов в роли показателя прямого дополнения были для сравниваемых языков общими. Эту общность составляло одинаковое построение фразы в прошедшем времени по принципу управления, а не согласования, через конструкции III ("у меня по отношению к лошади взятие-мое" > "я взял лошадь", ср. § 128).

Указание на предмет действия могло осуществляться с помощью различных предлогов, которые первоначально использовались параллельно друг другу в зависимости от лексического значения предиката (ср. параллельное использование ɛə и nē в современном мунджанском; § 167).

§ 171. В дальнейшем в функции форманта прямого дополнения был грамматикализован, естественно, лишь один из предлогов; в шугнано-язгулямской группе - предлог az, язг. ʒ, в мунджанском языке - предлог və. В шугнано-язгулямской группе эта грамматикализация была не полной. В период шугнано-язгулямской общности сочетание предлога [aʃe] с объектом действия оставалось на уровне синтаксического оборота, и в дальнейшем оно имело различную судьбу по языкам: или было почти полностью утрачено, как в шугнанском и рушанском языках (вероятно, под влиянием таджикского az вместе с фонетической адаптацией ему), или закрепилось и специализировалось тем или иным образом, - как в язгулямском, сарыкольском и бартангском языках. В последнем случае, т.е. при закреплении предлога az, язг. ʒ в роли показателя прямого дополнения, он или видоизменился фонетически (в сарыкольском языке и в орошорском диалекте бартангского языка, где az - предлог исхода, а a- < az - префиксальный формант прямого дополнения), или перестал употребляться в значении исхода (в язгулямском языке, где значение исхода перенесено на предлог na или на сложное предложное сочетание na-ʒ). Исключение составляет собственно бартангский диалект, сохранивший звучание az в обоих его значениях (возможно, не без влияния рушанского языка).

Утрата предлогом *ž* значения исхода в язгулямском языке сопровождалась сужением сферы его применения: он стал употребляться только при местоимениях, превратившись по существу в формант винительного падежа местоимений (*ž-mün* "меня", *ž-tu* "тебя", *ž-way* "его" и пр.). Однако все же изредка *ž* встречается при местоимениях и в прежнем своем значении исхода, как например *ni hazōr sum ž-day zažau* "возьмешь у него девять тысяч рублей"; в сочетании *pa-ž* *ž* еще тоже, может быть, ощущается как самостоятельный элемент. Таким образом, язгулямское *ž* как формант прямого дополнения еще до сих пор полностью не морфологизовано. Именное прямое дополнение в язгулямском языке специального показателя не имеет.

В бартангском языке *az* (орш. *a-*) в роли показателя прямого дополнения тоже сочетается главным образом с местоимениями, а также с именами, определяемыми указательными местоимениями (барт. *az-wī*, орш. *a-wī* "его"; барт. *az-wī wazīr-i qīwd* "позвал визиря"; орш. *a-dām axtur-at as kā vūg?* "откуда ты привел этого верблюда?" и пр.).^I Выработка показателя объекта в первую очередь именно для местоимений вполне понятна, поскольку местоимение потенциально всегда активно, что при неразличении падежей может приводить к двойственности понимания (ср. руш. *way qīwt*, которое может означать и "он позвал", и "его позвал" при барт. *wī qīwd* "он позвал", но *az-wī qīwd* "его позвал").

В сарыкольском языке формант *a-* распространился на все имена в одинаковой степени, став вполне морфологизовавшимся призна-

^I В орошорских текстах (ПЭ) иногда в роли показателя объекта фиксируется *az* в полном своем звучании, ср.: *rūroak az wurj xūg* "лисица съела волка"; *axtur-ta as šīg na xīrt* "верблюд не ест телят". Может быть, при именах полное звучание *az* постоянно?

ком как местоименного, так и именного прямого дополнения и утратив, по-видимому, всякую связь с предлогом *az* (см. СЯ 22-23).

§ 172. В мунджанском языке предлог *və*, подобно сарыкольскому *a-*, вполне определился как универсальный показатель прямого дополнения, одинаково употребляясь как при местоимениях, так и при именах; причем при местоимениях он, по-видимому, как и *az*, *a-*, *ž* шугнано-язгулямской группы, закрепился в этой роли раньше, чем при именах. Так, мундж. *və* при местоимениях в большинстве случаев представляет собой скорее префикс, нежели предлог, фонетически видоизменившийся и слившийся с местоимением: *ftə* "тебя", *vātpōx* "нас", *vāmāf* "вас". Указательные местоимения вообще дали фонетически неразложимые формы: *vəm*, *vəu*, *vow* "этого", "того", "его" и *vəmə*, *vəue*, *vowə* "эту", "ту", "ее" (ср. прямой падеж без различения рода: *mə*, *uə*, *wə* "этот", "тот", "он").

С именами мундж. *və* употребляется лишь при указании на определенный (конкретный) объект, т.е. выступает одновременно в значении артикля. Ср., например: *nə lajmon-ān liyāt kūyōqī*; *lajmon-ān yūmyvə və kūyōqāf* "Ладжмону дали (несколько) быков; Ладжмон взял (этих) быков...". В других синтаксических позициях роль артикля при имени выполняют указательные местоимения: *wə tə rūr būəunu* "(тот) твой сын пришел". Сочетание *və* при прямом дополнении с указательными местоимениями встречается только при сохранении последними своего полного указательного значения ("этот ближний", "этот средний" и пр.), как например: *tū vəm nafar də baqlōn rəzōn* "ты этих людей доставь в Баглон"; *ax km v-āždōr mēšk*, *zə vow bāem šīnu kym* "кто убьет дракона, я того человека возьму в мужа". В этом отношении мундж. *və* несколько отличается от срк. *a-*, которое свободно сочетается, как и барт. *az*, с указательными местоимениями в роли артикля (срк. *waz-am a-wī wurjef-am vəwg* "я привел коней") и которое само по себе определенности, по-видимому, не выражает. Ср., например, срк. *xytyr a-wīšk na*

xīrd "верблюд не ест телят", yad a-xalg neuḫ šid, zīnd "если она (змея) ужалит человека, то убьет (его)" и пр. (но ср. СЯ 22).

Свои прежние локативные значения мундж. вѣ утратило полностью, — более радикально, чем язг. й. Однако следы прежнего употребления вѣ в значении "по направлению к...", "по отношению к..." все же могут быть обнаружены. Ср. структуру следующих предложений: вѣ pōdšō šte "сказал царю"; уй bōzmgōn-ān вѣ pōdšō mī-mōnī kыr "некий купец оказал царю гостеприимство"; вѣ kamdyr vы-gōu xabar šī mкыrāt "не сообщили младшему брату" = "не известили младшего брата"; вѣтә зә štī әкыпым? "что мне с ней делать?" (< "что я буду делать по отношению к ней"); мып вѣ lыvēr пыšōn mкыrīуым "я сделал заметку на двери" = "я зна́ком отметил дверь"; вѣ pōdšōn wūšēvde "крикнул царю" = "позвал царя"; бѣу wййыг вѣ lōmә "пришел взглянул на селение" = "пришел увидел селение".

род

§ 173. Помимо самого факта сохранения грамматического рода, общим моментом для сравниваемых языков является дальнейшее его развитие сравнительно с исходным древнеиранским состоянием, как с точки зрения его форм, так и с точки зрения его функций. Иными словами, как в мунджанском языке, так и в шугнанской группе грамматический род не является простым остатком древнеиранского состояния, а представляет результат его видоизменения уже на собственной языковой почве, частично совпадающий для сравниваемых языков.

Общим для них является выражение женского рода через а-умлаутную перегласовку корня; ср. мундж. перф. nuāstəṭə "она села" при nuštny "он сел"; руш. прош. вр. nāst "села" при nost "сел". Этот способ выражения женского рода через а-, а также i-умлаутную перегласовку корня стал основным для шугнанской группы. В

мунджанском языке, сохранившем старое окончание женского рода *-ā > -ə (например, xšāwə "ночь"), перегласовка корня, естественно, не получила значительного развития, однако она частично осуществилась как добавочный признак женского рода в позиции перед двумя согласными, где имеем двойное отражение древнего *а: через ō в словах мужского рода (нейтральное положение) и через ā в ряде случаев в словах женского рода (положение а-умлаута). Помимо перфектных основ ср. также м.р.: uōsr "лошадь", lōst "рука", kə-rōst "шкура", lōnd "зуб", lōrgыу "сноп", pōrsыу "балка", zōmbō "десна" и пр.; ж.р.: wāxṭə "перепелка", palāstə "браслет", zāxṭə "поле", pāxškə "миска", sāstə "гора" и пр. Правда, и в словах женского рода зачастую побеждала общая фонетическая тенденция к сужению *а в ō перед двумя согласными (ср. wōrfə "снег", uōwṭə "вода" и др., см. по этому поводу § 22), но здесь существенно подчеркнуть отсутствие обратных случаев, т.е. слов мужского рода с ā перед двумя согласными в середине слова.

§ 174. Шугнанская группа сохранила старые родовые суффиксы *(а)ка (м.р.) и *(а)či (ж.р.) в виде -j и -z. В мунджанском языке в результате смягчения [k] и [č] в у эти суффиксы совпали в одном звучании -чу, ставшем показателем мужского рода (ср. § 185). Для женского рода вместо *-či был использован более поздний суффикс -(а)kā > -ṭə, который вначале добавлялся в случаях возможного смешения родовых форм, что в первую очередь касалось основ на -i/-чу любого происхождения, как например в перфектных основах: nuštny (м.р.) при nuāstəṭə (ж.р.), — или в именах: vtēri "племянник" при vtēriṭə "племянница"; nygəwыу "черный" при nygəwṭə "черная"; xūšky "старший" при xūškiṭə "старшая"; wəgыу "ягненок-самец" при wəgṭə "ягненок-самка" и пр. Впоследствии этот суффикс наряду с -ə получил весьма широкое распространение, ср., например: kūkəṭə "короткая", pəstəṭə "низкая", xōliṭə "пустая" и пр. Из формы мужского рода того же словообразовательного суффик-

са *-ak(a) был развит суффиксальный показатель мужского рода -ō(k)¹ с восстановлением k или γ перед следующей гласной: mīrō "солнце" (mīrōk-ān), kuō "бык" (kuōγ-I, kuōγ-ān) и пр.² В настоящее время развивается и другой суффикс мужского рода -γō, парный к суффиксу женского рода -γə. Ср. pastoγō "низкий" при pasture "низкая"; vrōyoγō "братец", yngiγō "юноша" и пр.

Таким образом, мы видим, что мунджанский язык развил суффиксальное обозначение рода с целой серией продуктивных родовых суффиксов, что не могло не способствовать не только сохранению рода, но и его актуализации. Ср., например, свободные живые образования типа: ty ðirg ðəmə? "что ты за человек?" (о женщине); aurgəne wuzō "удивилась (осталась удивленной)" и пр.

§ 175. В шугнанской группе, напротив, морфологические приметы рода утратили всякую продуктивность, поскольку все они дер-

¹ Нормально *a перед одним согласным в закрытом слоге дало ə. Однако при необходимости морфологического размежевания могли фонологизоваться в этом положении и o-образные варианты *a. Ср. подобное же размежевание в йидга, но с противоположным фонетическим результатом: *a в йидга дало закономерное o на месте мундж. ə, в результате чего имеем йд. xəvo (ж.р.) "ночь", но mīra "солнце". Ср. также аналогичный случай различной передачи - *a в послелого (мундж. -ān, йд. -ən) и в суффиксе принадлежности (мундж. -kōn/-γōn, йд. -kān).

² Словообразовательный суффикс на -k весьма активен и в настоящее время, особенно в словах женского рода (zinkike "женщина", kinkike "девушка" и пр.); для мужского рода фиксируется в виде -ək или -ko: xəvək "закром", bəvukō "удод". С k этого суффикса и может ассоциироваться -k-, восстанавливаемое в mīrōk-ān, xəīrōk-ān и т.д.

жаться исключительно на неживых (исторических) чередованиях гласных и согласных. Это не могло не сказаться на ослаблении и стирании грамматического рода. Лишь очень небольшое количество имен сохраняет родовую перегибровку типа: руш. rošt "красный", rāšt "красная"; ðux "петух", ðax "курица"; kud "кобель", kid "сука". Родовое же противоположение -j и -z в именах вообще уже очень сильно стерто (ср., например, руш., барт. yaxīz/yaxīj "сводная сестра"; γanīz/γanīj "невеста"; барт. pidīj/pidīz "отчим", руш. rīzanīz/rīzanīj "падчерица"; руш. γarjīz/γarjīj "участок для клевера", барт. piyōzīz/piyōzīj "участок для лука" и пр.). В язгулямском и сарыкольском языках род в настоящее время почти полностью утрачен. В язгулямском языке этому способствовало фактическое разрушение в нем той системы чередования гласных, на которой держится различие рода в шугнанской группе. Так, гласные ā, a, i, составляющие в шугнанской группе примету женского рода в соответствующих парных противопоставлениях, слились в язгулямском в одну фонему a. А гласные приметы мужского рода (руш. o,¹ u) тоже в ряде случаев смешались в язгулямском между собой. В результате строгие чередующиеся пары шугнанской группы (руш. ā : o; i : u; a : u), внутри которых данная огласовка только и получает значение родовой приметы, оказались в язгулямском языке нарушенными. К тому же и родовые чередования согласных в язгулямском языке были значительно слабее, чем в шугнанской группе, с точки зрения фонетического их противопоставления: язгулямские -g и -j, соответствующие -j и -z шугнанской группы, близки друг к другу по звучанию и иногда даже смешиваются между собой (ср. язг. kārg/kārj "курица"). Для сарыкольского языка, помимо того, что в

¹ В других языках шугнанской группы - в соответствующей передаче *a нейтрального положения.

нем главная огласовка женского рода $\bar{a}$ утратила свой фонетический облик, всюду перейдя в о, т.е. в гласный, не ассоциировавшийся с женским родом, большую роль в утрате рода сыграло, по всей вероятности, тюркское языковое окружение.

§ 176. Казалось бы, что и в остальных языках шугнанской группы, где сохранившиеся морфологические приметы рода рудиментарны и поддерживаются фактически лишь семантикой противоположающихся парных слов ($\delta\bar{u}x$ "петух", $\delta\bar{a}x$ "курица"), грамматический род находится на грани исчезновения. Однако это не так. На месте утраченных морфологических средств языка шугнанской группы развились синтаксические способы выражения рода имени или через посредство относящегося к нему указательного местоимения, или через посредство согласования его с соответствующей родовой формой глагола. Ср. руш. $m\bar{u}m \gamma\bar{a}c-r\bar{i} \delta\bar{a}\delta$ "дай этой девушке" и $m\bar{a}u \gamma\bar{a}d\bar{a}-r\bar{i} \delta\bar{a}\delta$ "дай этому юноше"; $y\bar{a} \gamma\bar{a}c \bar{z}at$ "та девушка пошла" и $y\bar{a} \gamma\bar{a}d\bar{a} sut$ "тот юноша пошел".

Актуальность рода в шугнанской группе поддерживается развившимся в нем особым грамматическим значением, связанным с выражением общего и отдельного. Женский род выражает отдельное, единичное, в значении же собирательного или общего понятия это же слово переходит в мужской род (руш. $\bar{d}um \bar{m}\bar{a}wn \bar{b}\bar{a}x \bar{k}i$ "раздели это яблоко" (ж.р.) и $\bar{d}au \bar{m}\bar{a}wn \bar{t}ar \bar{b}\bar{o}z\bar{o}r \bar{u}\bar{o}s$ "отнеси эти яблоки (м.р.) на базар" и пр.).^I

До известной степени подобное значение свойственно, по-видимому, и грамматическому роду в мунджанском языке. Имена мужского рода в форме единственного числа обычно обозначают общее или собирательное понятие, а не отдельную единицу. Ср., например: $\bar{j}\bar{e}ft\bar{o} \bar{b}\bar{d}\bar{e}m \bar{k}y \bar{o}u\bar{i}t...$ "послал людей: пойдите..."; $\bar{b}\bar{i}d\bar{o}r \bar{z}y$

^I См. по этому поводу ИРГ 371, ВДШ § 118, ЯР 25-27.

кы, $\bar{d}\bar{e} \bar{k}\bar{e}u$ - $\bar{n}afar \bar{v}\bar{i}y\bar{i}y\bar{i}$ "проснулся, а в доме, оказывается, люди"; $\bar{j}\bar{a}h\bar{o}n \bar{x}\bar{u}b \bar{s}k\bar{i}t \bar{l}\bar{e}t$, $\bar{w}\bar{e} \bar{j}y\bar{m}\bar{b}\bar{a} - \bar{r}\bar{o}q$ "(там) имеется много хвороща, все - хвойные деревья". Для выражения единственного числа используются те или иные уточнители: указательные местоимения, числительное $y\bar{u}$ "один", показатель прямого дополнения $\bar{v}\bar{e}$ и пр.: $\bar{w}\bar{e} \bar{b}\bar{d}\bar{e}m-\bar{a}n \bar{z}t\bar{o}$ "(этот) человек сказал"; $\bar{m}\bar{y}n \bar{y}\bar{u}g\bar{y}\bar{v}\bar{a}d\bar{y}m \bar{v}\bar{e} \bar{s}k\bar{i}t$, $\bar{l}y\bar{q}\bar{e}nd\bar{y}m \bar{l}y\bar{r}\bar{o}$ "я выхватил (у него) палку, отбросил далеко". Формант же женского рода $-e$, обозначая род, выступает одновременно в ряде случаев и как показатель единственного числа. Ср.: $\bar{t}y \bar{b}\bar{i}rg \bar{b}\bar{d}\bar{e}m \bar{v}\bar{i}y\bar{a}y?$ "ты что за человек (о женщине)?" ; $y\bar{e} \bar{a}lmast\bar{i}k\bar{o} - \bar{j}\bar{a}h\bar{o}n \bar{d}\bar{i}z\bar{d}\bar{e}$ "эта Алмасти - большая воровка"; $\bar{q}at\bar{i} \bar{z}\bar{e}-y\bar{a}n \bar{a}lmast\bar{i}k\bar{o} \bar{a}nd\bar{i}w\bar{o}l\bar{o} \bar{z}y$ "Алмасти стала ему товаркой". Приведенные здесь слова с формантом женского рода $-e$ не могут обозначать общего понятия и возможны лишь в конкретной ситуации в применении к определенному лицу женского пола.

§ 177. Истинные имена женского рода, такие как $y\bar{o}w\bar{q}\bar{o}$ "вода", $\gamma\bar{o}w\bar{e}$ "корова", $\bar{w}\bar{o}r\bar{f}\bar{e}$ "снег", $\bar{r}\bar{o}nd\bar{e}$ "дорога", $\bar{x}\bar{o}rg\bar{v}\bar{e}$ "летовье" и др., могут употребляться в общем значении ($y\bar{o}w\bar{q}\bar{o} \bar{a}ny\bar{u}\bar{o}$ "производить полив", $\bar{w}\bar{o}r\bar{f}\bar{e} \bar{j}\bar{a}b\bar{n} \bar{a}t$ "выпадает много снега" и пр.). Однако некоторые слова этого класса при обозначении общего понятия или совокупности предметов, а также при любом их употреблении безотносительно к числу могут терять формант женского рода, т.е. мы встречаем иногда в мунджанском языке случаи, аналогичные функционированию рода в шугнанской группе. Ср., например: $\bar{n}\bar{e} \bar{m}\bar{o}l-\bar{a}n \bar{z}\bar{o}l\bar{e} \bar{j}\bar{u}r \bar{n}y\bar{k}\bar{y}r\bar{a}t$ "строят загон (на летовье) для скота" и $\bar{y}\bar{u}g\bar{y}\bar{v}\bar{a}d\bar{y}m \bar{m}\bar{o}b\bar{i}k\bar{y}$, $\bar{v}\bar{o}w \bar{l}\bar{o} \bar{k}y\bar{t}y\bar{m} \bar{d}\bar{e} \bar{z}\bar{o}l$ "взял теленка, загнал его в загон". В последнем случае слово $\bar{z}\bar{o}l$ употреблено в роли обстоятельства места в сложном предложении "загнать в загон". Ниже даются все засвидетельствованные аналогичные примеры для других слов. $\bar{k}\bar{i}y\bar{u}k\bar{o}$ "камень": $\bar{f}\bar{b}\bar{e} \bar{d}\bar{a}n\bar{o}r \bar{y}\bar{u} \bar{k}\bar{i}y\bar{u}k\bar{o} \bar{a}st$, $\bar{d}\bar{e} \bar{k}\bar{i}y\bar{u}k\bar{o} \bar{n}\bar{o}m \bar{z}\bar{e} \bar{p}ar\bar{i}z\bar{o}d-\bar{i}n \bar{n}aw\bar{i}z\bar{t}\bar{e} \bar{a}st$ "под чинарой есть камень, на(этом) камне написано

имя пери"; ср.: *мын йиуым vow күүк дэ ридьонI* "я ударил его камнем в лоб"; *тү күүк дāлыу по-мын* "подавай мне камни (при кладке стены)"; *лыүдэ* "дочь": *вэ лыүдэ šte* "сказал (своей) дочери"; ср.: *вэ лыүд¹ дāлым нэ wān* "отдам дочерей ему"; отсутствие -э закономерно при обращении, где слово выступает в назывательной функции: *э рдāšōлыүд! э рдāšōduxтар!* при *рдāšōduxтаре үүрвō* "возьми (с собой) царевну"; ср. аналогичное: *э паризōд!* "о пери!" при *вэ паризōдэ үүмүд* "взял (с собой) пери"; *зәрикә* "старуха": *зәрикә ыдауōу, йуу ыңгә к wazīr* "старуха поспешила к визирю", ср.: *нэ зәгI лыүдāф* "старухиним дочерям"; *йуу дэ зәгI кәу* "пошел в старухин дом";² при обращении: *э зәгI!* и в словах аналогичного образования: *э йинкI!* (*йинкикә*); *э уыхI!* (*уыхикә*);³ *хәәwә* "ночь": *хәәwә viүә* "была (наступила) ночь", но *мālēn хәәw* *Almastiykә* *бүәүә* "в полночь (среди ночи) пришла Алмасти".

§ 178. Имена качественные мужского рода, поскольку они могут выражать общее понятие качества, употребляются во всех функ-

¹ Так в первоначальной записи Грюнберга повторяется дважды в одном и том же контексте. В поздней правке изменено на *вэ лыүдэ* (ср.: А.Н. Грюнберг. Мунджанский язык. Л., 1972, 122, 9, 10), думаю, ошибочно. Речь с самого начала шла о трех дочерях, которые затем и были вручены победителю соревнования как приз.

² Слова с формантами женского рода -э, -кә, -үә вовсе не употребляются в адъективной функции, требующей именно общего, неиндивидуализированного значения слова. Возможно, что исключение могут составлять слова собирательные, типа *wōrfe* "снег", *уōwүә* "вода", *уәхуә* "зола", но и они в этой функции не встречены (ср. слова мужского рода: *кōsk пāуым* "ячменный хлеб", *түу дырахт* "тутовое дерево", *уүрзәп хәйIүI* "просянные лепешки").

³ Слова этого типа ясно обнаруживают исход основы на -i < -әй (ср. § 186).

циях, в том числе в значении наречия, а также при именах женского рода в определительной функции. Например: *үәйү* "хороший", "хорошо"; *үәйү кинкикә* "хорошая девушка" (МЯ 132, фраза 56); *идIр* "другой", "в другой раз", "еще"; *wә idIр* "остальное"; *вэ idIр ыңлә-нт әтI нкыны?* "с другой своей женой как ты поступишь?" и пр. Имена качественные с показателями женского рода -э, -кә, -үә употребляются лишь в функции сказуемого (или в составе сложного сказуемого): *нэ хIгүә жәһп стүрә* "эта мельница очень большая"; *уү жәрикә раудбүә йуу* "появилась какая-то старуха";¹ если не считать субстантивного их употребления (*wә idIрә* "другая (женщина)", *нэ idIр-In liүә* "отдала другой (женщине)" и пр.).²

Аналогичное смысловое противоположение имеют и формы рода в перфектных основах: так, основы переходных глаголов мужского рода могут употребляться в различных общих значениях, а основы женского рода применяются лишь к прямому дополнению женского рода (см. § 146). При этом если имя женского рода употреблено в общем значении, то относящаяся к нему перфектная основа может иметь форму мужского рода. Ср., например: *wāf daf, хәйlēнә, dambүгә үн-*

¹ В таких случаях, как *ыңгә уōwүә үәйкә lēt*, слово *үәйкә* тоже входит в состав предиката: *lēt* здесь вспомогательный глагол "имеется": "вода там - хорошая (имеется)".

² Имена женского рода с исходом на -икә, -иүә в определительной функции теряют показатель -кә, -үә, но сохраняют исход на -i, аналогично тому как это было в случае с *зәгI кәу* "старухин дом" (§ 177): ср.: *хушкI aguшкә* "большой палец" (МЯ 180) при м.р. *хушкәу* (= *хушкыу*), ж.р. *хушкIүә*. Отношения с мужской формой на -ну здесь не совсем ясны: ср. у Гр. *хушкI үгбү* "старший брат"; *мlēmәi үгбү* "средний брат". Здесь возможна родовая нейтрализация по форме женского рода.

rhvduy dehāt "они взяли бубны, свирели, домры и играют".

§ 179. На связь формы женского рода с индивидуализацией предмета могут указывать и такие случаи, как *rālē žē myn γāške žny* "нога у меня зажила", в то время как при слове мужского рода в аналогичной фразе появляется индивидуализирующий местоименный артикль: *wē zīg žē myn šāl žny* "колено у меня повредилось". Выходит, что показатель женского рода -э (-γе, -кә) может выполнять одновременно и функцию артикля.

В связи с этим следует обратить внимание на показатель единичности -ī, который употребляется как в сопровождении *yū* "один" (*yū... -ī*), так и без него: *wyγē šamšīr-ī jūr myn* "там сделай (себе) меч"; *past žē šār-ān yū sarəwz-ī ast* "за гордом есть озеро" и пр. Насколько можно судить по имеющимся текстам, этот формант единичности функционирует только при именах мужского рода. Ср., например, имена мужского и женского рода в совершенно аналогичной грамматической ситуации: *wyγē yū šanōr-ī ast*, *fē šanōr yū kkykē ast*; *dē kkykē nōm žē parizōd-īn nawišta ast* "там есть чинара, под(этой)чинарой есть камень, на(этом)камне написано имя пери". Можно было бы предположить, что -ī единичности, раз оно может быть заменено артиклем *yū*,¹ не прибавляется к словам женского рода исключительно по фонетическим причинам, поскольку последние имеют гласный исход. Однако употребление -ī при словах мужского рода с гласным исходом - обычное явление, как например: *yū tasmā-y xīške* "вырезал ремень"; *yū qalā-y astāt* "(там) есть дворец" и пр.

¹ Сейчас трудно сказать, есть ли какое-либо смысловое различие между *yū mūsafīd* и *yū mūsafīd-ī* "один старик". Сам по себе показатель -ī неопределенности, по-видимому, не обозначает.

§ 180. Употребление форманта женского рода -э, -γе в предложениях типа *yē Almastikē - jahōn dūzde* "эта Алмасти - большая воровка" (§ 176) весьма напоминает употребление форманта множественного числа -ī при именном сказуемом, где он одновременно выполняет и функцию предикативной связки (§ 156). Ср.: *yāu jahōn sahībsūrat-ī* "они очень красивы (суть)" и *yē Almastikē - jahōn dūzd-э* "эта Алмасти - большая воровка (есть)"; *yāu nafarī kdi-γī?* "эти люди кто (суть)?" и *yē kdi-γе?* "она кто (есть)?".

Еще более наглядно выявляется тождественное функционирование формантов множественного числа -ī и женского рода -э в случаях типа: *yāu ne tē bahšīš-ī* "они тебе - подарок (суть)" и *ne tē - bahšīš-э* "она тебе - подарок (есть)". Едва ли здесь можно говорить как о форме множественного числа, так и о форме женского рода для слова *bahšīš*: оба форманта выступают в роли предикативной связки. Совершенно очевидна во многих случаях безотносительность -ī и -э к форме слова при их функционировании в составе сложных глаголов, где они повторяют объект действия. Ср. *vē skūtāf aγē-γī kkyrāt* "бревна распилили (их)"; *vē lyγdē žē-yē kyr* "дочь (свою) спрятала (ее)"; *vē rōdšōlyγdē yala-yē kyr* "царевну освободил (ее)" и пр. Подобные случаи обнаруживают генетическую связь форманта -э, равно как и форманта -ī, с указательными местоимениями. Стало быть, современный формант женского рода -э продолжает два источника: древнее окончание женского рода *-ā в контаминации с мунджанским указательным местоимением, -возможно *yē* из формы женского рода [(a)yā]. Из этого же местоимения может быть выведено и -ī единичности мужского рода, - из формы мужского рода [ay(a)], которая в положении после согласных дала стяжение в ī (*yū ūbār-ī*), а после гласных - сокращение в -y (*yū qalā-y*). Ср. аналогичное размежевание родовых форм указательных местоимений в винительном падеже: м.р. *vē-y* "его", ж.р. *vē-yē* "ее".

(В самостоятельном (неосложненном) употреблении мунджанские указательные местоимения в настоящее время рода не различают: уе, ме, ве "он", "она", "тот", "та"-в зависимости от степени удаления).

Показатель -е местоименного происхождения, неся в себе в ряде случаев артиклевое значение, не может не способствовать закреплению за формой женского рода значения единичного, отдельного. Однако это переосмысление рода находится в мунджанском языке лишь в становлении, и нужно значительно большее количество фактов, чтобы определить силу противодействующих этому процессу моментов, как например неотъемлемость -е в ряде слов (уōwуе "вода" и пр.) с употреблением их в значении общего понятия, чего совсем не знает женский род в шугнанской группе.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 181. Для местоимений имеем лишь одно существенное расхождение между сравниваемыми языками: в мунджанском языке 2 л. мн.ч. представлено местоимением mōf на месте шугн.-руш. tama, барт., срк. tamāš, язг. tēmoх. В истоках этого расхождения, как это разъяснено в IIFL II 129, лежит фонетическое смещение *ahmā-хат и *(уи)šmāхат, которые одинаково давали в своем продолжении форму [māх(a)].¹ Для их различения шугнано-язгулямская группа и мунджанский язык использовали различные средства: префигирование *ta, взятого из единственного числа - в первом случае, и использование для 2 л. иного косвенного падежа (вероятнее, дательного,

¹ Восстанавливаемое исходное а(ā) объясняет огласовку этого местоимения для всех сравниваемых языков, а также ž < *х в шугнанской группе: шугн. гр. māš, язг. moх, мундж. mōх.

ав. хšma¹byā) - во втором (> мундж. mōf). Следовательно, допущение шугнано-язгулямо-мунджанской общности возможно лишь при условии, что в период этой общности оба падежа, - как родительный, так и дательный, - были еще вполне живыми. Но это необходимое условие вовсе не уводит нас в слишком большую древность. Судя по именным показателям множественного числа на -n и -f, происшедшим из этих падежей и варьирующим по языкам шугнано-язгулямской группы, оба эти падежа были еще живыми в значительно более позднее время, вплоть до общешугнанского состояния.²

§ 182. К поздним расхождениям относится и утрата мунджанскими указательными местоимениями старых форм косвенного падежа единственного числа, которые перестали быть актуальными, в то время как в языках шугнано-язгулямской группы косвенный падеж указательных местоимений получил дополнительную грамматическую нагрузку выразителя падежа и рода (иногда также числа) имен существительных. Мунджанский язык, сохранивший суффиксальное обозначение рода и развивший новый косвенный падеж на -ān и -īn, выражает эти значения в самой форме имени. Ср. указательное местоимение в адъективной функции: мундж. šūt nē-m Almastik-īn "говорит этой Алмасти" и жē nē-m ōdem-ān šti šōun? "что я скажу этому человеку?". Для субстантивного же употребления указательных местоимений в мунджанском, как и для имени, выработаны новые косвенные падежи; ср. для средней степени: винительный падеж vēu "его", vēue "ее"; падеж подлежащего при косвенной конструкции uān (м.р.), uāi¹ (ж.р.); косвенный предложный nē-u(ā)n "ему", ž-

² Косвенный падеж на -f, продолжающий дательный, остается живым и по настоящее время в языках мунджанском и сарыкольском (а также ваханском).

¹ Здесь следует предполагать отпадение n в послелого, ср.

əuān "от него", nəīn "ей".

В остальном мунджанские указательные местоимения, хорошо сохранившие три степени удаления, имеют большее сходство с указательными местоимениями шугнанской группы, чем язгулямский язык, сильно видоизменивший всю систему указательных местоимений.

§ 183. Местоимение шугнанской группы х́уаḡ "сам" не находит своего соответствия в мунджанском языке. Однако этого местоимения нет и в язгулямском. Следовательно, мунджанский язык мог точно так же утратить эту форму, как утратил ее язгулямский язык, причем мунджанский язык имел больше оснований для подобной утраты, поскольку *x^va-rati или *x^va-raḡua¹ дало бы в мунджанском [x́uḡau > x́uḡəu > xwəu], что легко привело бы к контаминации с мундж. хәу < *x^vata- "сам". Фонетическое изменение *x^vata- в хәу привело, в свою очередь, к смешению хәу с продолжением *x^va->хә "свой" (шугн. ху); ср. мундж. хәу, реже хә "свой": nə хәу watan-ān "на свою родину", nə хәу Kəu-ān "в свой дом". Поэтому для субстантивного употребления потребовались новые формы: для функции подлежащего была образована форма х́уān(I) "сам",² а при употреблении с предлогами хәу было заменено новым словом, заимствованным из сангличского: və хәзәг "себя", ʒə хәзәг-ān "от себя" и пр.³ Исключение составляет предлог nə, который сочетается с фор-

косвенный предложный падеж (nə-īn). Падеж подлежащего может употребляться и в определительной функции: wān mūsafīd-ān ʃtə "тот старик сказал".

¹ Ав. x^vaḡratay-, x^vaḡraḡua-, но шугн. х́уаḡ из *x^va- или *x^viḡraḡua-.

² Исходное (-I) может быть местоименного происхождения. В йидга х́уān(I) не отмечено; йд. хоуо "сам".

³ В йидга в имеющихся материалах хәзәг не отмечено.

мой хәу: nə хәуn "себе". Остатки субстантивного употребления хәу находим также в составе хәу-kōn "принадлежащий себе", "собственный". В настоящее время хәзәг, как кажется, расширяет свои функции, встречаясь иногда в адъективном употреблении: ʃyūāt də хәзәг rōdʃōī "отправились в свое царство".

§ 184. Что касается отмеченного во "Введении" для шугнанской группы (§ 16) расхождения между основами местоименных наречий и указательных местоимений внутри дальней и ближней степени (хуф. уaw "тот", уam "этот" при tar-am "там", tar-aw "здесь", ср. мундж. wɨr(ə) "там", məl(ə) "здесь"), то этот вопрос остается открытым и требует специального исследования. По недостатку данных сейчас неясно, как обстоит дело с местоименными наречиями в других языках: за исключением шугнанской группы, они нигде с достаточной полнотой не выявлены. Здесь надо будет учитывать наречные местоименные образования всех типов, например таких, как мундж. uend // шугн. dūnd "такой" (шугн. также "столько" при мунджанском сложном муḡna "столько", "настолько"); шугн. dīs "такой", mīs "также", с которыми ср. мундж. wɨs аналогичного образования со значением "теперь", "сейчас" (но не "тогда"; т.е. здесь тоже ближняя степень с корневым w?). Ср. шугн. mānd "теперь" с корневым m для ближней степени и пр.

ЛЕКСИКА

СХОЖДЕНИЯ

Помимо отмеченных во "Введении" прямых специфических словарных совпадений, имеем также и иные типы лексических схождений между сравниваемыми языками.

ОБЩНОСТЬ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

§ 185. Для выявления словарной общности в прошлом весьма показательны случаи одинакового образования сравнительно поздних слов, т.е. слов, не унаследованных от общеиранского состояния. На это частично уже обращалось внимание во "Введении", здесь же приводится более полный список подобных общих образований.

Ср. шугн. *γijīd*, ид. *γijio* "хлеб"; руш. *avdost*, мундж. *M. av-losto*, Зар. *alvōsta* "рукавицы"; язг. *perγ'aht*, мундж. *perγ'ākyu* "перстень"; шугн. *biγūγ*, мундж. Зар. *uivguš*, М. *'avγuš* "пазуха" < **ari-gauša-*; язг. *š-pašk*, мундж. *ab-pōš* "сзади"; язг. *saueg*, мундж. *sōγa* "тень" < **sāyaka-*; язг. *ender*, мундж. *dīr* "другой", с одинаковым подъемом гласной суффикса < **antāra-* при ав. *antara-*; шугн. *warbān*, мундж. *wurūn* "мельничный вал"; срк. *wareγj*, ид. *wā-riγo* "дождь" при вах. *whr*, ав. *vāra-*; шугн. *mēšīn*, мундж. *mīšēn* "днем"; язг. *maδen*, мундж. *mēlōn* "поясница" (при шугн. *mīδ*, руш., барт. *mēδ*, вах. *maδ*); руш. *mīδēnz*, мундж. *mīēmōi* "средний по возрасту"; шугн. *farγēmz*, ид. *farγōmšek* "телка"; мундж. *farγōmny* при

ишк. *farγem* "козленок".

§ 186. Последние примеры говорят также об общности словообразовательных суффиксов. Прежде всего здесь следует отметить общий суффикс женского рода **(ə)δi* к суффиксу мужского рода **(ə)ka*, который хорошо отражен в шугнанской группе в виде *-z/-s* и *-j/-š* соответственно, например в перфектных основах или в сложном суф. *-īj*, *-īz* и др.

В мунджанском языке суф. **(ə)δi* обнаруживается в виде *-δ* в положении после *m* и *n*, где оно сохранилось, очевидно, потому, что безударное **ə* рядом с сонантами выпало раньше, чем в других случаях, т.е. **maδyanēi* рано дало *[maδyanδi]* > *mīēmō*; то же ср. в *farγōmš* "телка". В остальных случаях **δ* в *[-əδi]*, находясь в положении между гласными, смягчилось в *y*, как **k* в *[-əka]*, дав одинаковый результат *-ny*, который закрепился за значением мужского рода *uānyu* "мука", *šnyu* "пошел" и пр. (см. по этому поводу §§ 132, 174). Возможно, что некоторое время в мунджанском языке существовала тенденция к размежеванию мужского и женского рода противоположением вариантных звучаний возникшего суффикса (*-ny*, *-iy*): *-ny* для мужского рода, *-i(y)* — для женского. Следы этого размежевания можно видеть в таких случаях, как мундж. *unxike* "сестра" (ср. руш. *уахз-ēn* "сестры"), мундж. *zerike* "старуха", мундж. *nyfike* "веник" (ср. язг., барт. *rafo*). Во всех этих и аналогичных случаях суффикс женского рода *-i* мог сохраниться лишь будучи поддержан вторичным поздним универсальным суффиксом женского рода *-ke*, поскольку формант *-ī* в мунджанском языке чрезвычайно многозначен (например, *unxī* означает "сестры"). В результате возник сложный суффикс женского рода *-ike*.

§ 187. Долго оставался продуктивным в сравниваемых языках суф. **-ya*, *-iya*, отразившийся в *i*-умлаутной огласовке корня. Ср. образования с восстанавливаемым суф. **-(i)ya*; в мунджанском: *xūl-rīl* "босой" < **-padya-*; *nywīl* "постель" < **ni-padya-*; с поздним

добавлением -ə: mīlə "дрожжи" < *mad(u)ya; wēre "штаны" < *war-tya-; в шугнанской группе: руш. рѣд "западня" < *radya-; шугн. хамѣд "закваска" < *mad(u)ya- с подъемом гласной; руш. rīzēn "дочь" < *gra-zanya- и пр. Особенно показательны в этом отношении рушанские формы относительных имен типа dēraḥēn, baraḥēn, vaznāwd "житель кишлака dēraḥūn, Baraḥūn, Vaznāwd" (ЯР 31), которые говорят о недавней актуальности суф. *-ya.

§ 188. Вполне вероятно, что в мунджанском языке в ряде случаев мы встречаемся с сохранившимся *-(i)ya, представленным в виде ī - i - ну (с непостоянным ударением): xūrī/ī, vrērī/ī, Зар. также xūrēy, vrerēy "племянник", "сын сестры, брата" < [xārya-, *vrātarya-] (для женского рода xūrī+ḡe, vrērī+ḡe, Зар. также xūrīye "племянница"). Ср. шугн. xēr "племянник", "племянница" из того же [xārya-, ж.р. xāryā-], но с нейтрализацией рода после падения суффикса. Ср. также мундж. Зар. pirsiga, шугн. pērg "ребро" < *parsya или *rāgsya; мундж. ueḫika, М. uəḫiko, ueḫika, Зар. ueḫ, шугн. ueḫ "гнездо"; йд. reḫiko, руш. рѣд "западня"; во всех этих случаях сохранению -i в мунджанском могло способствовать добавление позднего суффикса.

В шугнано-язгулямской группе тоже находим сохранение *-ya при осложнении его *-k/-ḡ и -n суффиксами в виде язг., руш., барт. -i-, -ī-, шугн. -ē-, срк. -ey-, ср. суффикс относительных имен в шугнано-язгулямской группе: шугн. -ēj, -ēz; срк. -eyj, -eyz; руш., барт. -īj, -īz; язг. -ig: шугн. хагаḡēj; руш. хагаḡīj "житель Хорога" и прочие употребления этого распространенного суффикса.

§ 189. Судя по типу стяжения, трансформация *-(i)ya как в шугнано-язгулямской группе, так и в мунджанском языке шла через этап [əy]. В шугнано-язгулямской группе [əy], попав при добавлении родовых суффиксов *-ka, *-ḡi в положение перед согласным и

приняв на себя ударение, дало ay/aī, стаянувшееся затем по языкам в соответствующий передний гласный, с закономерным сохранением дифтонгичного звучания в сарыкольском.

Поскольку в мунджанском языке слабый дифтонг или слабое сочетание *əy продолжает функционировать вплоть до настоящего времени в виде ну/ī, ī (§ 28), то и суф. *-ya > [əy] в случаях его сохранения получил именно это звучание -ī/-ī, -ну, как можно видеть по примерам, приведенным выше.

В связи с этим следует обратить внимание на sporadическую передачу в мунджанском таджикско-персидского исходного -ī через -ну: мундж. juwōḡny "кукуруза" вместо juwōḡī при обычной передаче заимствованного суффикса через -ī: nikī "благое", kiḡōī "какой местности (человек)?" и пр. Йидга, напротив, нормально передает заимствованный суффикс через -ē, равное мунджанскому -ну: йд. ḡī-nē/ḡīnī "пиала", pḡanē "лоб", xālē "пустой" и пр. (IIFL II 115, § 183). При подобном фонетическом отождествлении таджикско-персидского суффикса -ī с мунджанским -ну, -ī/-ī из *-ya следует говорить не столько о прямом его заимствовании, сколько о его контаминации с мунджанским суффиксом.

Не в меньшей степени это относится и к шугнано-язгулямской группе. Здесь *əy в исходе слова дало по языкам варианты ī, ī, ay (§ 35), и именно этот фонетический облик получило здесь заимствованное тадж. -ī: шугн. zūrī, барт. zūrī, руш. zūrāy, язг. zē-rāy "сила". Существенно отметить, что названный суффикс -ī, -ī, -ay шугнано-язгулямской группы не всегда равен тадж. -ī по значению. Ср., например, язг. deqonaу "взращенный руками человека", "культивированный", "плод крестьянского труда" при тадж. deqonī "крестьянский"; язг. rebovaу "музыкант-рубабист" при тадж. rubōb-ḡī для этого значения и пр. Ср. также барт. baḡāndī kōlā "наилучшая ткань", "ткань лучшего качества"; бадж. ruḡtauy wīḡiḡ

"степная пташка", бадж. $\text{xi}^{\text{h}}\text{p}^{\text{h}}\text{ni}^{\text{h}} \text{ } \gamma\text{ao}$ "шугнанская девушка", руш. $\text{rix}^{\text{h}}\text{ta}^{\text{h}}$ (< $\text{rix}^{\text{h}}\text{ta}-\text{ay}$) $\text{pi}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{b}$ "дикий лук", руш. $\text{darw}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{ay} \text{ } \gamma\text{ao}$ "дарвазская девушка". При этом руш. $\text{darw}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{ay}$ не может означать "дарвазец" в отличие от тадж. $\text{darw}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{i}$. Для выражения этого значения рушанский язык в настоящее время использует или суфф. $-\text{I}^{\text{h}}$ ($\text{darw}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{-I}^{\text{h}}$ "дарвазец"), или тадж. суфф. $-\text{i}$ в таджикском же звучании, заимствованный вместе со словом: $\text{darw}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{i}$ "дарвазец". Тадж. $-\text{i}$ проникает в рушанский язык в настоящее время также и в составе абстрактных существительных: $\text{xu}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}\text{i}$ "добро", $\text{xu}^{\text{h}}\text{i}$ "радость" и пр., в результате чего в нем как бы формируется новый суффикс $-\text{i}$, который образует лишь имена существительные, но не прилагательные, чем и противостоит суфф. $-\text{ay}$ широчайшего смыслового диапазона.^I Вероятно, такая же дифференциация суффиксов возможна и в язгулямском языке, поскольку этот процесс, как и в рушанском, может быть поддержан фонетическим различием $-\text{i}$ и $-\text{ay}$. Во всяком случае при дальнейших исследованиях следует обратить большее внимание на значение суфф. $-\text{i}$ // $-\text{I}^{\text{h}}$ // $-\text{ay}$ в шугнано-язгулямской группе, равно как и суфф. $-\text{I}^{\text{h}}/\text{-i}$, $-\text{nu}$ в мунджанском языке.

§ 190. Совпадает в сравниваемых языках образование субстантивных (и частично выделительных) числительных с п-суффиксом. Ср. мундж. $\text{li}^{\text{h}}\text{yan}-\text{ni}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}$ "двое из них" и шугн. $\text{wa}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}} \text{ } \delta\text{i}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{p}^{\text{h}}$ "те двое".

В мунджанском этот суффикс отмечен в виде $-\text{yan}^{\text{h}}$, $-\text{ini}^{\text{h}}$ ($-\text{eni}^{\text{h}}$), $-\text{un}^{\text{h}}$, $-\text{ni}^{\text{h}}$; ср. $\text{li}^{\text{h}}\text{yan}-\text{ni}^{\text{h}}\text{b}^{\text{h}}$ "двое из них", $\text{li}^{\text{h}}\text{un}^{\text{h}}$ "двое", "вдвоем", $\text{y}^{\text{h}}\text{ki}^{\text{h}}\text{ni}$, $\text{y}^{\text{h}}\text{ke}^{\text{h}}\text{ni}$ "один", "в одиночку", $\text{ro}^{\text{h}}\text{ni}^{\text{h}}$ "пятеро", "впятером"; иногда с удвоением: $\text{ox}^{\text{h}}\text{naun}^{\text{h}}$ "шестеро", "вшестером"; в йд.: $\text{li}^{\text{h}}\text{ini}$, $\text{lu}^{\text{h}}\text{neke}$.

^I См. ЯР, где $-\text{i}$ определяется только как суффикс существительных (стр. 46) в отличие от $-\text{ay}$ (стр. 46, также см. стр. 40).

В шугнанском языке ему соответствует суфф. $-\text{en}$, всегда безударный (в мунджанском и йидга не всегда отмечено ударение): бадж. $\delta\text{i}^{\text{h}}\text{en}$ "десятеро", $\text{a}^{\text{h}}\text{ay}^{\text{h}}\text{en}$ "трое", $\text{va}^{\text{h}}\text{en}$ "оба" (БДШ § 234).^I

В язгулямском языке соответствующий суффикс представлен в виде ударного $-\text{gen}$, где $-\text{g-}$, закономерное в $\text{y}^{\text{h}}\text{gen}$ ($\text{y}^{\text{h}}\text{g}$ "один"), было использовано впоследствии и в других числительных, сначала как вставочный согласный между гласными ($\text{ci}-\text{g}-\text{en}$, $\text{nu}-\text{g}-\text{en}$), а затем, войдя в состав суффикса, распространилось и на остальные случаи: $\delta\text{a}^{\text{h}}\text{gen}$, $\text{ra}^{\text{h}}\text{gen}$. В ЯЯ (35) образования на $-\text{gen}$ определяются как разделительные числительные: "по одному", "по два" и т.д. Однако не исключена возможность того, что эти формы имеют и субстантивное значение. В частности, пример $\delta\text{ev}^{\text{h}}\text{gen}-\text{da} \text{ } \text{red}^{\text{h}}\text{gan}^{\text{h}}$ (ЯЯ 35) вполне допускает такое толкование: "парами, двойками называю (буса)".

ОБЩИЕ ПРОДУКТИВНЫЕ КОРНИ

§ 191. В ряде случаев сравниваемые языки сближаются большей употребительностью и продуктивностью того или иного корня по сравнению с ишкашимским и ваханским языками, в которых этот корень или сохранился в отдельных словах, или даже не засвидетельствован вовсе. Хотя подобное сопоставление по языкам может быть удовлетворительно проведено лишь после публикации новых лексических материалов, некоторые примеры в этом направлении можно привести уже сейчас.

Так, корень * $\sqrt{\text{gaib}}$ засвидетельствован в ваханском и ишкашимском только в значении "прясть": ишк. $\text{iv} : \text{ivd}$, вах. $\text{zip} :$

^I В случае с шугн. $\delta\text{i}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{p}^{\text{h}}$, бадж. $\delta\text{i}^{\text{h}}\text{u}^{\text{h}}\text{p}^{\text{h}}$ "два", "двое" вероятно влияние w [$\delta\text{aw-}$].

жорт. В сравниваемых же языках этот корень представлен также и в ряде других образований. Ср. шугн. $\dot{\text{z}}\ddot{\text{e}}\text{b}$: $\dot{\text{z}}\ddot{\text{i}}\text{v}\ddot{\text{a}}$, язг. $\dot{\text{r}}\text{ib}$: $\dot{\text{r}}\text{ibt}$, мундж. $\dot{\text{r}}\text{i}\text{w}$: $\dot{\text{r}}\text{yv}\ddot{\text{a}}$ "прять"; шугн. $\text{wi}\dot{\text{z}}\text{afs}$: $\text{wi}\dot{\text{z}}\text{i}\text{v}\ddot{\text{a}}$, язг. $\dot{\text{r}}\text{afs}$: $\dot{\text{r}}\text{ov}\ddot{\text{a}}$, мундж. $\dot{\text{z}}\text{y}\dot{\text{y}}\text{w}$: $\dot{\text{z}}\text{y}\dot{\text{y}}\text{v}\ddot{\text{a}}$ "возвращаться", с каузативом: шугн. $\text{wi}\dot{\text{z}}\text{eb}$: $\text{wi}\dot{\text{z}}\text{i}\text{v}\ddot{\text{a}}$, язг. $\dot{\text{r}}\text{ib}$: $\dot{\text{r}}\text{ibt}$, мундж. $\dot{\text{z}}\text{y}\dot{\text{y}}\text{i}\text{w}$: $\dot{\text{z}}\text{y}\dot{\text{y}}\text{i}\text{v}\ddot{\text{a}}$ "возвращать". В мунджанском, кроме того, от этого корня имеем $\text{z}\dot{\text{y}}\dot{\text{y}}\text{w}$: $\text{z}\dot{\text{y}}\dot{\text{y}}\text{v}\ddot{\text{a}}$ "кружить", "бродить" с каузативом $\text{z}\dot{\text{y}}\dot{\text{y}}\text{i}\text{w}$: $\text{z}\dot{\text{y}}\dot{\text{y}}\text{i}\text{v}\ddot{\text{a}}$ "скручивать"; "объезжать (окрестности)".

Продуктивными были в сравниваемых языках корни $^*\sqrt{\text{rad-}}$ и $^*\sqrt{\text{rat-}}$, которые, вероятно, частично контаминировались между собой. Ср. от $^*\sqrt{\text{rad-}}$: мундж. $\text{ny}\dot{\text{l}}\text{v}$: $\text{ny}\dot{\text{w}}\text{b}\text{st}$ "лежать", "спать" с перестановкой корневых гласных в основе настоящего времени, при каузативной форме $\text{ny}\dot{\text{w}}\text{el}\ddot{\text{o}}\text{v}$: $\text{ny}\dot{\text{w}}\text{el}\ddot{\text{e}}\text{v}\ddot{\text{a}}$ "укладывать (спать)"; $\text{ny}\dot{\text{w}}\text{i}\text{l}$ "постель"; шугн. $\text{amb}\dot{\text{i}}\ddot{\text{t}}$: $\text{amb}\dot{\text{u}}\text{st}$, язг. ambis : ambist "обрушиваться", "падать"; руш. $\text{p}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{d}}$, язг. $\text{pa}\ddot{\text{d}}$ "западня", ср. с ид. $\text{re}\dot{\text{x}}\text{i-ko}$ в том же значении, где вероятно смешение с корнем $^*\sqrt{\text{rat}}$ ($^*\text{ra-}\dot{\text{d}}\text{ya}$). От корня $^*\sqrt{\text{rat}}$ в шугнано-язгулямской группе имеем: шугн. $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{i}\ddot{\text{t}}$: $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{i}\ddot{\text{a}}$ "выпадать", "выдергиваться", с каузативом $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{en}$: $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{ent}$ "выдергивать", "вытаскивать" с падением исходного корневого t ; шугн. ziban : zibud , язг. $\text{z}\ddot{\text{e}}\text{ban}$: $\text{z}\ddot{\text{e}}\text{bo}\ddot{\text{d}}$ "отпрыгнуть", "отпрянуть" с каузативом шугн. $\text{zib}\ddot{\text{e}}\text{n}$: $\text{zib}\ddot{\text{e}}\text{nt}$, язг. $\text{z}\ddot{\text{e}}\text{bend}\text{an}$: $\text{z}\ddot{\text{e}}\text{bend}\text{and}$ "вспугнуть", "отогнать".¹

¹ Возможно, что к контаминированному корню $^*\sqrt{\text{rad-}}/\text{rat-}$ возводится также мунджанское $\dot{\text{z}}\text{i}\dot{\text{x}}$: $\dot{\text{z}}\ddot{\text{o}}\text{st}$ "падать" при каузативе в ид. $\dot{\text{z}}\ddot{\text{a}}\text{d}$: $\dot{\text{z}}\ddot{\text{a}}\text{i}$ "бросать". Здесь $\dot{\text{z}}$ вполне вероятно из $^*\text{ni}\dot{\text{x}}\text{rad}/\text{t}$ $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{rad-}$ $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{ad-}$ $\text{z}\ddot{\text{a}}\text{d-}$. В таком случае этот глагол вполне аналогичен шугн. $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{i}\ddot{\text{t}}$ "выпадать" $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{ratsya-}$ (но ср. объяснение $\dot{\text{z}}\text{i}\dot{\text{x}}$: $\dot{\text{z}}\ddot{\text{o}}\text{st}$ $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{a-}\text{ha}\text{-}\text{ha}\text{-}\text{d}$ в IFL II 257, $\text{ti}\dot{\text{x-}}$). Корни с исходом на $-\text{t}$ и $-\text{d}$ распознаются в глаголах главным образом по основе про-

В ишкашимском языке находим только один глагол ambid : $\text{amb}\dot{\text{u}}\text{st}$ "обрушиваться", который к тому же не засвидетельствован в санглическом; в ваханском представлен глагол bet : $\text{b}\ddot{\text{e}}\text{n}$ "падать".

Общий корень в сравниваемых языках имеем в срк. sev : sevd "щипать", "выщипывать", язг. safs : $\text{c}\dot{\text{u}}\text{v}\ddot{\text{d}}$ "впиваться", "вонзаться", мундж. syb : $\text{syb}\ddot{\text{d}}$ "щипать", "ущипнуть", "жалить". Дериваты: шугн. $\text{sav}\dot{\text{i}}\text{nc}$, руш., барт. $\text{sav}\ddot{\text{e}}\text{nc}$ "оса", язг. $\text{sav}\ddot{\text{e}}\text{nc}$ "клев", ид. serio "щипцы для волос". В вах. сыгм : $\text{sygm}\ddot{\text{a}}$, ишк. $\text{sygm}\ddot{\text{b}}$: $\text{sygm}\ddot{\text{v}}\ddot{\text{a}}$ "щипать", "ущипнуть" вероятен другой корень; причем этот глагол явно зонален: он представлен во всех языках шугнано-язгулямской группы (всюду в совпадающем звучании и в одинаковом значении: язг. segamb : $\text{sego}\text{v}\ddot{\text{d}}$, срк. sygam : $\text{sygam}\ddot{\text{d}}$, шугн., руш., барт. $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{-siram}\text{b}$: $\text{ni}\dot{\text{x}}\text{-siru}\ddot{\text{v}}\ddot{\text{a}}$ "щипать", "ущипнуть"), но не представлен в мунджанском и санглическом. В шугнано-язгулямской группе (исключая сарыкольский язык) этот глагол вытеснил глаг. sav- (ср. срк. sev : sevd), наличие которого в прошлом свидетельствуется шугн., руш., барт. $\text{sav}\dot{\text{i}}\text{nc}$, $\text{sav}\ddot{\text{e}}\text{nc}$ "оса". В язгулямском языке, как и в сарыкольском, представлены оба глагола с размежеванием значений: язг. safs : $\text{c}\dot{\text{u}}\text{v}\ddot{\text{d}}$ "вонзаться", "впиваться", segamb : $\text{sego}\text{v}\ddot{\text{d}}$ "щипать", "ущипнуть". Но в шугнано-язгулямской группе имеем еще один глагол: шугн., руш., барт. cirafs : $\text{ciru}\ddot{\text{v}}\ddot{\text{a}}$, язг. cirafs : $\text{ciro}\text{v}\ddot{\text{d}}$ со значением "саднить"; "щипать, драть, колоть

шедшего времени: ср. шугн. $\text{na}\dot{\text{x}}\dot{\text{f}}\text{i}\ddot{\text{d}}$ ($^*\sqrt{\text{rat}}$, где $^*\text{tt} > \text{d}$) и $\text{amb}\dot{\text{u}}\text{st}$ ($^*\sqrt{\text{rad-}}$, где $^*\text{at} > \text{st}$). В основе же настоящего времени на $-\text{s}$ или с инф. $-\text{n-}$ исход корня на $-\text{t}$ и $-\text{d}$ совпадает ($^*\text{-ds}$ и $^*\text{-ts}$ одинаково дают шугн.-язг. $\ddot{\text{z}}$ // мундж. $\dot{\text{x}}$; $^*\text{-nd}$ и $^*\text{-nt}$ одинаково дают $-\text{nd}$). Это не могло не способствовать смешению корней $^*\sqrt{\text{rad-}}$ и $^*\sqrt{\text{rat-}}$, особенно в мунджанском языке, где корень $^*\sqrt{\text{rat-}}$ с переходом в нем t в u оказался вообще фонетически нестойким.

(от боли)", который формально составляет непереходную форму к (niḥ)oiramb : (niḥ)oirūvd, но, по всей вероятности, не без контаминации с глаг. sav-.

Корень *√ri- представлен в шугнано-язгулямской группе в глаголе: шугн. pi : pud, язг. piw : pad "гнить" с каузативом шугн. pēw : pēwd, язг. rawan : rawand "гноить"; в мунджанском в том же глаголе рыу : piy "гнить". В дериватах: шугн. rōw, язг. pū "сгнившая сердцевина дерева"; йд. piyo "гнилой". В ишкашимском и ваханском имеем лишь ишк. ruduk (в сангличском не отмечено), вах. pitk "гнилой", "негодный".

Корень *√tard- представлен в шугн. zidarḥ : ziduḥt "разрываться", "взрываться", "лопаться" с каузативом zidērḥ : ziduḥt "рвать", "разрывать", шугн. tarḥ : tuḥt "драться (о животных)", tarḥēn : tarḥēnt "стравливать"; в мунджанском: в глаг. tōlg : tēlg "разрезать", "вспарывать"; "закалывать скот". В шугнано-язгулямской группе и ишкашимском языке для значения "закалывать скот" использован корень *√kiš- (шугн. kaḥ : kuḥt, язг. kaw : koḥt, ишк. kəl : kēt), который в мунджанском употребляется в близком значении в глаг. kūy : kūyk "свежевать тушу". Корень *√tard- в ишкашимском не отмечен; в ваханском имеем peterd : pētern "лопаться".

От корня *√tar- в мунджанском образован глаг. dyf : dyft "загораться" с каузативом tfōv : tfēvd "зажигать" (при отпавшем префиксе an-); в шугнано-язгулямской группе - глаг. шугн. sitafs : sitūvd "жариться" с каузативом sitēb : sitēbt; в язгулямском глаг. tifs : tūvd "накаливаться". В ишкашимском *√tar- не отмечен; в ваханском имеем dyr : dōrt "греться".

По-видимому, более продуктивным был в сравниваемых языках также корень *√wart-. Ср. шугн. rawarḥ : rawuḥt "скапываться", "сваливаться", мундж. wēg : wēyk "натягивать основу для тканья"; шугн. warḥān, мундж. wurūn "вал на мельнице". В ишкашимском к

*√wart может возводиться wol, сангл. wāl "штаны", ср. мундж. wēge "штаны", орош. tarwēg "вздержка на штанах" (ср. МЯ I75 и IIFL II 263).

Не отмечен в ишкашимском корень *√mad-, который находим в мундж. mīle "дрожжи", mīste "дошло, поднялось (о тесте)"; шугн. mēd : mēda "делать сметану, кислое молоко", ẖamēd "закваска"; в ваханском представлен глагол mōd : mōdt "киснуть (о молоке)".

§ 192. Следует обратить внимание также на те шугнано-язгулямо-мунджанские словарные совпадения, которые хотя и разделяются ваханским (по преимуществу) или ишкашимским (редко), но представляют интерес или с точки зрения полного совпадения в образовании слова, или с точки зрения общности хозяйственных терминов, тем более что в ряде случаев ваханское слово могло быть заимствовано из шугнано-язгулямо-мунджанского языка. Ср. мундж. ẖōle, шугн. ẖēd, язг. ẖad, вах. ẖad "летний загон для скота"; мундж. Zar. pēḥka, М. pēḥko, шугн. paxḥ, вах. rēbēḥk "помет мелкого скота"; мундж. rōḥse, шугн. zirōḥḥ, вах. zarsk "жердь", "перекладина на крыше"; мундж. ẖigam, шугн. ẖirumb, руш. ẖirawn, вах. ẖagam, ẖagam "гумно"; мундж. wēle, шугн. wēd, язг. wād, вах. wōd "арык"; мундж. ẖūye "ручей", язг. ẖēx "вода", вах. kḥk "ручей"; мундж. līga, вах. dḥrs, шугн. dōḥḥ "козья шерсть"; шугн. dīd, вах. dāt, йд. pōḥke-drī "навоз" и др.

РАСХОЖДЕНИЯ

§ 193. Расхождения в лексике весьма значительны. Может быть выявлено большое количество древних слов, не совпадающих в сравниваемых языках: в одном случае они утрачены, в другом сохранились. Ср. в качестве примера следующие сохранившиеся слова.

В мунджанском: ẖīle "тубетейка", ẖēḥō "молоко", vīeg, йд. uāgmē "предплечье", uōwye "вода", uōer "лошадь", wōr-

гә "снег", mīrçə "пастбище", zər "старый", stūr "большой", әрү "работа", lōmә "селение", mēr "мужчина", vīrō "груз", braçikә "мелкая птица" (*mṛç-), kərōst "шкура", Зар. šəfūn "гребень", yāndku "слепой", yūrmyн "просо", Ид. уәҗәп "печень", zampō "зять", уйу "деверь", пәв : nīvd "дождить", wīšк : wīšкōу "вставать", fymyу : fymyšк "забывать" и пр.

В шугнано-язгулямской группе:^I mēst "луна", kud "собака", šinIj "снег", šōrk "дерево", nēz "нос", үЕв "рот", xIr "солнце", bīdān "седло", pīd "отец", руш. mōd "мать", язг. wīs "теленек", язг. šurç "поздний", šāw : šud "гореть", pīdis : pīdīd "загораться", pīs : rēxt "варить", divIs : divīxt "показывать", nāw : nīwd "плакать", xIš "сладкий" и пр.

Приведенные примеры не составляют специфики сравниваемых языков, а являются словами или зональными, или общими с соседним языком. Зональные слова применительно к мунджанскому языку, — это обычно слова, общие с пушту и ишканимским языком; применительно к шугнано-язгулямской группе — слова, общие с ваханским и ишканимскими языками. Ср., например, для мунджанского языка: мундж. mēr, ишк.-сангл. mīlūk, афг. mēçə "мужчина", "муж"; мундж. braçikә, ишк.-сангл. mṛçuk, афг. mṛçə (EVR mṛçə) "мелкая птица", афг. "птица"; мундж. wōrfә, ишк.-сангл. warf, афг. wāwta "снег" и пр.; для шугнано-язгулямской группы: шугн. šāw : šud, ишк.-сангл. saw : šyd, вах. šaw : šet "гореть"; шугн. pīniz : pīnūd, ишк.-сангл. pīnç : pīnūd, вах. pīnç : pīnāç "надевать"; шугн. pīdis : pīdīd, ишк.-сангл. pīdin : pīdit, вах. pīdis : pīdn "загораться" и пр.

Обращает на себя внимание тот факт, что из слов не зональных характерны схождения для мунджанского языка с языком афган-

^I Примеры без пометы взяты из шугнанского языка.

ским, для шугнано-язгулямской группы — с ваханским. Ср. для мунджанского языка: мундж. xūle, афг. xualəу "шапка"; мундж. zər, афг. zər "старый"; мундж. stūr, афг. stər "большой"; Ид. уәҗәп, афг. inә (EVR yīna) "печень"; мундж. vrēri, афг. vrārә "сын брата"; мундж. āgmin, афг. baçina (EVR gabīna) "мед"; мундж. yōrçә, афг. šira "борода"; мундж. šūrv, афг. šuraу, вах. šerv "дыра", мундж. уәер, афг. ās, вах. уаš "лошадь". Случаи специфических схождений мунджанского с ваханским редки: мундж. fymyу : fymyšк, вах. rēmç : rēmōst "забывать"; Ид. уārmē, вах. уurm "предплечье"; для шугнано-язгулямской группы: руш. māwz, вах. mēz "голодный"; шугн. bīdān, вах. rēdn "седло"; язг. šur, вах. šur "долина", язг. çaš, вах. çaš "рот"; шугн. wīšәz, вах. wēšik "ключ"; шугн. wīs, вах. was "балка"; язг. roxn, вах. ruxn "белый"; шугн. nāw : nīwd, вах. nwy : nowd "плакать"; шугн. rawāz : rawūxt, вах. rēmç : rēmçz "взлетать", "улетать" и пр. Специфические совпадения с афганским сравнительно редки: шугн. mēst, афг. miāšt "месьяц"; шугн. pīd, афг. plār "отец"; руш., срк. mōd, mūd, афг. mōr "мать".

§ 194. Что касается древних слов, сохранившихся (в пределах данной территории) только в мунджанском языке или только в шугнано-язгулямской группе, то список их невелик.^I

В мунджанском языке: mīrō "солнце", уIš "змея", lōmә "селение", wylә "жена", mIç "облако", xšīrō "молоко", kīkikә "девушка", šfny "муж"; Ид. KemaIçо "черепа" (ав. kamaçәda-); šny : šny "шить"; nēm : nēmōу "нагибаться", šōm : šēmd "пить"; vīzç "предплечье"; çōlv "собака".²

^I Имеются в виду слова с ясной этимологией.

² Возможно, что мундж. xšīrō "молоко", kīkikә "девушка", šfny "муж" сохранились не без поддержки таджико-персидского языка.

В шугнано-язгулямской группе: wīz "груз", "поклажа", vīx "конский волос", wīzn "баран", xīj "бык", ср. γerv, язг. γərfeg "козленок", rūrv "светло-красный, рыжий (о масти)", oīw "волосок", tīr "верх(ний)", bīzrār (bēābōw) "лягать", язг. rəmar : rəməg "ожидать", sīrēn : sīrēnd "наполнять", "насыпать" (*√rpn-).

§ 195. В ряде случаев расхождения в древних словах между шугнано-язгулямской группой и мунджанским языком не являются абсолютными: нередко язык или сохраняет какие-либо следы утраченного слова, или использует данное слово в ином значении.

Так, например, ср. остатки утраченных слов в мунджанском: шугн. rīz : rēxt, мундж. ktōv : ktōvd "варить", но ср. мундж. rōuəu "созревший"; шугн. bīs : būxt, мундж. wūyār : wūyāt "смотреть", но ср. мундж. nyjōš : nyjōšt "показывать"; шугн. dīvēs : dīvīxt "показывать", wīn : wīnd "видеть" при мундж. wīn : līnāk "видеть", объединившем оба корня; так же в следующем случае: руш. dī : ādā "бить", zīn : zōd "убивать" при мундж. dī : zītu "бить", "повергать" (мундж. "убивать" mēz : mōbōk); шугн. xīvd, мундж. xāīrō "молоко", но мундж. M. xāivdo "сладкий"; шугн. žīr, мундж. kūyk "камень", но мундж. γār "перевал"; с шугн. tīr "верх(ний)" ср. йд. pitāri "верхнее покрытие крыши" при шугн. pitīrāj "поверху", "наверх", "верхний"; ср., язг., dər, dūr, мундж. āāk "долина", но мундж. alərsən "порог", которое ср. с шугн. Δīrīkūn (< dīr-rīkūn) "Нижний Руман"; с шугн. bīr, хуф. abae, руш. bər "низ", "постель" ср. мундж. nywīl-vīrγə "постель", "место для постели"; с шугн. dīd ср. мундж. ryškə-drī "навоз" и пр.; в шугнано-язгулямской группе: мундж. tīz : tyd при шугн. tēx : tēxt, язг. tōw : tōwd "тесать", "брить", но язг. taγd "острый"; мундж. mīγ при шугн. abγ, язг. varn "облако", но язг. kaw-mēγ "облако"; мундж. mīk при шугн. mut (заимств.) "кулак", но барт. mihtak "горсть", что равно йд. mīšba с тем же значением;

мундж. xāwə при шугн. xāb "ночь", но шугн. axīb, барт. axīb "позавчера" и пр.

§ 196. В связи с последним примером следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде случаев мы встречаемся не с утратой того или иного слова и заменой его словом заимствованным, а лишь с его фонетическим уподоблением или даже с его закономерным фонетическим совпадением со словом соседнего (влияющего) языка. Так, шугн.-язг. xāb считается таджико-персидским заимствованием, однако как слово женского рода оно представляет совершенно закономерное отражение [xāba] > xāb с передачей *a через ā в положении а-умлаута. В сложном же слове наречного значения шугн. axīb, барт. axīb "позавчера", где, естественно, отсутствовал формант женского рода, корневое *a имеет закономерное отражение нейтрального положения. Полное закономерное звуковое совпадение с таджико-персидским словом имеем также в случае с руш., барт. nōm, шугн. nīm < *nāma или в предлоге шугнанской группы az, as < *haða, где z - результат позднего, характерного для шугнанской группы, ослабления z (ср. барт. azēd "отсюда"). Примером фонетического уподобления может служить слово "белый", принявшее таджико-персидский облик safēd, safīd и сохранившее свое прежнее звучание (sīrēd и пр.) по преимуществу лишь в словениях.

Поэтому вряд ли можно считать несомненными заимствованиями такие слова, как шугн. bup "основание", gūxt "мясо", противопоставляя их мундж. vup и γūš, поскольку здесь могло иметь место именно лишь звуковое уподобление таджико-персидскому слову. Правда, здесь мы не имеем прямых доказательств исконности этих слов для шугнано-язгулямской группы, поскольку в собственном фонетическом облике они не засвидетельствованы. Однако на это могут указывать некоторые косвенные данные, в частности неполное семантическое совпадение с таджико-персидским словом или же про-

сто значительная вероятность исконности данного слова в языке. Так, шугн. *ɸɪn* в отличие от тадж. *ɸɪn* означает не только "основание", "подножье", но и "ствол", "стебель". Слово же *gūxt* "мясо" распространено на очень широкой территории и в ряде случаев явно не зависит от таджико-персидского языка: ср. шугн. *gūxt*, язг. *gəxt*, ишк. *gušt*, вах. *gušt*, мундж. *γūš*, афг. *γwaša*, хотаносакс. *ggūsta*. Аналогичным образом едва ли можно безоговорочно зачислить в персидские заимствования мундж. *kāfδiye* "ложка" при наличии шугн. *δib*, руш. *δēb*, вах. *karδ* и прочие многие примеры, которые можно было бы привести по этому поводу.

§ 197. Мунджанский язык имеет значительное количество специфически мунджанских слов с неясной или сомнительной этимологией. Ср.: *δəf* "потолок", *kuɸ* "бык", *sāste* "гора", *skūt* "дерево", *šiny* "шея", *wyūisk* "утро", *nytəwɪ* "черный", *uyɪv* "рот", *myškeɸu* "теленос", *xəye* "стена", *əwδ* "озеро", *gu* : *gust* "месить тесто", *egūisk* "тесто", *δin* : *δinɸu* "возводить кладку из кирпича, камня", *δɸu* : *δɸud* "сеять", *δix* : *δōst* "падать", *gɪv* : *gɪvd* "гореть", *δtəw* : *δitɪu* "бояться", *kyk* : *kykiu* "вариться", *məz* : *mōšk* "убивать", *nytəw* : *nytəvd* "заквашивать молоко", *škomɸ* : *škābiu* "поднимать", *xizδ* : *xizδɸu* "посылать", *wūnɸr* : *wūnɸt* "раскатывать тесто" и др.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПО СПИСКУ ИЗ СТА СЛОВ

Примерное представление о процентном соотношении лексических сходжений и расхождений в сравниваемых языках может дать их сопоставление по списку из 100 слов.

§ 198. При сопоставлении выделяются следующие группы: сходжения, расхождения, неполные сходжения (или неполные расхождения), неясные случаи. В группу неполных сходжений входят случаи частичного вытеснения данного корня в одном из языков или случаи расхождения в исходной форме слова, что обычно сопровождается расхождением в семантике. Так, например, ср.: шугн. *wɪn* : *wɪnt* при мундж. *wɪn* : *lyšk* "видеть"; шугн. *tɛr* "черный", "темный" при мундж. *nytəwɪ* "черный", но *tɪrə* "темный"; шугн. *ʃanik* "женщина", *ʃinjic* "кукла" при мундж. *šinkə* "женщина" и пр.

1. Сходжения

	Шугн.	Мундж.
1) зола	<i>ʃɪr</i>	<i>yəxə</i>
2) кора	<i>pūst</i>	<i>pūst</i>
3) кровь	<i>waxin</i>	<i>yɪne</i>
4) холодный	<i>iš</i>	<i>yəx</i>
5) умирать	<i>mir</i> : <i>mūd</i>	<i>myr</i> : <i>myr</i>
6) ухо	<i>γūʃ</i>	<i>γūy</i>
7) земля	<i>zime</i>	<i>zaxmə</i>
8) есть	<i>xār</i> : <i>xūd</i>	<i>xər</i> : <i>xūr</i>
9) глаз	<i>oəm</i>	<i>δōm</i>
10) огонь	<i>yōc</i>	<i>yūr</i>
11) нога	<i>pōδ</i>	<i>pālə</i>
12) давать	<i>δad</i> : <i>δōd</i>	<i>dāl</i> : <i>liy</i>
13) волосы	<i>γūnʃ</i>	<i>γūny</i>
14) рука	<i>δust</i>	<i>lōst</i>
15) слышать	<i>niγūʃ</i> : <i>niγux̄t</i>	<i>nyγūy</i> : <i>nyγyšk</i>

16) сердце	zōrδ	zīl ^{8y} (M.)
17) я	wuz	zə
18) знать	wizūn : wizēnt	vəōn : vzēnt
19) колени	zūn	zīng
20) длинный	vū ³	vāāg
21) вошь	sipa ^γ	spruə
22) имя	nūm	nōm
23) новый	naw	nūwīy (M.)
24) ночь	ḫāb, -ḫīb	xšāwə
25) один	yīw	yū
26) дорога	pūnd	pōndə
27) корень	wyōšk	wāxə
28) семя	tū ^γ m	tū ^γ m
29) сидеть	niθ : nūst	niḫ : nyōst
30) дым	δud	luy
31) звезда	ḫitēr ³	stōrny
32) хвост	δum	lhm
33) этот	y ³ m	mə
34) тот	yīd, yu	yə, wə
35) ты	tu	tn
36) язык	zīv	zvī ^γ
37) зуб	δindūn	lōnd
38) два	δu	lū
39) мы	māš	mōx
40) белый	safēd, sipē(d)	spī, safīd
41) кто	ḫāy	kəy
42) желтый	zīd	zīt

2. Расхождения

	Мурн.	Мундх.
1) весь	fūkaδ	pō(ḫi)
2) живот	qīδ	əlhr
3) большой	kata, ḡulla	stūr
4) кость	sitxūn	yāstny
5) грудь	sīnā	fīz, fūz (M.)
6) гореть	ḡaw : ḡud	guy : guvd
7) облако	abr	mī ^γ
8) приходить	yad : yat	as : o ^γ əy
9) собака	kud	ḡōlv
10) пить	birēz : birōxt	šōm : šēmd
11) сухой	xušk, qōq	wḡšk
12) жир	ḡārv	wōzd (M.)
13) яйцо	tarmur ^γ	er ^γ u ^γ
14) летать	rawāz : rawu ^{xt}	wurafs : wurafsōy (3ap.)
15) хороший	bašānd	ḡāšny
16) голова	kāl	pūshr
17) рог	xōḫ	šhw
18) убивать	zīn : zīd	məz : mōšK
19) мужчина	ḡōrik	mēr
20) многий	lap	ḡa(h)ōn
21) луна	mēst	yūma ^γ ike
22) гора	kū, tax	sāste
23) рог	ḡēv	yhrv
24) шея	māk	škny
25) нос	nē ³	fnske
26) не	na	ḡi
27) говорить	lūv : lūvd	žōy : št

28) шкура	pu ² st	kerōst
29) спать	ḫōfs : ḫēvd	nylv : nywōst
30) маленький	zul	nyzgi
31) камень	ḫīr	kūyk
32) солнце	xīr	mīrō
33) дерево	ḫōrk	skūt
34) горячий	kaḥ	germ
35) вода	ḫao	yōw ² ə
36) что	ḫīz	stī
37) красный	rūšt	nyrk
38) печень	ḫōd	ygar

3. Неполные схождения (= неполные расхождения)

	Шугн.	Мундж.
I) черный	tēr	nykəw ² ny, но tīra "темный"
2) стоять	wīrafs : wīrūvd при wīrēmb : wīrēmt "ставить"	vrēm : vrīmd
3) идти	wāw : sut	ou : šny
4) видеть	wīn : wīnt	wīn : lūšK
5) женщина	ḫanīk при jīnjTo "кукла"	zīnke при xuyāyeno(M.) "сестра жены"

4. Неясные случаи

Сюда относятся: а) поздние заимствования, например шугн. bō-
ḡid, мундж. bōḡōn "дождь"; б) слова с возможным фонетическим
уподоблением влияющему языку, например шугн. gūšt при мундж. ḡūš
"мясо", см. § 196; в) случаи, когда для данного значения нет
специального слова, например для значения "лежать", которое обо-

значается тем же глаголом, что и "спать"; г) случаи неясной эти-
мологии, когда возведение к общему корню не исключается, напри-
мер шугн. šōš, мундж. Зар. seḡa; д) случаи, когда данное слово
не засвидетельствовано.

	Шугн.	Мундж.
I) дождь	bōrūn ²	borōn ¹
2) зеленый	zāvz	sevz
3) человек	ōdam	ōdam
4) ноготь	nōxūn	nōxən (Зар.)
5) рыба	mōyī	kor
6) полный	purra	pyr
7) мясо	gūšt	ḡūš
8) перо	pār	pīāḡ
9) птица	parindā	parində
10) лежать	нет специального слова	
II) кусать	" "	" "
12) лист	pārK	-
13) круглый	ḡurn	-
14) плавать	wāz : wēxt	-
15) песок	šōš	seḡa (Зар.)

§ 199. По исключении из сравнения слов п. 4, как неясных,
получаем 85 сопоставимых слов, из которых 42 составляют схождение

I № I-9 - поздние заимствования или уподобления; в № 5 о
позднем заимствовании или, возможно, уподоблении афг. kab свиде-
тельствует p, поскольку продолжение исконного слова, равно как
раннее заимствование, должно было бы дать w, ср. EUP, kab, также
IIFL II 218; в № 15 неясная этимология.

ния, 38 - расхождения и 5 слов являются промежуточными, отражая неполное совпадение или неполное расхождение. В процентном отношении имеем схождения - 49%, промежуточных слов - 6%, расхождений - 45%.

II. Мунджанский и язгулямский языки

Полученные результаты могут быть проконтролированы данными язгулямского языка, которые должны быть более надежными, поскольку язгулямский язык с давних времен не имел никаких, даже опосредствованных, связей с мунджанским, а кроме того, он в меньшей степени, по сравнению с шугнанским, подвергся воздействию таджикского языка.

§ 200. Язгулямский язык дает иные результаты при сопоставлении с мунджанским языком в следующих 19 случаях.

I. Из списка схождения исключаются 6 слов:

	Язг.	Мундж.
1) зола	hekistür	уехуе
2) волосы	jet	тупу
3) корень	-	waxe
4) этот	yu(k)	ме
5) тот	du(k)	уе, we
6) белый	roxn, sepid	spī, safiā

2. Из списка расхождений исключаются 6 слов:

	Язг.	Мундж.
1) кость	šeg	yāstny
2) сухой	wačk	wyšk
3) жир	wūzd	wōzd (M.)

4) рог	šow	šyw
5) шкура	-	kerōst
6) что	šī, šīg	šīī

3. Из списка неполных схождения исключаются 3 слова:

	Язг.	Мундж.
1) черный	wūrn	nyčwynu
2) стоять	wegafs : wegovd	vrēm : vrīmd
3) женщина	žonj	žinke

4. Из списка неясных случаев исключаются 4 слова:

	Язг.	Мундж.
1) ноготь	šek	nōxen (Зар.)
2) дождь	šīyan	bōrōn
3) полный	šam	ryn
4) перо	pun	pīng

Эти 19 слов распределяются по соответствующим спискам следующим образом.

I. В схождения включаются 5 слов:

	Язг.	Мундж.
1) сухой	wačk	wyšk
2) жир	wūzd	wōzd
3) рог	šow	šyw
4) перо	pun	pīng
5) женщина	žonj	žinke

Числовая разница с шугнано-мунджанскими схождениями составляет минус I (-6 + 5), что дает 4I схождение.

2. В расхождения включаются 7 слов:

	Язг.	Мундж.
1) зола	xəkistār	uxəxə
2) волосы	jet	γūnyu
3) черный	wūn	nygəwəy
4) дождь	diyan	bōrōn
5) полный	γam	pyr
6) ноготь	xek	nōxən(Зар.)
7) стоять	wərafs : wərovd ¹	vrēm : vrīmd

Числовая разница с шугнано-мунджанскими расхождениями составляет плюс I (-6 + 7), что дает 39 расхождений.

3. В неполные схождения включаются 3 слова:

	Язг.	Мундж.
1) этот	yu(k)	mə ²
2) тот	du(k)	uə, wə
3) белый	roxn, səpid ³	spī

¹ В язгулямском не зарегистрирован шугн. глаг. wīgēmb - "ставить", что не позволяет связывать язг. wərafs - с мундж. vrēm.

² Язгулямские указательные местоимения отличаются от местоимений прочих памирских языков. Они сохранили лишь две степени удаления, при этом контаминированные; к тому же они разделились на собственно указательные и личные, чего не знают остальные памирские языки. Однако сохранившиеся корни указательных местоимений, а иногда и их формы в язгулямском языке те же самые.

³ səpid в остаточном употреблении.

Числовая разница с шугнано-мунджанскими данными составляет нуль (-3 + 3).

4. В неясные случаи включаются 4 слова:⁴

	Язг.	Мундж.
1) кость	šeg	yāstny
2) что	ši, šig	stī
3) шкура	-	kərošat
4) корень	-	wəxə

Числовая разница с шугнано-мунджанскими данными составляет нуль (-4 + 4).

В итоге при сравнении мунджанского с язгулямским имеем 85 сопоставимых слов, из которых схождений - 4I, расхождений - 39, неполных схождений - 5. В процентном выражении: схождений - 48%, промежуточных слов - 6%, расхождений - 46%. Как можно видеть, цифры эти весьма близки к результатам мунджано-шугнанского сопоставления.

§ 20I. При вычислении давности расхождения промежуточные случаи естественнее всего распределить между схождениями и расхождениями поровну, поскольку они частично отражают утрату данного слова, а частично - его сохранение. Но поскольку в данном случае таких слов 5, то, учитывая общую тенденцию к расхождению, к списку расхождений относим 3 слова, а к списку схождений (со-

⁴ В № I-2 возведение к общему исходному слову не исключается.

хранений) - 2. Это дает для язгулямо-мунджанского сопоставления 43 схождения при 42 расхождениях, для шугнано-мунджанского - 44 схождения при 41 расхождении.

На основании этих данных давность язгулямо-мунджанского расхождения (из расчета 43 совпадения на 85 слов при индексе сохранения 85%) определяется примерно в 2030 лет, а давность шугнано-мунджанского расхождения (при 44 совпадениях) - в 1970 лет. Это значит, что мы получаем в обоих случаях одну и ту же дату расхождения - рубеж нашей эры. Само собой разумеется, что вычисление абсолютной даты с точностью до 10 лет, как это сделано в приведенных цифрах, не имеет реального значения. Но эти цифры наглядно показывают почти полное совпадение результатов язгулямо-мунджанских и шугнано-мунджанских лексических сопоставлений.

Ишкашимско-шугнано-язгулямо-мунджанские отношения

Небезынтересно провести аналогичное сопоставление с ишкашимским языком. Однако ишкашимский язык для этого мало пригоден: как уже говорилось во "Введении", он обнаруживает явные следы лексического контакта как с мунджанским, так и с шугнанским языками. К тому же ишкашимская лексика (как в сангличском, так и в собственно ишкашимском своем варианте) вообще недостаточно полно представлена в существующих источниках: наиболее полный словарь, данный в ИЯ, отражает сильно таджикизованную лексику единственного на территории советского Памира ишкашимского кишлака, оторванного от родной языковой среды. Однако все же для того, чтобы получить первоначальную общую ориентацию в ишкашимско-шугнано-мунджанских лексических отношениях, можно провести это сравнение, как предварительное, уже сейчас.

1. Ишкашимско-язгулямо-мунджанские отношения

§ 202. Более или менее удовлетворительную пару для сопоставления составляют язгулямо-мунджанский язык и собственно ишкашимский диалект, поскольку они не имеют непосредственных контактов между собой и поскольку ишкашимский диалект обнаруживает меньше по сравнению с сангличским диалектом лексические связи с мунджанским языком.

I. Схождения

	Ишк.	Язг.
1) кровь	wen	ʃan
2) умирать	mʏr : mʏl	mar : meg
3) собака	kʏd	kod
4) ухо	ʏl	ʃevon
5) есть	xar : xʏl	ʃar : xug
6) глаз	oan	ʃam
7) жир	wʏz reʏn	wʏzd
8) нога	pu(d)	peʃ
9) рука	dʏst	ʃust
10) я	az(1)	az
11) убивать	ʃan : ʃad	ʃan : ʃʏd
12) знать	ryʒin : ryʒind	veʒan : veʒant
13) колени	ʒʏng	ʒen
14) длинный	vʏʃduk	veʒ
15) вошь	ʒʏrʏl	ʒeraw
16) имя	nʏm	nem
17) новый	nawʏk	nug
18) нос	nic	neʃ
19) не	na	na

20) один	ûk	wûg
21) видеть	wen : wend	win : wint
22) семя	teym	tox ¹ m
23) дым	did	ðod
24) звезда	strûk	ʃet ¹ urag
25) ты	ty	tow
26) язык	zyvûk	zəveg
27) зуб	dond	ðan
28) дерево	dyrk	ðûrk
29) два	dɛ(w)	ðow
30) мы	myx	mox
31) кто	kûy	kûy
32) женщина	ʒonʃ	ʒinʃaʒ
33) желтый	zord	zard

2. Расхождения

	Ишк.	Язг.
1) весь	ʃyk	kəl
2) зола	usyr	ʃakistûr
3) живот	der	ʃam
4) черный	ʃu	wûyn
5) гореть	saw : sɛd	tax : taxt
6) облако	abr	varn
7) холодный	xunuk	yax
8) приходить	is : oʃad	zay : yad
9) пить	pyv : pyvd	bəraz : bərəxt
10) сухой	qoq	waʃk

¹ Здесь фонетическое уподобление тадж. ²tuxm, диал. tuxm.

II) земля	zamin	zamč
I2) яйцо	okik	təximurʃ
I3) огонь	ryʃni	yec
I4) летать	araz : arat	ʃawez : ʃawûxt
I5) полный	lip	ʃam
I6) хороший	fri	xasa
I7) волосы	syʃund	ʃet
I8) голова	sar	kāl ²
I9) сердце	avzûk	zawð
20) рог	ʃox	ʃow
21) печень	ʃigar	ʃed
22) мужчина	mûlûk	wexûg
23) многий	fay	manor
24) мясо	pytf	gəxt
25) луна	matob	mast
26) гора	olax, ʃax	ʃerčug
27) рот	fɛ	ʃax
28) шея	gardan	mak
29) дождь	boron	ðeyan
30) красный	sɛrx	rûšt
31) дорога	ʃoval	pand
32) круглый	gyrd	ʃarn
33) говорить	ʃaʒ : ʃaʒd	laf : laft
34) спать	mis : mind	pxas : pxovd
35) маленький	ðyt	oəgag
36) камень	sûng	ʃar
37) солнце	rémuzd	xəvûr

² Долгота ā в язгулямском обозначается при наличии противопоставляющихся гар (kāl "голова", kal "лысый").

38) плавать	šinowari k.	waz : wešt
39) горячий	garm	kaš
40) вода	vek	xex
41) белый	saŋed	roxn, səpid

3. Неполные схождения

Ишк.	Язг.
1) кора	pustak, k̄rost
2) давать	day : dud
3) сидеть	nid : nyl̄st
4) стоять	al : ast; urofs : urov̄d
5) этот	am
6) тот	ad, aw
7) идти	šb(w) : šbd

4. Неясные случаи⁵

Ишк.	Язг.
1) большой	kata
2) птица	par̄nda

³ Ишк. day- и язг. daš- восходят к разным основам презенса. Основа day- имеет в шугнано-язгулямской группе значение "(по)падать".

⁴ Ишк. nid : nyl̄st продолжает иную основу не только презенса, но, возможно, и прошедшего времени, поскольку nyl̄st восходит к *nišasta-, а язг. nyl̄st, шугн. nyl̄st и пр. лучше возводятся к *ni-(h)asta-; но ср. срк. nalyst (из ишкашимского?).

⁵ № I-7 - заимствования или уподобления; № 8, I5 в ишкашимском могут быть как заимствованными, так и своими, ср. IIFL II 390,

3) грудь	sina	bar
4) рыба	moyl	moi
5) зеленый	savz	savz
6) человек	odam	odam
7) ночь	šab	šab
8) перо	par	pun
9) песок	reg	-
10) лист	barg	-
11) шкура	k̄rost	-
12) корень	wex	-
13) кусать	нет специального слова	
14) лежать	" "	
15) хвост	d̄mb	dom
16) что	šiz	šiz, šig
17) кость	wūstūk	šeg
18) ноготь	narxūk	šek
19) слышать	арх̄х : арх̄т	nequ : neqoxt

§ 203. Исключив слова п.4, получаем 81 сопоставимое слово, из которых схождения 33 (41%), расхождений 41 (50%), промежуточных слов 7 (9%).

II. Ишкашимско-шугнано-мунджанские отношения

Здесь мы должны получить заведомо иные результаты, поскольку ишкашимский язык контактирует или контактировал как с шугнано-

также 223 (IIm); № I6 в язгулямском может быть своим; для № I7-I9 не исключено возведение к общему исходному слову (так, для № I9 возможно [арх̄х] > арх̄х, ср., однако, IIFL II 381).

ским, так и с мунджанскими языками. Однако если данные ишкашимо-язгулямского сопоставления мы принимаем за достаточно удовлетворительные, то ишкашимо-шугнано-мунджанские данные могут быть ценны именно тем, что они позволят составить известное представление о степени воздействия подобного контактирования на лексику.

Ишкашимский и шугнанокий языки

§ 204. Здесь имеем следующие отклонения сравнительно с данными ишкашимо-язгулямского сопоставления.

I. Из схождений исключаются 2 слова:

	Ишк.	Шугн.
1) жир	wьz reʔn	ḡarv
2) женщина	ʒonʃ	ʃanik

2. Из расхождений исключаются 7 слов:

1) зола	usʔr	ʒir
2) облако	abr	abr
3) сухой	qoq	xušk, qōq
4) волосы	sʔʔnd	ʔunʃ
5) рог	ʒox	xōx
6) дождь	boron	bōrūn
7) белый	safed	safēd, sipē(d)

3. Из неполных схождений исключаются 3 слова:

1) этот	am	yam
2) тот	ad, aw	yid, yu
3) идти	ʒb(w) : ʒbd	saw : sut

4. Из неясных случаев исключаются 5 слов:

	Ишк.	Шугн.
1) песок	reg	ʒōš
2) шкура	kʔrost	pust
3) корень	wex	wyōšk
4) кость	wustūk	sitxūn
5) ноготь	naxūk	nōxūn

Эти 17 случаев отклонений распределяются по соответствующим группам следующим образом.

I. В схождения включаются 5 слов:

	Ишк.	Шугн.
1) зола	usʔr	ʒir
2) этот	am	yam
3) тот	ad, aw	yid, yu
4) идти	ʒb(w) : ʒbd	saw : sut
5) корень	wex	wyōšk

Цифровая разница с язгулямскими данными (33) составляет плюс 3 (-2 + 5), т.е. имеем 36 схождений.

2. В расхождения включаются 5 слов:

	Ишк.	Шугн.
1) жир	wьz reʔn	ḡarv
2) песок	reg	ʒōš
3) шкура	kʔrost	pust
4) кость	wustūk	sitxūn
5) ноготь	naxūk	nōxūn

Цифровая разница с язгулямскими данными (4I) составляет минус 2 (-7 + 5), т.е. имеем 39 расхождений.

3. В неполные схождения включаются 2 слова:

1) женщина	ženj	ʃanik
2) волосы	zʃʉnd ¹	ʃʉnj

Цифровая разница с язгулямскими данными (7) составляет минус I (-3 + 2), т.е. имеем 6 случаев неполных совпадений.

4. В неясные случаи включаются 5 слов:²

	Ишк.	Шугн.
1) облако	abr	abr
2) сухой	qoq	xušk, qoq
3) рог	šox	xošk
4) дождь	boron	bōrōn
5) белый	safed	safēd, sipē(d)

Цифровая разница с язгулямскими данными (I9) равна нулю (-5 + 5).

¹ Ишк. zʃʉnd иного образования; ишк. ʃanik, точно соответствующее шугн. ʃʉnj, возможно, не имеет значения "волосы". Во всяком случае, оно отмечено мною (у ишкашимца в Душанбе) в значении "козья шерсть"; ср. по этому поводу также IIFL II 395 - ʃepok. В ИЯ расхождения в значениях zʃʉnd и ʃanik не раскрыты.

² № I-4 - поздние заимствования; в № 5 ишк. safed может быть не заимствованием, а результатом фонетического уподобления, как шугн. safēd.

§ 205. В итоге получаем 8I сопоставимое слово, из которых схождения 36 (44%), расхождений 39 (48%), промежуточных слов 6 (8%).

Ишкашимский и мунджанский языки

§ 206. Здесь имеем следующие отклонения сравнительно с ишкашимо-язгулямскими данными.

I. Из списка схождения исключаются 6 слов:

	Ишк.	Мундж.
1) собака	kʃd	ʃōlv
2) убивать	ʃan : ʃad	məz : mōšk
3) нос	nic	fʃnskə
4) не	na	bi
5) видеть	wen : wend	wīn : lʃšk
6) дерево	dʃrk	skūt

2. Из списка расхождений исключаются I4 слов:

I) зола	uʃʃr	ʃexʉ
2) живот	dar	əlʃr
3) приходить	is : oʃad	as : oʃəʃ
4) волосы	zʃʉnd	ʃʉnʃy
5) голова	zar	pʃənr
6) печень	ʃigar	ʃygar
7) мужчина	mʃlʃk	mer
8) дождь	boron	bōrōn
9) красный	ʃʃrk	ʃʃrk
10) круглый	ʃʃrd	-
11) плавать	ʃinovarī k.	-
12) горячий	garʃ	gerʃ

13) вода	vek	yōwye
14) белый	safed	spī

3. Из списка неполных сходжений исключаются 3 слова:

1) этот	am	mə
2) тот	ad, aw	yə, wə
3) стоять	al : ast; urofs : urovd	vrēm : vrīmd

4. Из списка неясных случаев исключаются 8 слов:

1) большой	kata	stūr
2) грудь	sina	fūz, fīz (M.)
3) песок	reg	səga (Зар.)
4) шкура	kərost	karōst
5) корень	wex	wāxə
6) что	šiz	štī
7) кость	wūstūk	yāstūy
8) ноготь	narxūk	nōxen (Зар.)

Эти отклонения распределяются по соответствующим группам слов следующим образом.

I. В сходжения включаются 9 слов:

Ишк.	Мундж.
1) зола	уэхуэ
2) приходит	ās : ōyad
3) мужчина	mer
4) вода	yōwye
5) этот	mə
6) тот	yə, wə

7) шкура	kərost	karōst
8) корень	wex	wāxə
9) кость	wūstūk	yāstūy

Цифровая разница с язгулямскими данными (33) составляет плюс 3 (-6 + 9), т.е. имеем 36 сходжений.

2. В расхождения включаются II слов:

1) собака	kəd	γōlv
2) убивать	žan : žad	məz : mōšk
3) нос	nio	fnske
4) не	na	šī
5) дерево	dərk	skūt
6) большой	kata	stūr
7) грудь	sina	fīz (M.)
8) песок	reg	səga (Зар.)
9) что	šiz	štī
10) ноготь	narxūk	nōxen (Зар.)
II) стоять	al : ast; urofs : urovd	vrēm : vrīmd

Цифровая разница с язгулямскими данными (41) составляет минус 3 (-14 + 11), т.е. имеем 38 расхождений.

3. В неполные сходжения включаются 3 слова:

Ишк.	Мундж.
1) видеть	wen : wend
2) волосы	syūnd
3) голова	sar

Цифровая разница с язгулямскими данными (7) равна нулю (-3 + 3).

4. В неясные случаи включаются 8 слов:^I

1) живот	der	elır
2) печень	jigar	jıgar
3) дождь	boron	böğön
4) красный	sırk	sırk
5) круглый	gırd	-
6) плавать	şinovari k.	-
7) горячий	garm	garm
8) белый	safed	sıfı

Цифровая разница с язгуламскими данными (19) равна нулю (-8 + 8).

§ 207. В итоге получаем результат, почти полностью совпадающий с ишкашимо-шугнанскими данными: из 81 сопоставимого слова имеем схождения - 36, расхождений - 38, промежуточных слов - 7.

III. Сводные цифры

§ 208. Совпадая между собой, результаты шугнано-ишкашимского и мунджано-ишкашимского сопоставления довольно четко противопоставляются язгуламским данным. Ср. сводные данные (число сопоставимых слов 81 совпало по всем языкам).

^I В № 1 общий корень вероятен, но неясна гласная корня (ср. BVP - leraı, также IIPL II 190 - 11ır, также 390 - dır); № 4 в обоих языках может быть как своим, так и поздним заимствованием.

	Ишк.-язг.	Ишк.-шугн.	Ишк.-мундж.
Схождения	33 (41%)	36 (44%)	36 (44%)
Расхождения	41 (50%)	39 (48%)	38 (47%)
Промежуточных слов ..	7 (9%)	6 (8%)	7 (9%)
Давность расхождения ^I	2580	[2300]	[2300]

Даты давности расхождения контактировавших языков взяты в скобки как заведомо недостоверные. Однако они ценны в том отношении, что могут определить границу наименьшей давности расхождения. Если контактировавшие языки дают цифру в 2300 лет, то истинная давность может здесь быть лишь больше, но не меньше. Поскольку мы располагаем данными язгуламского языка, как языка контрольного, с давностью расхождения почти в 2600 лет, то, учитывая все возможные погрешности проведенных сопоставлений, вероятной датой расхождения может быть названа цифра в 2400-2500 лет.

Однако для нас более важен здесь следующий вывод. Ишкашимский язык, находившийся в контакте с шугнанским и мунджанским языками, тем не менее расходится с ними в лексике больше, чем не контактирующие между собой мунджанский язык и языки шугнано-язгуламской группы. Т.е. сопоставление по списку из 100 слов подтверждает ту картину лексических отношений, которая была установлена во "Введении" на основании специфических словарных совпадений (§ 6).

^I При вычислении давности расхождения промежуточные слова распределены между схождениями и расхождениями по принципу, принятому в § 201.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 209. Изложенные в работе данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Среди мунджано-шугнано-язгулямских расхождений нет таких, которые препятствовали бы их возведению к общему источнику.

2. Сравнение мунджано-шугнано-язгулямских вокализма и глагола, а отчасти также имени указывает на существование общего периода в развитии этих языков в прошлом. На этом общем для них этапе были выработаны определенные грамматические черты, развитие затем уже отдельно по языкам в том или ином направлении. К таким общим чертам относятся: использование *i-* и *a-*умлаута, как грамматического средства, с развитием чередования гласных в роли внутренней флексии; формирование класса каузативных глаголов на базе сильной огласовки с использованием в качестве внешней приметы *i-*умлаутной огласовки и чередования гласных; выработка в настоящем времени формального противопоставления переходных и непереходных глаголов с использованием в роли приметы непереходных глаголов слабой огласовки корня плюс суф. **-ya*; выработка предложения с оформлением прямого дополнения предлогом; использование женского рода для индивидуализации предмета.

Объединяет сравниваемые языки также образование форм прошедшего времени на базе конструкции III. Однако конструкция III мо-

гла формироваться и в более ранний период, предшествующий мунджано-шугнано-язгулямской общности. Ср. аналогичное образование форм прошедшего времени в ваханском и ишкашимском.

3. Все это дает достаточные основания для объединения сравниваемых языков в одну, генетически общую, группу. Фактически нет никаких препятствий к возведению их и к непосредственной общности,¹ которая, однако, судя как по степени современного расхождения языков, так и по данным лексического сопоставления по списку из 100 слов, относится уже к довольно раннему времени.

4. Существенные отличия ишкашимского и ваханского языков не означают обязательного выключения их из данной генетической группы. В некоторых существенных чертах они обнаруживают сходство с мунджано-шугнанской группой: а) для них восстанавливается, по-видимому, тот же тип вокализма;² б) общим для них является становление форм прошедшего времени через конструкцию III (ср. соседний афганский язык, где формы прошедшего времени развивались через конструкцию II). Однако эта допускаемая между ними общность может относиться лишь к очень раннему историческому периоду. Поэтому в дальнейшем при определении генетической принадлежности ишкашимского и ваханского языков едва ли можно будет избежать привлечения к сравнению остальных восточноиранских языков, вплоть до осетинского.

¹ Единственную оговорку может составить лишь не вполне показное *š* в мундж. *nyjōš* — "показывать" и пр. (см. § 10, п. 7).

² Следует внести поправку к ГОЯШ I 24: ваханский не дает различия долгих **u* — *ū* и **i* — *i*; отражение через *ə* имеем для **ū*, *i* в положении перед двумя согласными, через *i* — перед одним согласным.

§ 210. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что ваханский, определяемый как язык, наиболее отличающийся от прочих памирских языков, имеет в то же время большое количество специфических совпадений с шугнано-язгулямской группой, наблюдающихся не только в лексике, но и в грамматике. Ср., например, следующие совпадения.

В грамматике. I. Совпадают суффиксы относительных имен:

а) шугн. -ēj, -ēz, язг. -ig, вах. -ij: шугн. kurtayēj "материя на платье", вах. dərəstij "материя на рукава"; шугн. picej, вах. pətij "пасынок" и пр;

б) шугн. -īnj, руш. -īnj, язг. -ang, вах. -yng: шугн. biōr-(n)īnj, вах. bəorāng "весенний"; шугн. pīrōnīnj "передний", вах. səbasāng "задний" и пр.

2. Совпадают предлоги и послелоги:

а) предлог шугн. ar, вах. er, отсутствующий в других памирских языках и имеющий, по-видимому, близкое, если не совпадающее, значение направления вниз или внутрь;^I ср. вах. uaw dəyt er diğ "он упал в котел", руш. uā dəyt ar awz "он падает в пруд"; возможно, что семантическая близость относится ко всему тройст-

^I См. ПЯ 105. В приводимых примерах введенное Т.Н.Пахалиной обозначение долгот опускается. Оно может быть весьма полезно для фиксации широты количественного диапазона ваханских гласных, однако фонологического значения длительность гласных в ваханском языке не имеет, что лишний раз подтвердила специальная проверка, проведенная мною в 1968 г. в Душанбе. Долгота или краткость ваханских гласных зависит от последующего согласного: перед глухими смычными они кратки (бар "грудь"), перед звонкими - долги (ṭar "камень"), перед глухими шелевыми и перед n, m, l - варианты (baf/

венному ряду основных локативных предлогов: шугн. гр. pa - tar - ar, вах. pə - tər - er, - тоже специфичному для шугнанской группы и ваханского языка;

б) совпадает, также отсутствующий в других языках, послелог направленности, цели действия: шугн. -ard, -ra(d), руш., барт. -ri, язг. -ra(g), вах. -rə(k), -ər; ср. руш.хи rid-ri dāk, вах. ʔy tat-rək rand "отдай своему отцу".

3. Только в ваханском языке и шугнанской группе представлено глагольное отрицание шугн. mā, вах. mə с общим модальным значением: шугн. mā lūv; вах. mə ʔan "не говори", "перестань говорить!".

4. Только шугнанская группа разделяет вместе с ваханским судьбу сочетания *fr > r в преф. *fra > vax. rə- // шугн. ra-, ri-. Ср. вах. rə-ṣyā-, шугн. ri-nēs-, но ишк. fyr-nis, мундх. fyr-ṣyū- "забывать". Ср. также вах. ryn, руш. rōn, но мундх. frī-nəʔə, ишк. frun "ниша", "окно".

5. Активным был в ваханском языке суффикс непереходности -s (хотя и в меньшей степени по сравнению с шугнано-язгулямской группой). Ср. вах. rəʃ : rəʃt "печься", где ʃ < *ʃs при рас : rast "печь"; diʃ : diʃt "знать" при vɯdiʃ : vɯdiʃt "показывать"; naʃ : naʃt "пропадать" при nɯs : nost "терять"; rəʃ : rəʃn "ид-ьāf "хороший"). Стойкость долготы перед звонкими и краткости - перед смычными глухими действительно составляет характерную черту ваханского вокализма. Однако эта стойкость далеко не абсолютна и снимается при эмоциональной речи (ср. экспрессивное ʔer! "рычи!"), а также в безударных или слабо ударных слогах (ср. ударное kī "кто", но безударный союз kī и пр.); она очень ослабляется, если не совсем снимается, в слогах, закрытых двумя согласными, и в открытых слогах.

ти"; wəreǝ : wəreǝn "оставаться"; ǝəxə : ǝəxəst "проходить"; ǝəfə : ǝəfəst "бежать".

В л е к с и к е. Ср. специфические совпадения: вах. məɾɜ, руш. māv "голод(ный)"; вах. rəɖn, шугн. bɪɖān "седло"; вах. rus, шугн. pɪs "овцы"; вах. ɖur, срк. ɖer, язг. ɖūr "долина"; вах. nɪw : nowd, шугн. nāw : nīwd "плакать"; вах. ǝərk, шугн. ǝabəz "прут", вах. wəʃik, шугн. wɪʃə, "ключ", вах. ǝnu, шугн. ǝbu "груда камней", "каменные глыбы"; вах. kəməu : kəmt, шугн. ɖəmb : ɖəmt, язг. kam : kamt "хотеть"; вах. nɪɖin, язг. naɖang "ножны"; вах. ǝaʃ, язг. ǝaʃ "рот", вах. ruɪn, язг. roɪn "белый" и др.

Ср. общие активные корни: вах. rəǝ : rəǝn "идти", язг. wəɾəxə : wəɾəyɖ "проходить"; вах. wəreǝ : wəreǝn, руш. raɪs : raɪyɖ "оставаться"; вах. rəwɪz : rəwɪzɖ, шугн. rɪwāz : rɪwɪxt, язг. ǝawez : ǝawɪxt "взлетать"; вах. wɪz : wəʃt, шугн. wōx : wəxt "падать", шугн. wāz : wɪxt "плавать", шугн. wɪz "груз", "поклажа"; вах. ǝan : ǝat "говорить", язг. ǝan : ǝant "петь", "читать", шугн. ǝan : ǝud "слушать"; вах. nɪsɪv : nɪsɪvɖ, шугн. sər : sərɖ "высматривать", "выслеживать" и пр.

§ 211. Эти схождения, носящие в большинстве своем системный характер, не могут не говорить об очень давних и глубоких связях ваханского языка с шугнано-язгулямской группой. В частности, общность с ваханским языком предлогов pa - tar - ar, охватывающая всю шугнанскую группу, едва ли могла сложиться позже общешугнанского периода, а распространение ряда схождений на язгулямский язык говорит о значительно более ранних связях.

Следовательно, мы можем выделить два периода взаимодействия ваханского языка с шугнано-язгулямской группой. Первый период относится к шугнано-язгулямской общности, ср. послелог вах. -rə(k), язг. -ra(g), руш., барт. -ri, шугн. -ra(d), -ard; активность суффикса непереходности -s; суффикс относительных прилагательных

вах. -ng, руш. -ünj, язг. -ang; общность в активизации тех или иных корней в словаре, например * $\sqrt{\text{rik}}$, * $\sqrt{\text{waz}}$ и др. Второй период относится к шугнанской языковой общности; язгулямский язык после своего отделения воздействию ваханского языка уже не подвергался. Ср. специфические схождения шугнанской группы с ваханским языком: предлоги pa - tar - ar; глагольный префикс ra-; максимальное фонетическое сближение указательных местоимений в прямом падеже, ср., например, руш. ya (хуф. yaw), yid, yim (хуф. yam) при вах. ya / yaw, yet, yet; специфические схождения в лексике, например вах. nɪw : nowd, шугн. nāw : nīwd "плакать" при язг. ɾəɾaw : ɾəɾawɖ и пр. Сюда же относится и общешугнанское rɪnɪz : rɪnūyɖ "одеваться", совпадающее с вах. rɪmɪs : rɪmāyɖ при язг. nəɾand : nəɾost, мундж. ɖɪnd : ɖɪnst (ср. также мундж. nɪyɪd : nɪyust "покрывать"). Корень * $\sqrt{\text{mauk}}$ сохранился в язгулямском и мунджанском в другом значении, ср. язг. nɪmoxə : nɪmox "вылезать", мундж. mɪɪ : mɪyɖ "двигаться", "шевелиться".

§ 212. Подобные семантические сдвиги в словаре, смещения в фонетических закономерностях (ср. несвойственную шугнанской группе интерпретацию *fr в преф. *frā > ra при закономерном *fr > fir- в других случаях: firəɪz "блоха", firəw- "полоскать", язг. fəɾxɪs- "поскользнуться" и пр.), выравнивание грамматических моделей (например, предлогов, союзов, начинательных инфинитивных конструкций, выражения изъявительности и модальности^I и др.) го-

^I Изъявительность в утвердительном предложении выражается обычно энклитической частицей шугн. gr. -ta, -ti, вах. -ǝə, -ər; в отрицательном - частицей отрицания na. Модальность в утвердительном предложении выражается отсутствием названных энклитических частиц, в отрицательных - специализированным модальным отрицанием шугн. mā, вах. mə. В язгулямском языке с этой моделью

ворот нам о субстратном характере языковых связей между шугнано-язгулямской группой и ваханским языком.

Вполне возможно, что именно ваханское языковое воздействие определило в ряде случаев характер и направление тех языковых изменений, которые отличают шугнано-язгулямскую группу от мунджанского языка. Так, например, ваханское субстратное воздействие могло определить для шугнано-язгулямской группы иной вариант реализации конструкции III в формах прошедшего времени с развитием в них отделяемых личных показателей и с утратой полнозначных энклитических местоимений. Воздействие близкой иноязычной языковой системы особенно легко сказывается как раз в тех случаях, когда та или иная форма данного языка еще только находится в становлении, не создав нормы. Дальнейшие изыскания в этом направлении должны стать темой специального исследования, которое вполне может быть осуществлено уже в ближайшее время по выходе в свет новых ожидаемых материалов.

§ 213. Современные связи ваханского языка с шугнанской группой ограничиваются его контактами с собственно шугнанским языком, а также с сарыкольским, поскольку синьцзянские ваханцы непосредственно соседят с сарыкольцами. Эти связи носят характер внешних контактов, основное же воздействие ваханский язык испытывает со стороны таджикского языка в пределах Советского Союза и уйгурского в Синьцзяне.

§ 214. Если шугнано-язгулямская группа испытывала воздействие ваханского языка, то мунджанский язык, в свою очередь, обнаруживает давние связи с ишкашимским языком. Эти языки находились в соседстве еще до разделения их на диалекты, т.е. до тер-

риториального отделения Иидга от мунджи, с одной стороны, и ишкашимцев от сангличцев - с другой. Об этом можно судить по общим для всех диалектов лексическим сходжениям, например ишк. *ambi*, мундж. *ābu* "каменистое место"; ишк. *vol*, мундж. *vor* "балка"; ишк. *is* : *oʻlad*, мундж. *ās* : *ōʻau* (другие примеры см. в § 8). Однако специфических грамматических сходжений для этого периода не отмечается. Впоследствии, когда ишкашимский язык отделился, сангличский диалект некоторое время продолжал сохранять (может быть, даже усилил) тесные связи с мунджанским, оказавшие воздействие и на грамматическую сторону языка. Ср. оформление прямого дополнения предлогом *va* в сангличском, внесенное из мунджанского и заимствованное мундж. *hezət* "себя, себе", отсутствующее в Иидга (§ 183). В общем же связи между мунджанским и ишкашимским языками были значительно более слабыми, чем между ваханским языком и шугнано-язгулямской группой.

совпадает только утвердительное предложение, отрицательное предложение формальных примет модальности не имеет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Литература

- EUP - G.M o r g e n s t i e r n e. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
 IIFL II - G.M o r g e n s t i e r n e. Indo-Iranian Frontier Languages. Oslo, 1938.
 NTS I - G.M o r g e n s t i e r n e. Notes of Shughni. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, Bd. I. Oslo, 1928.
 БДШ - Д.К а р а м ш о е в. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.
 ГОЯШ - В.С.С о к о л о в а. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. М., 1967.
 ИЯ - Т.П а х а л и н а. Ишкашимский язык. М., 1959.
 МЯ - И.И.З а р у б и н. К характеристике мунджанского языка. В сб.: Иран, т. I, Л., 1927.
 ОЯИЯ II - В.С.С о к о л о в а. Очерки по фонетике иранских языков, т. II. М.-Л., 1953.
 ПЭ - И.И.З а р у б и н. Памирская экспедиция 1928, вып. IV. Л., 1930.
 ПЯ - Т.Н.П а х а л и н а. Памирские языки. М., 1969.
 СЯ - Т.Н.П а х а л и н а. Сарыкольский язык. М., 1966.
 ХСЯ - Л.Г.Г е р ц е н б е р г. Хотаносакский язык. М., 1965.

- ШРТ - В.С.С о к о л о в а. Шугнано-руманская группа. Языки народов СССР, т. I. М., 1966.
 ЯР - М.Ф а й з о в. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966.
 ЯЯ - Д.И.Э д е л ь м а н. Язгулямский язык. М., 1966.

Языки и диалекты

- ав. - авестийский
 афг. - афганский
 барт. - бартагский
 бадж. - баджунский диалект
 вах. - ваханский
 др.-инд. - древнеиндийский
 и.-е. - индоевропейский
 ишк. - ишкашимский
 йд. - йидга
 мундж. - мунджанский
 орош. - орошорский
 перс. - персидский
 руш. - рушанский
 санглич. - сангличский
 срк. - сарыкольский
 тадж. - таджикский
 хуф. - хуфский
 шугн. - шугнанский
 шугн.гр. - шугнанская группа
 шугн.-язг. - шугнано-язгулямская группа
 язг. - язгулямский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже, в разделе I, приводятся замеченные расхождения в фонологической записи слов между словарем Грюнберга и данной книгой. В разделе II даются дополнения к книге Грюнберга (Мунджанский язык. Л., 1972), составленные им после ее выхода в свет.

I

Поскольку мунджанский язык характеризуется большим количеством дублетных слов (см. § 19), которые не все можно было поместить в словарь, то при выборе того или иного дублета как основного в некоторых случаях возникли расхождения между данной книгой и словарем Грюнберга. Ниже приводятся замеченные расхождения. Вариант данной книги дается без пометы, вариант Грюнберга — с пометой Сл. или Грам. очерк.

В прошедших основах. От корней с сонантом "w": $\text{ly}^{\text{w}}\text{d}$, Сл. $\text{ly}^{\text{w}}\text{d}$ "доить", но ср. вариант $\text{ly}^{\text{w}}\text{d}$ (= $\text{ly}^{\text{w}}\text{d}$) в текстах: $\text{x}^{\text{w}}\text{iro ke ly}^{\text{w}}\text{d}^{\text{am}}$ 151, 3, $\text{wa ly}^{\text{w}}\text{do tayor } \text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ 155, 2; сюда же относятся $\text{my}^{\text{w}}\text{d}$, Сл. $\text{my}^{\text{w}}\text{d}$ "качаться"; $\text{my}^{\text{w}}\text{ʃk}$, $\text{my}^{\text{w}}\text{ʃk}$, Сл. $\text{my}^{\text{w}}\text{ʃk}$ "слышать". Во всех приведенных случаях в Словарь внесены поздние формы с выравниванием огласовки по настоящей основе, вытесняющие старые причастные основы со слабой огласовкой. От корней на сонант "n, "m: $\text{b}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{b}^{\text{w}}\text{e}$ (= $\text{b}^{\text{w}}\text{e}$) "приходить", но ср. в тексте: $\text{le}^{\text{w}}\text{da o}^{\text{w}}\text{e}$

21, 10, ср. также в Сл. от того же корня $\text{le}^{\text{w}}\text{e}$ "входить"; сюда же относится $\text{ly}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{le}^{\text{w}}\text{e}$ (= $\text{ly}^{\text{w}}\text{e}$) "трясти"; $\text{ly}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{le}^{\text{w}}\text{e}$, Грам. очерк, стр. 435, табл. 7 также $\text{le}^{\text{w}}\text{e}$ (= $\text{ly}^{\text{w}}\text{e}$); $\text{p}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{p}^{\text{w}}\text{e}$ (= $\text{p}^{\text{w}}\text{e}$) "сыпать". Здесь формы, внесенные в Словарь, также являются поздним уподоблением распространенным основам прошедшего времени на - ny/ly (в транскрипции Гр. - e/ly), ср. полностью перешедший на это окончание во всех говорах глагол $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ "ударять" (* $\sqrt{\text{gan}}$).

Объективные формы указательных местоимений женского рода vo^{w} , va^{w} , ve^{w} , Сл. и Грам. очерк vow^{a} , va^{a} , ve^{a} , но ср. в тексте: ve^{a} (= vye^{a}) $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$..., vow^{a} (= vow^{e}) $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$ 32, 7.

Неясен род в слове $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, ср. в тексте: $\text{p}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$ $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{g}^{\text{w}}\text{rdi}$..., $\text{p}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{da ta ke u}^{\text{w}}\text{e}$ 90, 4; $\text{y}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{ju}^{\text{w}}\text{ola ru}^{\text{a}}$ $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$ $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$ 91, 7.

Что касается расхождения начальных гласных: $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, то здесь тоже вероятны дублеты (переход $\text{e} > \text{e}$ под влиянием y или других среднеязычных); сюда же относится: $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$ "мост"; $\text{u}^{\text{w}}\text{e}/\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$ "столько"; ср. также смягчение $\text{m} > \text{i}$: $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{u}^{\text{w}}\text{e}/\text{u}^{\text{w}}\text{e}$.

В настоящей основе глагола fx^{w} : $\text{fx}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. fx^{w} : $\text{fx}^{\text{w}}\text{e}$ "стричь овец"—вероятнее w , ср. в тексте: $\text{va mol fx}^{\text{w}}\text{e}$ 152, II; ср. шугн. $\text{pi}^{\text{w}}\text{e}$: $\text{pi}^{\text{w}}\text{e}$.

В отдельных словах: $\text{k}^{\text{w}}\text{e}/\text{k}^{\text{w}}\text{e}$, Сл. $\text{k}^{\text{w}}\text{e}$ "бык", но ср. дублеты в тексте: $\text{na lajmon-an liy}^{\text{a}}\text{t k}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$...; $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$ $\text{va k}^{\text{w}}\text{e}^{\text{a}}$ 64, 29 и 30; av^{w} , Сл. av^{w} (= av^{w}) наст. осн. гл. "приносить", но ср. в тексте: $\text{u}^{\text{w}}\text{e}$ avar 59, 9.

Во фразе, разбираемую в § 84 ... $\text{p}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{a}^{\text{w}}\text{d}^{\text{w}}\text{e}-\text{an sk}^{\text{w}}\text{e}$... (так в первичной записи)—при выверке текста информатором внесен предлог da , который и вошел в окончательный текст книги: $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ ru $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{am}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{da p}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ $\text{a}^{\text{w}}\text{d}^{\text{w}}\text{e}-\text{an, sk}^{\text{w}}\text{e}$, $\text{le}^{\text{w}}\text{a}$ $\text{ʒ}^{\text{w}}\text{e}$ 77, 15. Но здесь

мы имеем просто иную конструкцию фразы, которая не снимает возможности двойственной трактовки skyst: "ударил мечом по голове дракона - (она) отлетела, далеко упала" или (как в переводе Гронберга) "отрезал (ее), отбросил прочь", где непереходное čōst пришлось перевести переходным глаголом. То, что вариант с de является новым вариантом фразы, а не исправлением ошибки, показывает пунктуация первоначальной записи фразы, которую привожу полностью: sayōd pūr že čanōr-ān xōvd. wužyr və aždōr ky aždōr wyl-rōyī, žie pē šamšīr, pūsyr že aždōr-ān skəst, lymre čōst.

II

I. В Словарь следует внести дополнительно следующие статьи:

āghriža, ghriža ж. крупа из толченого зерна.

Āzrāt Sāid Хазрат-Саид (таджикское селение в верхнем течении р. Кокча, ниже лазуритового месторождения Сари-Санг); ср. Ostona.

bād перс.: ~ же после; □ bād že āqrāb-ān после месяца акраба.

bībēžuk шуточная песенка, которую поют дети во время sraǰika (см.).

-ghon, ж. -ghena оконч. прит. мест. (§§ 50, 51).

joināyni многу, много (§ 137).

mīla ж. дрожжи, закваска.

mlemčiy, mlenčiy прил. средний (по возрасту).

nāmež, перс. nāmōz молитва, намаз.

perāwey, ж. perāwgha, в. perāwga прил. черный;

□ wa žāghi wāf perāwghī одежды у них черные.

oškāyni I) восьмеро; 2) ввосьмером (§ 137).

qay, qa то же, что qati (см.).

rūz перс., rūza ж. перс.-мдж. день; □ xšāwa rū-
za žəy ночь стала днем; ср. miš.

staw- : stəy-, 3 л. stāwi, stāwey ругать; □ в.
tōt-əm və mən stāwey отец меня обругал.

Tāgōw Tarob (крупный правый приток р. Мунджан,
впадающий ниже сел. Шорон, и селение в его долине).

wīlfa ж. Вильф (мунджанское селение в долине р.
Tarob).

širāyni I) трое; 2) втроем (§ 137).

2. Названия прасунских селений, приводимые в книге "Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык" на стр. 10 и в Словаре, должны читаться: Raškī, ušīt, wišūt, Ištāwi, Šurū. Этим уточнением транскрипции я обязан проф. Г. Будрусу (Майнц, ФРГ).

3. В конец нижеследующих словарных статей следует добавить параллели из Иидга (по Г. Моргенштерне): corāgha (И. carogh), niyon- : niyend- (И. niyā-əm), pal (И. pol), rožen- : rožey- (И. rāžen language), skun (И. c^okən), waħra (И. waharāgh), wayīna (И. waīna), wūgizgha (И. azūzgho), wūškeno (И. uščeno), wušon- : wu-šay- (И. ušān-əm), xūnā (И. xūno), yiškūn (И. iščīn).

4. В словарные статьи ālqā, boleqā, benā, čang, čarx, hūt, krič, kurūt, kūtā, kutāx, naħīr, nešawōn, pāw, pətk, qiblā, rekobī, šal, širūghān, tāmūs, tasmā, ton, tūrūgh, təkā, xom, xers, zin следует внести помету перс. после опорного слова.

5. В Словарь оказались невключенными некоторые общепонятные персидские слова из текстов, такие как āwāl 'первый', 'сначала', kor 'работа', mārđ 'человек' и др. Отметим, что включить в словарь все персидские "заимствования" вообще не представляется возможным, так как их количество в мунджанском практически не ограничено.

6. В таблице географических названий на стр. 9 название Šo-
гоп должно быть перенесено в левый столбец; мунджанское название
селения - Šār.

7. Уточненное написание некоторых слов: avézdigā (I4), avez-
digā (I4), nērāwghī (223), Məlaū (225), mōl-ān (293), Kəwīya
(313), Kūron (315), и. lo^h (320), ləšx (322), шерсть (326), āg-
huza (337), wévdāt (375), Xāwīya (381), и. rispen (391), nērāw-:
nūreū- 'скисать', *nēriyd, nūreū (табл. на стр.436), nērāw- : nū-
reū- (табл. на стр. 439, правый столбец).

8. В таблицу IO (стр.427) для личного окончания 2 л. ед.
следует внести вариант -i(y).

Кроме того, необходимо учесть следующие замечания: в стать-
ях на слова lūynī, šfirnī, rōnīnī ссылки на § 54 уместнее заме-
нить ссылками на § 137; в таблицу на стр.402 рядом со знаком (x)
следует внести знак gh.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Гласные	33
Исторические соответствия мунджанских гласных	35
Отражение *a и *ā	35
Отражение *i, *ī и *u, *ū	38
Отражение дифтонгов *aj, *au	40
Отражение сочетаний *ay, *aw и *ay, *aw	41
Отражение слабых дифтонгов или сочетаний *əu, *əw	42
Отражение слабых сочетаний *əp и *əm	45
Отражение *ɣ (*əɣ)	47
Сопоставление с шугнано-язгулянской группой	47
Согласные	55
Глагол	64
Настояще-будущее и прошедшее время	64
Спряжение на -t и на -i в мунджанском языке	65
Спряжение I и II	66
Несостоятельность спряжений I и II	74
Причины несостоятельности спряжения I и II	79
Три ступени огласовки при двух спряжениях в насто- ящем времени	80
Промежуточные группы переходных глаголов	82
1. Глаголы со средней огласовкой	82
а. Глаголы с сонантной огласовкой	82
б. Глаголы с *а-огласовкой	84
2. Глаголы со слабой огласовкой	86
Промежуточные группы непереходных глаголов	90
Автономное развитие личных глагольных форм в про- шедшем времени	94
Становление переходных и непереходных глаго- лов в прошедшем времени	94
Несостоятельность противоположения переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени	98
Глаголы непереходного значения с переходным спряжением	99
Смещение падежей подлежащего	102
Смещение окончаний	107
Выводы	110
Список засвидетельствованных глаголов спряжения II и промежуточных	111
Сопоставление с шугнано-язгулянской группой	113
Настояще-будущее время	113
Каузативные глаголы	114
Аффиксы -s и -n-, -n в шугнано-язгулянской группе	119
Показатель непереходности -s	120
Показатель переходности -n-, -n	122
Непереходные основы на *-ya в шугнано-язгуля- нской группе	126
Выводы	130
Прошедшее время	132
Неотделяемость личных показателей в мунд- жанском	132

Косвенная конструкция без личных показателей в шугнано-ягулямской группе	135
Глаголы с залоговой нерасчлененностью в шугнано-ягулямской группе	137
Отсутствие объектного спряжения	138
Выводы	140
Перфект	141
Перфектная основа	141
Формы перфекта	143
Непереходные глаголы	143
Переходные глаголы	146
Формы перфекта в шугнано-ягулямской группе	154
Каузативные суффиксы	156
Имя и местоимение	160
Число	160
Частица -аџ	162
Предлоги и послелоги	164
Род	180
Местоимения	190
Лексика	194
Схождения	194
Общность в словообразовании	194
Общие продуктивные корни	199
Расхождения	203
Сопоставление по списку из ста слов	208
Заключение	232
Список сокращений	240
Приложение	242

PK
6991
.P3
S6